

Austrian Journal of Humanities and Social Sciences

**Nº 11–12 2016
November–December**

«East West» Association for Advanced Studies and Higher Education GmbH

**Vienna
2016**

Austrian Journal of Humanities and Social Sciences

Scientific journal

№ 11–12 2016 (November–December)

ISSN 2310-5593

Editor-in-chief

Busch Petra, Austria, Doctor of Economics

International editorial board

Abdulkasimov Ali, Uzbekistan, Doctor of Geography
Adieva Aynura Abduzhalalovna, Kyrgyzstan, Doctor of Economics
Akhmedova Raziya Abdullayevna, Russia, Doctor of Philology
Atayev Zagir Vagitovich, Russia, Ph.D. Geographical Sciences
Balabiev Kairat Rahimovich, Kazakhstan, Doctor of Law
Barlybaeva Saule Hatiyatovna, Kazakhstan, Doctor of History
Bogolub Tatiana Maksimovna, Ukraine, Doctor of Economics
Bolshakov Andrey Georgievich, Russia, Doctor of Political Sciences
Bondarenko Natalia Grigorievna, Russia, Doctor of Philosophy
Bulatbaeva Aygul Abdimazhitovna, Kazakhstan, Doctor of Education
Chiladze George Bidzinovich, Georgia, Doctor of Economics, Doctor of Law
Dalibor Milorad Elezović, Serbia, Doctor of History
Fazekas Alajos, Hungary, Doctor of Law
Gaydin Sergey Tihonovich, Russia, Doctor of History
Gurov Valeriy Nikolaevich, Russia, Doctor of Education
Ibragimova Liliya Ahmetjanovna, Russia, Doctor of Education
Ibraeva Alua Salamatovna Kazakhstan, Doctor of Law
Ivana Blahuna, Ukraine, Doctor of Economics
Ivannikov Ivan Andreevich, Russia, Doctor of Political Sciences, Doctor of Law
Jansarayeva Rima, Kazakhstan, Doctor of Law
Khurtsidze Tamila Shalvovna, Georgia, Doctor of Law
Konstantinova Slavka, Bulgaria, Doctor of History
Korzh Marina Vladimirovna, Russia, Doctor of Economics
Lekerova Gulsim, Kazakhstan, Doctor of Psychology

Lewicka Jolanta, Poland, Doctor of Psychology
Massaro Alessandro, Italy, Doctor of Philosophy
Melnichuk Marina Vladimirovna, Russia, Doctor of Economics
Meymanov Bakyt Kattoevich, Kazakhstan, Doctor of Economics
Moldabek Kulakhmet, Kazakhstan, Doctor of Education
Morozova Natalay Ivanovna, Russia, Doctor of Economics
Moskvin Victor Anatolevich, Russia, Doctor of Psychology
Navruzoda Bakhtiyor, Tajikistan, Doctor of Economics
Novikov Alexei, Russia, Doctor of Education
Petrov Vasily Borisovich, Russia, Doctor of Philology
Salaev Sanatbek Komiljanovich, Uzbekistan, Doctor of Economics
Salamatovna Ibraeva Alua, Kazakhstan, Doctor of Law
Shadiev Rizamat Davranovich, Uzbekistan, Doctor of Education
Shahutova Zarema Zorievna, Russia, Ph.D. of Education
Soltanova Nazilya Bagir, Azerbaijan, Doctor of Philosophy, Ph.D. of History
Spasennikov Boris Aristarkhovich, Russia, Doctor of Law, Doctor of Medicine
Suleymanova Rima, Russia, Doctor of History
Tereschenko-Kaidan Liliya Vladimirovna, Ukraine, Doctor of Philosophy
Tsersvadze Mzia Giglaevna, Georgia, Doctor of Philology
Yashkova Tatiana Alexeevna, Russia, Doctor of Political Sciences
Yurova Kseniya Igorevna, Russia, Ph.D. of History
Zhaplova Tatiana Mikhaylovna, Russia, Doctor of Philology
Zolotukhina-Abolina Elena, Russia, Doctor of Philosophy

Proofreading

Kristin Theissen

Cover design

Andreas Vogel

Additional design

Stephan Friedman

Editorial office

European Science Review "East West" Association for Advanced Studies and Higher Education GmbH, Am Gestade 1 1010 Vienna, Austria

E-mail:

info@ew-a.org

Homepage

www.ew-a.org

Austrian Journal of Humanities and Social Sciences is an international, German/English/Russian language, peer-reviewed journal. It is published bimonthly with circulation of 1000 copies.

The decisive criterion for accepting a manuscript for publication is scientific quality. All research articles published in this journal have undergone a rigorous peer review. Based on initial screening by the editors, each paper is anonymized and reviewed by at least two anonymous referees. Recommending the articles for publishing, the reviewers confirm that in their opinion the submitted article contains important or new scientific results.

Instructions for authors

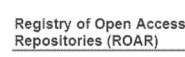
Full instructions for manuscript preparation and submission can be found through the "East West" Association GmbH home page at: <http://www.ew-a.org>.

Material disclaimer

The opinions expressed in the conference proceedings do not necessarily reflect those of the «East West» Association for Advanced Studies and Higher Education GmbH, the editor, the editorial board, or the organization to which the authors are affiliated.

East West Association GmbH is not responsible for the stylistic content of the article. The responsibility for the stylistic content lies on an author of an article.

Included to the open access repositories:

© «East West» Association for Advanced Studies and Higher Education GmbH

All rights reserved; no part of this publication may be reproduced, stored in a retrieval system, or transmitted in any form or by any means, electronic, mechanical, photocopying, recording, or otherwise, without prior written permission of the Publisher.

Typeset in Berling by Ziegler Buchdruckerei, Linz, Austria.

Printed by «East West» Association for Advanced Studies and Higher Education GmbH, Vienna, Austria on acid-free paper.

History and archaeology

История и археология

УДК 94(470.57)

DOI: <http://dx.doi.org/10.20534/AJH-16-11.12-3-9>R. N. SULEIMANOVA¹¹ *Institute of History, Language and Literature, Ufa Scientific Center, Russian Academy of Sciences, Ufa, Russia*

“CULTURAL, EDUCATIONAL, MORAL, EDUCATIVE AND LABOUR ASSISTANCE GOALS”: ON THE ORIGIN AND ACTIVITIES OF THE WOMEN’S SOCIETY IN UFA PROVINCE

Abstract

Objective: The paper is aimed at the research of the association of Bashkir and Tatar Women (the first one in Russian and world history) that appeared as an actor of public life in one of the Russian regions — in Ufa province — almost 110 years ago. The author aims to evaluate the historical experience of its charity activities taking into account today’s realities.

Methods: problem-chronological, retrospective, comparative-historical, biographical, statistical.

Results: Based on the available scientific literature, published and unpublished documentary sources the author has identified historical preconditions for the development of public life in the regions of Russia, particularly in Ufa province, the origins of national movements and mass public organizations of different types. The research has determined how these processes affected the changes in the consciousness of women and establishment of Bashkir and Tatar society in 1907 in Ufa. Participation of women in the activities of the society can be considered as the first step of entering into public life, acquisition of skills of collective activity, initial attempts of manifestations of social activity outside home life. Therein lies the importance of the historical experience of social activity.

Scientific novelty: for the first time on the basis of the above named methods, the author examined the impact of the events of the early XX century on the activation of women’s factor in public life of one of the Russian regions — Ufa province, the emergence of the society of Bashkir and Tatar women (the first in Russian and regional history), revealed the importance of their work in the uneasy conditions of the traditional views on women.

Practical significance: principal statements and findings of the research may be useful for scientific and pedagogical activity, consideration of gender, regional and national aspects in history.

Keywords: society; Bashkir and Tatar women; charity; education; province.

References:

1. Sulejmanova, R. N. V edinenii – sila! Zhenskie obshhestva v Bashkortostane na rubezhe XIX – XX vv. Kratkij istoricheskij ocherk. (*In unity – the power! Women’s Society in Bashkortostan on a boundary XIX – the XX century. Brief historical.*), Ufa: Belaja reka, 2008, 136 p. (in Russ.).
2. Ustav Ufimskogo musul’manskogo blagotvoritel’nogo obshhestva (*The Charter of the Ufa Muslim charitable society*), Ufa: Elektro-tipografija, 1915, 27 p. (in Russ.).
3. Sulejmanova, R. N. Blagotvoritel’nicy, Bashkortostan v XX stoletii: Istoricheskie portrety. (*Philanthropists, Bashkortostan in the XX century: Historical portraits. Issue II. Collected papers*), Ufa: Gilem, 2007. Pp. 85–101 (in Russ.).

4. Sulejmanova, R. N. Zhenskoe dvizhenie v Bashkortostane. 1900–1941. (*The women's movement in Bashkortostan. 1900–1941. A collection of documents and materials*), Ufa: Gilem, 2008, 272 p. (in Russ.).
5. Ustav Ufimskogo musul'manskogo damского obshhestva. (*The Charter of the Ufa Muslim feminine society*), Ufa: Vostochnaja pechat', 1913, 37 p. (in Russ.).
6. Obzor Ufimskoj gubernii za 1912 god. (*The review of the Ufa province for 1912*), Ufa: Gubernskaja jelektricheskaja tipografija, 1914, 107 p. (in Russ.).
7. Otchet Ufimskogo musul'manskogo damского obshhestva za 1911 god. (*Report of the Ufa Muslim feminine society for 1911*), Ufa: Jelektricheskaja tipografija Tovarishhestva «Pechat'», 1911, 10 p. (in Russ.).
8. Otchet Ufimskogo musul'manskogo damского obshhestva za 1912 god. (*Report of the Ufa Muslim feminine society for 1912*), Ufa: Parovaja tipolitografija N. V. Sharovkina, 1913, 15 p. (in Russ.).
9. Otchet Ufimskogo musul'manskogo damского obshhestva za 1913 god. (*Report of the Ufa Muslim feminine society for 1913*), Ufa: Jeлектро-типография «Vostochnaja pechat'», 1914, 15 p. (in Russ.).
10. Otchet Ufimskogo musul'manskogo damского obshhestva za 1914 god. (*Report of the Ufa Muslim feminine society for 1914*), Ufa: Jeлектро-типография «Vostochnaja pechat'», 1916, 11 p. (in Russ.).

Information about the author

Rima N. Suleimanova, Doctor of History, assistant professor, Head of Department of the Contemporary history of Bashkortostan, Institute of History, Language and Literature of the Russian Academy of Sciences, Ufa Scientific Centre

Address: 71, prospect October, 450054, Ufa, Russia, tel.: + 7 (347) 235–60–50

E-mail: rnsulejman@mail.ru

ORCID: <http://orcid.org/0000-0003-1877-5421>

Р. Н. СУЛЕЙМАНОВА¹

¹ Институт истории, языка и литературы Уфимского научного центра РАН, г. Уфа, Россия

«ЦЕЛИ КУЛЬТУРНО-ПРОСВЕТИТЕЛЬНЫЕ, НРАВСТВЕННО-ВОСПИТАТЕЛЬНЫЕ И ТРУДОВОСПОМОГАТЕЛЬНЫЕ»: О ВОЗНИКНОВЕНИИ И ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ЖЕНСКОГО ОБЩЕСТВА В УФИМСКОЙ ГУБЕРНИИ

Аннотация

Цель: рассмотреть появление в общественной жизни в одном из российских регионов — Уфимской губернии, почти 110 лет тому назад первого не только в истории России, но и в мировой истории, объединения женщин башкирок и татарок, с учетом современных реалий дать оценку важности исторического опыта его деятельности, имевшего благотворительную направленность.

Методы: проблемно-хронологический, ретроспективный, сравнительно-исторический, биографический, статистический.

Результаты: опираясь на имеющуюся научную литературу, опубликованные и неопубликованные документальные источники выявлены исторические предпосылки создания условий активизации общественной жизни в регионах России, в частности, в Уфимской губернии, зарождения национальных движений и массовых организаций различного толка. Определено влияние этих процессов на перемены в самосознании женского населения и возникновение в 1907 году общества башкирок и татарок в Уфе. Анализ участия в его деятельности этих женщин можно оценить, как первый шаг вступления в общественную жизнь, приобретение навыков коллективной деятельности, первоначальные попытки проявления социальной активности за пределами дома. В этом заключается важность исторического опыта деятельности общества.

Научная новизна: в статье впервые на основе вышеуказанных методов исследовано влияние событий начала XX века на активизацию женского фактора в общественной жизни одного из российских регионов — Уфимской губернии, возникновение первого в отечественной и региональной истории общества башкирских и татарских женщин, показана важность его деятельности в тех непростых условиях наличия традиционных воззрений на женщину.

Практическая значимость: основные положения и выводы статьи могут быть использованы в научной и педагогической деятельности при рассмотрении вопросов гендерной, региональной и отечественной истории.

Ключевые слова: общество; башкирские и татарские женщины; благотворительность; просвещение; губерния.

ВВЕДЕНИЕ

Так начинается один из пунктов устава общества, возникшего в почти 110 лет назад, в начале XX века в городе Уфе, называвшегося Уфимским мусульманским дамским обществом, поставившим перед собой эти цели. Оно стало первым обществом в отечественной истории, которое организовали башкирские и татарские женщины в одном из российских регионов — Уфимской губернии. За период своей кратковременной деятельности (уже после февральских событий 1917 года о нем нет упоминаний) оно немало сделало по реализации записанных в уставе целей. Обратимся к истории возникновения дамского общества и рассмотрим его деятельность.

РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

Начало XX века стало временем огромных потрясений и кардинальных перемен в России, масштабность и многогранность которых подняли на качественно новый уровень развития регионы страны. Этот период характеризовался заметным оживлением общественной жизни, небывалым подъемом социальной активности населения, зарождением национальных движений и многочисленных организаций различного толка.

Массовое возникновение общественных организаций в России и ее губерниях совпали с событиями первой российской революции 1905–1907 годов. Именно тогда появились «Временные правила об обществах и союзах», утвержденные императором в марте 1906 года, установившие новый порядок регистрации возникавших общественных организаций и единый юридический стандарт для учреждения всех общественных организаций и союзов, а также регламентации их деятельности [1, с. 34]. Вскоре после их обнародования благотворительность стала принимать общественный характер. Повсеместно начинают возникать общества самых разных направлений.

Первая российская революция потрясла страну, затронула все население, дала мощный толчок вовлечению в общественно-политическую жизнь и борьбу те слои и классы общества, также народы, которые раньше в ней вообще не участвовали. К таковым можно отнести мусульманские народы страны и женщин. Именно последние стояли у истоков становления и развития женских обществ, да и в целом женского движения в России и в регионах, в частности в Башкирском крае. В уставах мусульманских обществ, возникших в начале XX века, было записано, что членами могут быть лица обоего пола, всех званий и состояний, без различия вероисповедания [2, с. 2].

В общественной жизни России приблизительно в 60-х годах XIX века появился женский вопрос, стали возникать женские организации. Вопросы освобождения женщин включали в себя требования предоставления им избирательных прав, а также прав на получение образования и занятие государственных должностей. Но если в европейских государствах в этом случае в качестве первоочередной ставилась задача добиваться предоставления им избирательных прав, то в самодержавной России на первый план выдвигались вопросы женского образования и общественной деятельности. В то же время в регионах империи, в частности национальных, имелась своя особенность понимания этой проблемы. Прогрессивная общественность, феминистки концентрировали свое внимание на проблемах эмансипации, основным условием которой считали обучение женщин грамоте и преодоление ряда религиозных положений, задевавших их честь и достоинство, как многоженство, неравноправие в имущественных и бракоразводных процессах [3, с. 86].

Если в общественной жизни России женский вопрос, представления о новой роли женщин в обществе приходятся на XIX век, особенно на его вторую половину, то в истории Башкирского края активное

осознание и понимание необходимости изменения взглядов на него происходят в период после революции 1905–1907 годов. Именно в это время на передний край общественной жизни выходят женский вопрос и взаимосвязанные с ним проблемы брака, семьи, воспитания детей, образования и духовной культуры. В местной печати стали публиковаться многочисленные статьи на темы женского освобождения, равноправия в обществе и семье [1, с. 14,15]. Среди авторов этих публикаций немало было женщин. Исходя из документальных источников, заметим, что у истоков этого движения стояли женщины, в основном представительницы влиятельных и знатных семейств, владевшие огромными состояниями, проживавшие в крупных городах, получившие прекрасное образование. Они добровольно жертвовали большие денежные средства на общественные нужды, тем самым создавали условия для «вторжения» женщин в ранее закрытые для них области профессиональной деятельности до объединения их в специальных обществах. Именно на этот послереволюционный период приходится появление в общественной жизни России специальных организаций женщин мусульманок, в их числе в Уфимской губернии — мусульманского дамского общества.

Учредительницами Уфимского мусульманского дамского общества выступили женщины из богатых, влиятельных семейств города Уфы и Уфимской губернии: дворянки С. М. и З. М. Султановы, Ф. М. Басимова, М. Т. Султанова, С. С. Джантюрина, жена генерал-майора М.-П. С. Шейхалиева, башкирка деревни Кляшевой Г. С.-А. Камалетдинова и многие др. 25 января 1908 года в доме М. Т. Султановой, известной своим активным участием в благотворительных организациях, состоялось собрание. На нем свыше 100 женщин стали членами общества. Было выбрано правление, куда вошли Х. Г. Исхакова, Ф. М. Басимова, Г. И. Усманова, Г. Г. Асякаева и др. Были также выбраны члены ревизионной комиссии, секретарь, казначей и переводчик. Единогласно председателем дамского общества была избрана Марьям Тимирбулатовна Султанова [3, с. 93]. В адрес собрания Духовное управление мусульман направило приветственное послание, в котором говорилось, что «создание первой среди российских мусульманских женщин такого общества приветствуется и это должно послужить примером для всего мирового сообщества, для мусульман страны и самих женщин, а также стать ведущей передовой организацией» [4, с. 18].

Устав общества был зарегистрирован в Уфимском губернском по делам об обществах присутствии 12 декабря 1907 года по разрешению исполнявшего должность губернатора графа А. П. Толстого [5, с. 3]. Подтверждений тому, что общество действительно возникло, кроме архивных документов, можно найти в местных официальных изданиях. В одном из них извещалось, что дамское мусульманское общество основано 11 декабря 1907 года и на свои средства содержит приют для башкирских девочек и 6 начальных медресе [6, с. 95].

В уставе общества были определены цели, которые оно ставило во главу угла своей деятельности: «культурно-просветительные, нравственно-воспитательные и трудовспомогательные». Для их реализации оно предполагало открыть женские школы разных типов, заботиться об улучшении постановки учебного и воспитательного дела, оказывать материальную поддержку учителям и учащимся, принимать меры по получению внешкольного научного и профессионального образования взрослыми мусульманками, открывать библиотеки и читальни, организовать публичные лекции, для обучения ремеслам и занятиям устраивать мастерские, открывать дома трудолюбия, бороться с растлением нравов всеми легальными мерами, открыть лечебницы, амбулатории, приюты для девочек и прочее [6, с. 4].

Деятельность дамского общества, охватывавшая Уфу и Уфимскую губернию, носила, главным образом, благотворительный характер. Оно открывало библиотеки, школы для девочек, приюты для нуждавшихся и престарелых женщин мусульманок, и не только. В доме самого председателя в 1908 году был открыт приют для 25 девочек, полных сирот из знатных семейств. Вскоре в Уфе общество открыло библиотеку для женщин. Позже, в феврале 1911 года М. Т. Султанова пожертвовала дом на улице Спасской, 10 на нужды общества. В 1908/1909 учебном году в функционировавших в Уфе школах, которых оно содержало, обучалось 623 девочки. Общество начало строительство двухэтажного женского медресе [4, с. 18]. В отчете общества за 1911 год сообщалось, что в приюте обучаются 15 девочек сирот в возрасте от 7 до 15 лет. Оно обеспечивало их полностью одеждой, обувью и бельем. Также на его попечении находились 6 начальных женских медресе, в которых обучались 542 девочки, из них 150 были полными сиротами. Всех учениц общество обеспечивало учебниками

и учебными принадлежностями. Оно обеспечивало также учебниками и тетрадями учениц двухклассного русско-башкирского женского училища [7, с. 3].

В отчете за 1912 год указывалось, что общество содержит 5 начальных мектебе (школ), в которых обучаются 430 девочек. В этих школах, кроме общеобразовательных предметов, еще преподавалось рукоделие. В приюте для девочек дети учились шитью, рукоделию, а также шитью из материи и кожи [8, с. 4]. В отчете за 1913 год сообщалось, что общество содержит уже 7 начальных школ, в которых обучаются 450 учениц [9, с. 4]. В отчете за 1914 год указывалось, что в находившихся на попечении общества учебных заведениях обучаются 517 девочек, что оно содержит 14 девочек сирот [10, с. 6].

Заметим, что в 1916 году только в Уфе действовало 10 женских школ, в их числе 7 начальных и 3 среднего типа, в которых обучались 850 учениц. Половина этих школ города содержалась за счет средств жертвователей, другую половину полностью содержало общество М. Т. Султановой. Подобные школы также открывались в других городах Уфимской губернии, как Стерлитамак, Белебей [3, с. 97]. В целом, задача женского просвещения в уставе дамского общества была одной из первоочередных. И вот почему. По сведениям Всероссийской школьной переписи 1911 года в Уфимской губернии и в целом в Оренбургском учебном округе в общем числе учащихся примерно третья часть приходилась на девочек. Но среди них ничтожно мало было девочек башкирок и татарок. И это при том, что в общей численности населения, проживавшего в губернии, более половины приходилась на долю этих народов. Действовали, конечно, начальные школы (мектебы). В 1914 году их насчитывалось 1579 с 90,9 тыс. учащихся, среди которых было 1807 учениц. Имелись в губернии 1045 так называемых «домашних пунктов обучения». Кроме традиционных мусульманских типов школ, существовало также обучение детей на дому у мулл и муэдзинов. В большинстве здесь обучались девочки, с которыми занимались их жены (абыстай) [3, с. 95]. Это подтверждает, что башкирские и татарские женщины, поставленные религиозными канонами и догмами в особое зависимое и бесправное положение в обществе и семье, не имели права на образование.

Дамское общество осуществляло активную деятельность по поддержке разных категорий женского населения города и губернии, имея «достаточный

капитал». В него включались членские взносы, пособия от Уфимской городской управы, губернской земской управы, поступления от купцов и различных общественных организаций. Регулярно силами членов общества, ученицами его учебных заведений организовывались и проводились кружечные сборы, различные благотворительные мероприятия. Так, в электро-театре «Юлдуз» в 1911 году был устроен сеанс, средства с которого в сумме 188 рублей поступили в казну общества. Частыми были кружечные сборы в пользу общества, приюта для девочек, на содержание и обучение девочек сирот. Силами учениц и педагогов, самих членов общества проводились литературные вечера, лотереи-аллегри. Так, в 1914 году в результате их проведения казна общества пополнилась 1739 рублями. Муфтий М. Султанов выделил на содержание в обществе и обучение 2 девочек сирот 18 рублей. Торговый дом братьев Каримовых приобрел для начальных мектебе общества учебники на сумму 19 рублей [10, с. 7, 8].

Как показывают отчеты общества и документальные источники, его деятельность зачастую выходила за ограниченные в уставе задачи. Оно оказывало посильную помощь многим категориям населения Уфимской губернии. И здесь немаловажным фактором являлся имевшийся у общества «капитал» на осуществление разнонаправленной деятельности, выполнение поставленных при создании задач. На 1 января 1912 года дамское общество в своей казне имело 2777,33 рубля, то на начало следующего года – 3118,94 рубля [7, с. 9; 8, с. 14]. К началу 1914 года оно уже располагало 8131,02 рублями [9, с. 15]. Это давало обществу возможность расширять поле деятельности и охватывать все уезды и другие города Уфимской губернии, не ограничиваясь только Уфой. И не только. Оно оказывало посильную материальную помощь «крайне бедным» ученицам, как отмечалось в отчетах, поддерживало также вдовы женщин с детьми, выдавая им денежные пособия. В отчетах общества в отдельных графах указывались выделяемые на эти цели средства. Так, в 1913 году нуждавшейся категории учениц было выдано 289 рублей [9, с. 13]. В 1914 году малоимущим женщинам губернии были выданы обществом пособия, суммы которых варьировались от 18 до 44 рублей [10, с. 11]. (Нужно заметить, что по тем временам это были немалые денежные средства).

В числе тех, кто поддерживал общество материально, в отчетах постоянно упоминались фамилии состо-

ятельных людей Уфимской губернии, и не только, в их числе купцов: из Троицка Ф. Яушева, из Москвы З. Морозова, из Симбирска Ю. Дибердиева, из Уфы Г. Усманова, С. Назирова, Г. Хакимова, М. Хакимова и многих других. Так, в 1913 году на постройку женского медресе дамское общество в виде пожертвований получило от Уфимского купеческого общества, Уфимского Попечительства о бедных мусульманах, многих состоятельных купцов города и губернии довольно значительные денежные средства [9, с. 10].

Рамки статьи не позволяют показать весь сложный путь возникновения, оценить важность деятельности первого в истории России и Башкирского края общества башкирских и татарских женщин. Исходя из небольшого исторического экскурса по его деятельности, мы пришли к следующим выводам:

ВЫВОДЫ

В начале XX века по инициативе самих женщин (и не без поддержки мужчин) в Уфимской губернии возникло мусульманское дамское общество, первая специальная организация женщин башкирок и татарок, как в истории России, так и в истории Башкирского края. Все возрастающая и расширяющаяся деятельность общества и его членов, что отразилось в отчетах, позволяет по-новому взглянуть на роль и место женщин в общественной жизни в начале XX века. Благотворительность стала главным направ-

лением в его деятельности. Поставив перед собой решение насущных задач, прежде всего, женского просвещения, считая, что именно их разрешение является первой ступенью в освобождении женщин и вовлечении их в общественную жизнь, уфимское общество сделало немало в этом направлении. Серьезной была его роль в становлении светского образования женщин в Уфимской губернии и в целом в Башкирском крае. Его деятельность стала первым шагом включения в общественную жизнь, началом борьбы за просвещение и культурное развитие башкирских и татарских женщин в тот сложный период.

Конечно, по характеру своей деятельности оно, как многие другие возникшие в этот период общества, было больше благотворительным и потому особо заметного следа в политической жизни Уфимской губернии и в целом Башкирского края не оставило. Но именно образование, грамотность давало женщинам, осознавая свое бесправие и беспросветное положение, понять необходимость его кардинального изменения. И, как показали последующие события начала XX века, неравноправность, неграмотность, тяжелая жизнь толкали их на борьбу за изменение своего положения в обществе и семье в лучшую сторону. В этом, полагаем, состоит историческое значение деятельности, хотя и кратковременной, общества уфимских башкирок и татарок.

Список литературы:

1. Сулейманова Р. Н. В единении — сила! Женские общества в Башкортостане на рубеже XIX – XX вв. Краткий исторический очерк. Уфа: Белая река, 2008. 136 с.
2. Устав Уфимского мусульманского благотворительного общества. Уфа: Электро-типография, 1915. 27 с.
3. Сулейманова Р. Н. Благотворительницы // Башкортостан в XX столетии: Исторические портреты. Выпуск II. Сборник научных статей. Уфа: Гилем, 2007. С. 85–101.
4. Женское движение в Башкортостане. 1900–1941. Сборник документов и материалов. Отв. редактор Р. Н. Сулейманова. Уфа: Гилем, 2008. 272 с.
5. Устав Уфимского мусульманского дамского общества. Уфа: Восточная печать, 1913. 37 с.
6. Обзор Уфимской губернии за 1912 год. Уфа: Губернская электрическая типография, 1914. 107 с.
7. Отчет Уфимского мусульманского дамского общества за 1911 год. Уфа: Электрическая типография Товарищества «Печать». 1911. 10 с.
8. Отчет Уфимского мусульманского дамского общества за 1912 год. Уфа: Паровая типо-литография Н. В. Шаровкина, 1913. 15 с.
9. Отчет Уфимского мусульманского дамского общества за 1913 год. Уфа: Электро-типография «Восточная печать», 1914. 15 с.
10. Отчет Уфимского мусульманского дамского общества за 1914 год. Уфа: Электро-типография «Восточная печать», 1916. 11 с.

Информация об авторе

Судейманова Рима Нугамановна, доктор исторических наук, доцент, заведующий отделом новейшей истории Башкортостана, Институт истории, языка и литературы Уфимского научного центра Российской академии наук
Адрес: 450054, г. Уфа, проспект Октября, 71, тел.: (347) 235–60–50
E-mail: rnsulejman@mail.ru
ORCID: <http://orcid.org/0000-0003-1877-5421>

D. O. TSEPKOV¹

¹ *Postgraduate student of the Department of Ukrainian history, H. S. Skovoroda
Kharkiv National Pedagogical University (Ukraine)*

LOCAL REGULATORY BODIES OF EDUCATION ON THE TERRITORY OF UKRAINE DURING THE REVOLUTION OF 1917–1921 YEARS (USING THE EXAMPLE OF THE KHARKIV GOVERNORATE)

Abstract

Purpose: to study the structure, main tasks and peculiarities of the functioning of the regional regulatory bodies of education in the Kharkiv Governorate, created by different governments, that struggled for power in Ukraine during the revolution of 1917–1921 years.

Methods: comparative, chronological, system analysis and quantitative research methods.

Results: Using the example of the Kharkiv Governorate, the struggle for power in Ukraine during the fight for national liberation of 1917–1921 years is considered. The activity of different governments on the territory of Ukraine in the scope of regional education management is analyzed. The place of education in the revolutionary plans of the Central Rada, the Hetmanate of P. Skoropadskyi and the representatives of the Soviet government is defined.

Scientific novelty: For the first time, the basic subdivisions of the local regulatory bodies of education in Kharkiv and their activities during the revolution of 1917–1921 years are studied. A comparative analysis of different models of education management, created by the Ukrainian and Soviet governments is made.

Keywords: zemstvo; ukrainization; teacher's conference; governorate department of education; state bodies' structure.

INTRODUCTION

The fight for national liberation of 1917–1921 years is one of the most difficult and controversial periods in the history of Ukraine. The revolution that began in St. Petersburg in February, 1917 swept Ukrainian lands, raised the local national question. The Central Rada was established to represent Ukrainian people's interests to the Interim Government. Later, the General Secretariat was founded. It was the first Ukrainian government. The newly formed government could not solve many questions, so the process of the struggle for power was intensified. National (by turns the Central Rada, then the Hetmanate of P. Skoropadskyi and the Directorate) and monarchical (the Volunteer Army of A. Denikin) political forces and the Bolsheviks struggled for Ukrainian lands. Each of these forces had its own idea and views on the future of Ukraine and Eastern Europe. They tried to get the victory not only with the help of weapons but also through the dissemination of their ideology among the population. Education has become one of the most effective channels of their own ideas popularization. Therefore, each of these forces paid great attention to the estab-

lishment of the local regulatory bodies of education, that had to create schools (national as well as Soviet, labor).

The question of the establishment and the activities of the local regulatory bodies of education in the Kharkiv Governorate during 1917–1921 years has not been a subject of a special scientific research. However, it is necessary to highlight the modern Ukrainian scientists who while exploring the issues of the educational policy during the revolution casually touched Kharkiv. These are monographs of A. Borovyk, V. Maiboroda, V. Lypynskyi and an article N. Ivanova. Moreover, scientists N. Sorochan, S. Zhukov have revealed the activities of the individual local authorities in the field of education management in their articles.

THE STUDY'S RESULTS

In the period from March to June, 1917, i. e. before the proclamation of the I Universal, the Central Rada did not make serious steps to reforming the regulatory bodies of education. Educational districts were the basis of education management in the times of the Russian Empire. The eponymous educational district was in charge of the educational processes of the Kharkiv Governorate.

In addition, the Kharkiv educational district also included Voronezh, Tambov, Kursk, Penza governorates and the Region of the Don Cossack Host. The Head of this educational district in 1917 was I. A. Krasuskyi, a professor of Kharkiv Institute of Technology [17, 2].

With the beginning of the February Revolution of 1917, educational districts were subordinated to the Ministry of Education being a part of the Interim government. The governorate zemstvo and the special department of public education at the local district council were a separate structure, that managed education in the governorate. H. I. Korkushko was the Head of the department in the period from 1917 to may, 1918. [2, 55].

With the proclamation of the I Universal in June, 1917 and the creation of the first Ukrainian government, the General Secretariat, the question of creating the Ukrainian school is often raised at the meetings of the Ukrainian authorities. To reform education in Ukraine fast and fundamentally, it was necessary to change the regulatory bodies' structure. Moreover, the Kharkiv educational district also included Russian governorates. District and volost departments of education as a part of the relevant local district councils had been additionally generated by June, 1917 [3, 42]. During July-August, 1917, the plan of creating the Ukrainian schools in all the Ukrainian governorates for the 1917/1918 academic year was approved. At the end of 1917 the schools of the Kharkiv Governorate began to report to the governorate zemstvo on the number of schools with Ukrainian language of teaching. According to the statistical information given by 159 primary schools of Kharkiv and the Kharkiv district as of 20 December, 1917, 44 schools with Ukrainian language of teaching in the first form were established (37 of them — on the initiative of the district and volost zemstvos), there were still 108 schools with Russian language of teaching, 7 schools did not submit such information. In addition, the task of the governorate zemstvos was to place parish schools under the management of the local authorities [5, 3–154].

After November 7, when the power in Petrograd was seized by the Bolsheviks, and the adoption of the III Universal, the Central Rada became the only state body that exercised the education management in the Kharkiv region [1, 46]. Educational departments at governorate, district and city councils did not provide an adequate level of education ukrainization in most governorates, including the Kharkiv one [1, 48]. In this regard, on November 10 the position of a governorate commissioner

of education was introduced in many governorates. In the Kharkiv region from November until the beginning of December, 1917 this position was held by a famous historian, professor of Kharkiv University D. I. Bagalii, and from December 8 N. Syniavskyi [3, 45].

But the most important issue was reforming the activity of the educational districts. On 28 December, 1917 the Central Rada signed a decree on the elimination of all three educational districts that had been "inherited" by the UNR from the Russian Empire: Kiev, Kharkiv and Odessa [15, 111]. On January 14 the Central Rada adopted another decree and liquidated the directorate and the inspectorate of public schools. The greatest problems arose during the liquidation of the Kharkiv educational district, since by the moment of the decree adoption the Kharkov governorate had been seized by the Bolsheviks. Only from March, 1918, after the Treaty of Brest-Litovsk was signed and the Bolsheviks left the territory of the UNR, the process of reforming the educational authorities in the Kharkiv region was resumed. The education management in Kharkiv Governorate moved to the educational commissariat, which had to include 7 people: four Ukrainians, and three ethnics (the Poles, Jews and Russians). The work was distributed between commissioners [17, 1].

The first staff of the commissariat was formed of Ukrainians, the Poles and Jews. Among the Ukrainian teachers' union there was O. N. Syniavskyi, a former governorate commissioner of education and a teacher of a Ukrainian school, M. A. Plevako — a director of a Ukrainian gymnasium, O. I. Sokolovskyi, a member of the city council and a secondary school teacher, V. N. Fisenko — a teacher of mathematics of a Ukrainian gymnasium. L. I. Feldman became a member of the commissariat being a teacher of a Jewish gymnasium, K. I. Okonskyi — a teacher of a Polish trade school. On 25 April, 1918, the final cut of the staff of the commissariat was approved. H. I. Yushchenko was also included as a representative of Russian teachers. O. N. Syniavskyi was appointed the chairman of the Kharkiv Regional Commissariat of Education [15, 112]. However, it was not clear how the powers would be distributed between the educational departments at zemstvos and district commissariats, so technically, there was a diarchy in the education management.

On 29 April, 1918 as a result of a military coup a Hetman P. Skoropadskyi came to power in Kiev. On 3 May the changes happened in the central government in Kyiv:

M. Vasylenko became a minister of education [19, 6–7]. On May 15–17 there was a meeting of representatives of governorate and district zemstvos in Kiev, where the cultural policy issues were discussed, in particular, the local authorities' participation in the education management. The meeting was attended by the representatives of the Kharkiv Governorate [16, 135]. In general, it was decided to continue the previous policies in education initiated by the Central Rada. The main tasks were: further ukrainization of education (particularly teachers training) and the final elimination of the educational districts and the district commissariats of education, placing the power to the educational departments in zemstvos for further decentralization of the education management.

The staff expansion of the public education department of the Kharkiv governorate state council occurred during 1918. From January to May, 1918, the department had 13 employees, 8 of whom held staff positions and 5 were in their positions as temporary employees. H. I. Korkushko was the head of the public education department in this period, school education was managed by M. P. Andriyevskiy, out-of-school education — by V. O. Kravtsov. The positions of the heads of school statistics, professional education and preschool education were vacant [2, 55].

In August, 1918, the position of the head of school statistics was held by Yu. S. Maliar, and the head of professional education — K. V. Romanenko. During October–December, 1918, the number of full-time employees of the public education department increased to 19, the structure of the department had five subdivisions: school education (3 employees), out-of-school education (3), public education statistics (6), professional education (1), clerical work (5) and the head of the department (1). The department had two staff vacancies — the head of pre-school education and the specialist on libraries. In June, 1918, H. I. Korkushko applied for dismissal. On August 30, the new head of the governorate state educational department was appointed. He was a former member of the Valuisk district zemstvo council, H. V. Dakhno [5, 211–214].

There were changes in the staffing of the Kharkiv Commissariat of Education. In connection with a large task load as a director of a Ukrainian gymnasium, the commissioner of the Ukrainians, M. A. Plevako applied for dismissal. The commissariat instead nominated a teacher Ya. V. Bobruk from Slobozhanska teachers' union [18, 9–12]. However, later in the late summer of

1918, the fourth position of the commissioner from the Ukrainians was taken by O. I. Popov, a teacher of B. Hrinchenko Kharkiv Gymnasium. [18, 20].

Since May, 1918 the main problem in the education management in the Kharkiv Governorate was the absence of the governorate commissioner of education. The reports for the period of May–June, 1918 on the activities of the governorate commissioners of education in the Kharkiv Governorate contained the mark «vacant position» [18, 3–4, 9–12]. Only on June 17 a governorate commissioner was appointed. He was D. O. Tkachenko. But considering his personal request he had the status of «acting», because «never wanted to lose pension» [19, 80].

Because of the overthrow of the Hetmanate by the Directory and the later seizure of Ukraine by the Bolshevik armies, the project of education management launched by the Central Rada and continued by the Hetmanate Ministry in the Kharkiv Governorate has not been completed. In January 1919, the Bolsheviks seized Kharkov again.

On January 29, 1919 Provisional Workers' and Peasants' Government of Ukraine was renamed the Rada of People's Commissars and the department of education was renamed the People's Commissariat of Education. The People's Commissariat of Education of UkrSSR, its structure and the hierarchy of divisions was formed like The People's Commissariat of Education of RSFSR. The main goal of the People's Commissariat of Ukraine was the school reform, the same model that was held in the Bolshevik Russia. In early 1919 the process of forming Soviet education and culture authorities was renewed in the Kharkiv region. The Governorate Department of Education (hereinafter — hubvno) was established in January–February 1919. It was located in Sadovo Kulikovs'ka Street 9/2 (now the Darwin Street) [6, 1].

The Governorate Department of Education consisted of five subdivisions: school, afterschool, arts, science and common subdivision. There was a panel of three people at the head of each subdivision: manager, his deputy and the head of the school section. Each subdivision was divided into sections. For example, after school subdivision (organized on January 10, 1919) was divided into five sections: school, club, library, lecture and cinematic. There was a manager at the head of the section and there were inspectors too [6, 12–25].

The process of establishing the Soviet state education and culture authorities in the Kharkiv region was hampered by the establishment of Denikin regime in June

1919 that lasted until December 1919. During his stay in Odessa the Volunteer Army does not have dedicated regional institutions in the sphere of education but in general Anton Denikin's policy in the sphere of education had the same features as the overall culture had: first of all – the prohibition of Ukrainian language. According to the decisions of the Special Meeting, approved by General Denikin A. I. on the 10th of August, 1919, the study in the Ukrainian language in schools where the teaching had been in the Russian language before Ukrainian authorities came, was prohibited. The study in Ukrainian was permitted in private schools or for private funds. Teaching Ukrainian was abolished, and “Little Russian” language and literature were allowed as optional subjects. The study of the cycle “Ukrainian” (history, language and geography of Ukraine) was stopped [22, 234, 100–101]. On the 12th of December the Armed Forces of South Russia left Kharkov, the city was undertaken by the Bolsheviks for the third time in the period of the Revolution in 1917–1921.

On the 25th of March in 1920 the first Ukrainian meeting of the heads of governorate departments of education was held, they approved the scheme of public education in UkrSSR [13, 48]. At the beginning of 1921 hubvno consisted of eight subdivisions: general; organizational and instructors; estimate and financial; social education; political education; professional education; supply; governorate committee for the protection of monuments of art (hubkopmys) [6, 8–10].

Apart from subdivisions to represent the interests of minority in Kharkiv region there were created three sections — Polish, Armenian and Jewish. Each of these sections had an additional subsection of preschool education. Their main task was to spread communist ideology among the minorities, especially young people [8, 36].

The staff of hubvno was constantly changing; sometimes the positions of the heads of subdivisions remained vacant for several months. While selecting the candidates, they considered the questionnaire, where the main point was about the attitude to the Communist Party. The majority of the accepted to a particular position wrote «sorry» [8, 16].

In general, the staff was similar in all subdivisions. Thus, according to the data of the 7th of October, 1921, each of the subdivisions consisted of: head, secretaries, heads of sections and committees, instructors, couriers and printers. But there were some differences depending on the functions of the subdivision. So, the organization-

al and instructional subdivision had two more statisticians and a researcher, the supply subdivision had warehouse managers (there were three in hubvno) and their employees. The Governorate Commissariat, in addition to the heads of sections, had the heads and employees of museums, archivists, artists, scientists and librarians. The ethnographic section was headed by M. F. Sumtsov and D. I. Bahalii was not only the head of the archives section, but also the head of the Central Historical Archives. There were also commandants and cleaners in the hubvno. There were 291 workers in hubvno in Kharkiv by the 7th of October in 1921 [7, 31–40].

Thus, during the revolution of 1917–1921 years in the Kharkiv Governorate various governments created their local representative bodies that took control of the educational process. Each power saw the role of education in the upbringing of future generations differently, just as the future. National governments (UPR General Secretariat, the Council of Ministers of the Ukrainian State) wanted to ukrainize education and make it the foundation of formation of the Ukrainian nation. The Soviet government wanted to create a labor school, a place where young people assimilated the principles of teamwork and basic ideas of communist ideology.

As for the principles of creation and activities of the regional education authorities, they also differed in different governments. The government, which identified itself with the national liberation movement of the Ukrainian, created the local bodies on the basis of local democracy and decentralization. It can be proved with the attempt of elimination of the school districts that was a trace of imperial times where the leaders were appointed from the center, and replace them with educational departments in the counties where the authorities were elected at the local level. During 1917–1918 the representatives of the biggest minorities (including Russians) were involved into the education management in the Kharkiv Governorate too. The Soviet authorities established their own engine of education management on the principles of centralization and bureaucracy. It can be proved by the growing number of business units, and therefore officials, as well as strengthening the role of the central government and their orders in the management of education in the Governorate.

Acknowledgements

The study was conducted and funded by T. H. Shevchenko Scientific Society in New York (USA).

References:

1. Borovyk, A. M. (2008). Ukrainizatsiia zahalnoosvitnikh shkil za chasiv vyboriuvannia derzhavnosti (1917–1920 rr.). Chernihiv. (in Ukrainian).
2. State archive of Kharkiv region. Fund – 304, registry – № 1, folio – № 3081.
3. State archive of Kharkiv region. Fund – 304, registry – № 1, folio – № 3062.
4. State archive of Kharkiv region. Fund – 304, registry – № 1, folio – № 3068.
5. State archive of Kharkiv region. Fund – 304, registry – № 1, folio – № 3071.
6. State archive of Kharkiv region. Fund – R-820, registry – № 1, folio – № 11.
7. State archive of Kharkiv region. Fund – R-820, registry – № 1, folio – № 18.
8. State archive of Kharkiv region. Fund – R-820, registry – № 1, folio – № 122.
9. Kornovenko, S. V. (2009). Bilyi rukh Pivdnia Rosii: Ahrarna polityka uriadiv A. Denikina, P. Vranhelia (1919–1920 rr.). Cherkasy. (in Ukrainian).
10. Likarchuk, I. L. (2002). Ministry osvity Ukrainy (Vol. 1). Kyiv. (in Ukrainian).
11. Lypynskiy, V. V. (2000). Stanovlennia i rozvytok novoi systemy osvity USSR u dvadtsiati roky. Donetsk: RVA DonDTU. (in Ukrainian).
12. Maiboroda, S. V. (2000). Derzhavne upravlinnia vyshchoiu osvitoiu v Ukraini: struktura, funktsii, tendentsii rozvytku (1917–1959 rr.). Kyiv: Vyd-vo UADU. (in Ukrainian).
13. Shaporda, V. A. (2011). Kulturna polityka Denikinskoho okupatsiinoho rezhymu na Pivdni Ukrainy (serpen 1919 – sichen 1920 r.) (Chornomorskyi litopys ed., Vol. 4). Mykolaiv: Vyd-vo ChDU im. Petra Mohyly. (in Ukrainian).
14. Sorochan, N. A. (2011). Diialnist Kharkivskoho hubernskoho zemstva u spravi upravlinnia osvitoiu i kulturoiu za chasiv ukrainskykh natsionalnykh uriadiv (berezen 1917 roku – hruden 1918 roku) (Zbirnyk naukovykh prats KhNPU im. H. S. Skovorody ed., Vol. 40, Serii «Istoriia ta heohrafiia»). Kharkiv. (in Ukrainian).
15. Sorochan, N. A. (2011). Reformuvannia systemy orhaniv mistsevoho upravlinnia pochatkovoio ta serednoio osvitoiu v Ukraini za doby hetmanatu P. Skoropadskoho (Zbirnyk naukovykh prats KhNPU im. H. S. Skovorody ed., Vol. 41, Serii «Istoriia ta heohrafiia»). Kharkiv. (in Ukrainian).
16. Sorochan, N. A. (2012). Likvidatsiia Kharkivskoho navchalnogo okruhu v Ukraini u 1917–1919 rokakh (Zbirnyk naukovykh prats KhNPU im. H. S. Skovorody ed., Vol. 45, Serii «Istoriia ta heohrafiia»). Kharkiv. (in Ukrainian).
17. Central State Archives of Supreme Bodies of Power and Government of Ukraine (TsDAVO of Ukraine). Fund – 2201, registry – № 1, folio – № 10.
18. TsDAVO. Fund – 2201, registry – № 1, folio – № 30.
19. TsDAVO. Fund – 2201, registry – № 1, folio – № 50.
20. TsDAVO. Fund – 2201, registry – № 1, folio – № 93.
21. TsDAVO. Fund – 2581, registry – № 1, folio – № 49.
22. Zhukov, S. M. (2014). Systema upravlinnia merezheiu zemskykh shkil u Kharkivskii hubernii (1865–1919 rr.). Visnyk NTU «KhPI» ed., Vol. № 25 (1068). Kharkiv. (in Ukrainian).

Information about the authors

Denys O. Tsepkov, Postgraduate student of the Department of Ukrainian history, H. S. Skovoroda Kharkiv National Pedagogical University

Address: 34 Ludwig Svoboda Avenue, 61204, Kharkiv, Ukraine, tel.: +3 (80) 503–111–60

E-mail: tsepkov.den@yandex.ua

ORCID: <http://orcid.org/0000-0001-6372-0011>

Pedagogy

Педагогика

УДК 316.61:[159.927.24]:37 (0.064)

DOI: <http://dx.doi.org/10.20534/AJH-16-11.12-15-24>I. A. MALAKHOVA¹¹ *Belarusian State University of Culture and Arts, Minsk, Republic of Belarus*

METHODOLOGICAL ASPECTS APPLICATIONS OF THE COMPETENCE APPROACH TO EDUCATION IN THE FIELD OF CULTURE OF THE REPUBLIC OF BELARUS

Abstract

Objective: to identify determinants essentially-content competency approach to education in the field of culture.

Methods: system analysis, synthesis, comparison, generalization of scientific information, modeling of socio-cultural processes and events, survey, observation, and the method of expert assessments, studies of pedagogical experience, documentation and art-creative activity of students.

Results: based on the analysis of scientific educational and cultural literature, statistical information and practice activities of educational and cultural institutions revealed traditions training of national personnel with specialized secondary education in the field of culture; formulated the problem of the secondary education system in the field of culture; the essence of the competence approach as a methodological basis for the modernization of education in the field of culture of Belarus; revealed principles of social and professional competence of graduates of secondary specialized educational sphere of culture; it identified creativity as the most important key competences professional cultural sphere.

Scientific novelty: for the first time in an article on the basis of the method shows how the introduction of competence-based approach in the national education system in the field of culture.

Practical value: the main provisions and conclusions of the article can be used in research and practical teaching activities in the field of culture and art in solving the problems of scientific and methodological support of educational content.

Keywords: education system in the field of culture; competence approach to education; educational institutions in the field of culture; secondary special education in the field of culture; the content of the educational process.

References

1. Code of the Republic of Belarus on education: 13 January 2011 № 243–3. Minsk Amalhteia, 2011. 496 p.
2. Zimnjaja I. A. Key competences as the effectively-targeted basis of competence approach in education/Issled. prepare the center of quality problems. Mosk. professionals. state. Inst. Steel and Alloys (Tehnolog. Univ.), humanization of education sector. M.: ITSPKPS, 2004. 38 p.
3. Zimnjaja I. A. Key competencies — the result of a new paradigm of education//Higher education today. 2003. № 5. P. 34–42.
4. Verbitsky A. A. Competence approach and the theory of contextual learning. M.: Research center of problems of quality of training, 2004. 85 p.

5. Seleznev N.A. Quality of higher education as an object of systematic research. Lecture-report. Ed. 4th, stereotyped. M.: Research center of problems of quality of training, 2004. 95 p.
6. Tatur Ju. G. Competence in the structure of the quality model of specialist training. M.: Higher education today, 2004, number 3. P. 24–31.
7. Shadrikov V.D. New professional model: an innovative training and competence-based approach//Higher education today. 2004. № 8. P.26–31.
8. Baydenko V.I. Identification of the composition of graduates competences as needed GOS VPO design stage of a new generation: the method. allowance. M.: Issled. prepare the center of quality problems. professionals, 2006. 71 p.
9. Zhuk O.L. Teacher training students: competence approach. Minsk: Resp. Inst. Executive. wk., 2009. 336 p.
10. Hutorskoj A. V. Key competences as a component of personality-oriented paradigm//Education. 2003. № 2. P. 58–64.
11. Tsyrukun I.I. Innovative education teacher: Towards a creative professional/I. I. Tsyrukun, E. I. Karpovich; Belarusian. state. ped. univ. 2nd ed. Minsk: Belarusian State Pedagogical University, 2011. 310 p.
12. Parshikov N. A. System approach to core activities in high schools of culture and arts. M.: MGUKI, 1999. 208 p.
13. Grygarovich J. D. Estetychnaya nakiravanasts asobie studenta: pedagogichny aspekt; Bel. dzyarzh. Univ. culture. Minsk, 2002. 403 p.
14. The Bologna Process: Midway/under scientific. Ed. V. I. Baydenko. M., 2005. 379 p.
15. Tuning Educational Structures in Europe. The contribution of universities to the Bologna process. TUNING, 2006. 130 p.
16. Hutmacher W. Key competencies for Europe//Report of the Symposium Berne, Switzerland 27–30 March, 1996. Council for Cultural Co-operation (CDCC)//Secondary Education for Europe Strasburg, 1997. 103 p.
17. Malakhova I. A. Development of creative personality in the social and cultural sphere: the pedagogical aspect: a monograph. Minsk: Belarusian State University of Culture and Arts, 2006. 327 p.
18. Zimnjaja I. A. Student-activity approach as the basis for the organization of educational process//The general strategy of education in the educational system of Russia: to the problem: a 2 kn.; Issled. prepare the center of quality problems. professionals; under the total. Ed. I. A. Zimnjaja. M., 2001. Kn. 1. P. 244–252.
19. Teacher Education in the Republic of Belarus: Analytical Materials: Pract. Benefit/P. D. Kucharczyk [et al.]; Belarusian. state. ped. univ; under the total. Ed. I. I. Tsyrukun. Minsk: Belarusian State Pedagogical University, 2007. 235 p.
20. Zeer E. F., etc. Modernization of vocational education: competence approach/E. F. Zeer, A. M. Pavlov, E. E. Symanyuk; Ros. Acad. Education, Moscow. psihol.-social. inst. M.: Univ. psihol.-social. inst, 2005. 215 p.

Information about the authors

Irina A. Malakhova, Doctor of Pedagogical Sciences, professor, Head of the department of psychology and pedagogy, Belarusian State University of Culture and Arts

Address: 220001 Republic of Belarus, Minsk, st. Rabkorovskaya, 17, tel.: 8-017-264-71-09; + 37529-671-64-83.

E-mail: creativmi@yandex.ru

ORCID: <http://orcid.org/0000-0002-2047-2748>

И. А. МАЛАХОВА¹*Белорусский государственный университет культуры и искусств, г. Минск, Республика Беларусь*

МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ПРИМЕНЕНИЯ КОМПЕТЕНТНОСТНОГО ПОДХОДА К ОБРАЗОВАНИЮ В СФЕРЕ КУЛЬТУРЫ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ

Аннотация

Цель: выявление сущностно-содержательных детерминант компетентностного подхода к образованию в сфере культуры.

Методы: системного анализа, синтеза, сравнения, обобщения научной информации, моделирования социокультурных процессов и явлений, опроса, наблюдения, а также метод экспертных оценок, изучения педагогического опыта, документации и результатов художественно-творческой деятельности учащихся.

Результаты: на основе анализа научной педагогической и культурологической литературы, статистической информации и практики деятельности учреждений образования и культуры выявлены традиции подготовки национальных кадров со средним специальным образованием в сфере культуры; сформулированы проблемы развития системы среднего специального образования в сфере культуры; определена сущность компетентностного подхода как методологического основания для модернизации образования в сфере культуры Республики Беларусь; выявлены принципы формирования социально-профессиональной компетентности выпускников учреждений среднего специального образования сферы культуры; определена креативность как важнейшая ключевая компетентность специалиста сферы культуры.

Научная новизна: в статье впервые на основе представленных методов показаны способы внедрения компетентностного подхода в национальную систему образования в сфере культуры.

Практическая значимость: основные положения и выводы статьи могут быть использованы в исследовательской и практической педагогической деятельности в области культуры и искусства при решении проблемы научно-методического обеспечения содержания образования.

Ключевые слова: система образования в сфере культуры; компетентностный подход к образованию; учреждения образования в сфере культуры; среднее специальное образование в сфере культуры; содержание образовательного процесса.

ВВЕДЕНИЕ

Актуальность темы исследования продиктована необходимостью модернизации и реформирования образовательной системы Республики Беларусь, что неразрывно связано с глобализацией социокультурного пространства, с усилением конкурентоспособности и конвертируемости белорусских дипломов за рубежом, с созданием нового поколения образовательных стандартов в разных областях знаний, в том числе в сфере культуры. Это направлено на ускорение интеграционных процессов с европейской и мировой системами образования, свидетельством чему является недавнее присоединение Беларуси к Болонской системе.

Белорусская система образования в сфере культуры в целом готова для тесных интеграционных взаимодействий с европейским образовательным про-

странством, однако дальнейшая активизация такого взаимодействия возможна в ходе преобразования отдельных ее звеньев и решения ряда противоречий. Среди них выделяются противоречия между:

- потребностью общества в высокопрофессиональных, компетентных и творчески развитых специалистах и инертностью образовательной системы в целом и отдельных ее компонентов в частности;

- необходимостью считаться с глобализационными вызовами общества и возможностью сохранения национальной, культурной, этнической идентичности и своеобразия белорусских культурных традиций, фольклора, обычаев, обрядов;

- интенсификацией социокультурного пространства, профессиональной сферы жизни людей и экстенсивным характером изменений в содержании образования;

– готовностью учреждений образования работать на требуемый обществом результат и несоответствием научно-методического обеспечения образовательного процесса на отдельных уровнях образования.

Итоги проведенного исследования свидетельствуют о наличии в стране разветвленной сети учреждений образования в сфере культуры. Образование в сфере культуры как процесс представляет собой совокупность взаимодействующих компонентов, направленных на подготовку специалистов в области культурно-досуговой деятельности, библиотечного дела, а также педагогических работников, руководителей творческих коллективов, артистов по всем видам искусства.

Национальная система образования в сфере культуры включает две подсистемы — основное и дополнительное образование, регулируется кодексом Республики Беларусь об образовании, в соответствии с которым реализуются образовательные программы основного и дополнительного образования [1]. Основное образование в сфере культуры осуществляется на следующих уровнях: общее среднее образование, среднее специальное образование, высшее образование, послевузовское образование. Реализация образовательных программ дополнительного образования в учреждениях образования в сфере культуры осуществляется по двум направлениям: дополнительное образование детей и молодежи, дополнительное образование взрослых.

Значимость среднего специального образования для профессиональной подготовки кадров отрасли культуры заключается в том, что оно является базовым звеном в многоуровневой системе профессионального образования, поскольку именно на этом уровне формируется необходимый комплекс знаний, творческих и практических умений и навыков, которые составляют основу самостоятельной профессиональной деятельности в качестве исполнителей, руководителей творческих коллективов, преподавателей.

Исследование показало целесообразность сохранения лучших традиций подготовки национальных кадров со средним специальным образованием в сфере культуры. Эти традиции отражают специфику содержания образовательного процесса, его научно-методического обеспечения и сводятся к следующему:

- практическая направленность профессионального художественного образования на всех его уровнях;
- доминирование индивидуальных и мелкогрупповых форм организации образовательного процесса;

– профессиональная ориентация выпускников начального уровня к поступлению в учреждения среднего специального образования;

– одновременное освоение содержания общего среднего и среднего специального образования;

– закрепление специальных требований и условий приема, связанных с оценкой творческой одаренности и уровня освоения художественно-практических навыков абитуриентов.

Однако, при очевидной значимости и актуальности проблема подготовки кадров со средним специальным образованием не исследовалась за период существования суверенной Беларуси. Вместе с тем функционирование и развитие системы среднего специального образования в сфере культуры сопряжено с наличием нерешенных проблем:

– отсутствие нового поколения учебников и учебных пособий, что приводит к ухудшению научно-методического обеспечения учебного процесса и тормозит введение новых технологий и методов обучения;

– необходимость модернизации содержания образования с учетом перехода на систему опережающего обучения;

– создание условий для гармоничного развития личности и реализации ее творческого потенциала;

– формирование у специалистов профессиональных и личностных качеств, способностей самостоятельно действовать в условиях неопределенности, приобретать новые знания;

– необходимость широкого применения методов активного обучения, современных технических средств и научной организации педагогического контроля уровня подготовленности обучающихся;

– необходимость учета потребностно-мотивационной сферы, сочетания личностных интересов и профессиональных возможностей обучающихся, что соответствует принципу гуманизации процесса подготовки профессиональных кадров со средним специальным образованием.

Поиску путей решения этих проблем и посвящена данная статья.

ОСНОВНАЯ ЧАСТЬ

1. Сущность компетентностного подхода и способы его применения к среднему специальному образованию в сфере культуры

В профессиональном обучении как на уровне высшего, так и на уровне среднего специального об-

разования доминирующей общемировой тенденцией стало использование компетентностного подхода, который рассматривается как попытка привести в соответствие образование и потребности рынка, сгладить противоречия между учебной и профессиональной деятельностью. Введение компетентностного подхода к обучению предполагает выражение результата образования в виде компетенций, что нашло отражение в образовательных стандартах. Компетенция в широком смысле понимается как совокупность знаний, умений, личностных качеств и опыта в определенной сфере деятельности, необходимых для решения практических задач.

Как показало исследование, сущностно-содержательные детерминанты понятий «компетенция» и «компетентность» различны. Компетенция большинством ученых понимается как обобщенная характеристика профессионализма специалиста и представляет собой знания, умения и опыт, необходимые для решения теоретических и практических задач [2; 3]. А компетентность представляет собой выраженную способность применять знания и опыт для решения профессиональных, социальных и личностных проблем. Если компетенция — это изначально заданное требование к образовательной подготовке обучаемого, то компетентность — это уже состоявшееся личностное качество, которое можно диагностировать.

Компетентностный подход является методологическим основанием для модернизации отечественного образования в сфере культуры. Сущность данного подхода раскрывается в работах А. А. Вербицкого [4], И. А. Зимней [3], Н. А. Селезневой [5], Ю. Г. Татура [6], В. Д. Шадрикова [7]. Эволюция становления компетентностной парадигмы наиболее полно освещена в трудах И. А. Зимней, которая показывает связь компетентностного подхода с системным, культурологическим, развивающим, знаниевым подходами в образовании.

Как свидетельствуют научные источники, термины «компетенция», «компетентность» и их производные были позаимствованы образовательной сферой из производственной в середине прошлого века. Исследователи разных стран В. И. Байденко [8], О. Л. Жук [9], И. А. Зимняя [2], Н. В. Кузьмина, Л. А. Петровская, А. В. Хуторской [10], И. И. Цыркун [11] обосновывают необходимость широкого внедрения компетентностного подхода во все образова-

тельные области и уровни образования следующими факторами:

- повышение качества образования, проведение мониторинговых процедур в образовательном процессе и совершенствование его целей, содержания, технологий, результатов;
- гибкость, непрерывность, уровневость и ступенчатость образования;
- профессионализация высшего и среднего образования, содержание и технологии которого должны соответствовать будущей профессиональной деятельности выпускников;
- усиление роли личностного развития и усложнение задач профессионального роста;
- внедрение в сферу профессионального образования рыночных механизмов, систем менеджмента качества, требований экономической эффективности, когда ценность и успешность результатов образования определяется потребителями образовательных услуг.

По мнению ряда исследователей, (О. Л. Жук, Ю. Г. Татур, В. Д. Шадриков), модель подготовки современного выпускника должна включать не только профессионально-функциональную квалификацию, определяющуюся системой знаний, умений и навыков, но и базовые личностные качества, а также сформированные универсальные умения и способности, которые в современной международной практике определяются как ключевые компетенции. Эта модель, как справедливо отмечает О. Л. Жук, является по сути моделью подготовки выпускника интегрального типа и называется компетентностной, а подход, на основании которого она разрабатывается, — компетентностным [9].

Таким образом, внедрение компетентностного подхода в образовательную сферу — это адекватная реакция белорусской системы образования на цивилизационные вызовы и попытка преодоления противоречий между:

- потребностями рынка труда в мобильных высококвалифицированных кадрах и несоответствием содержания, технологий, результатов профессиональной подготовки выпускников;
- назревшей необходимостью модернизации отечественных учреждений профессионального образования и односторонностью взаимодействия учреждений образования с работодателями по выявлению требований к выпускникам;

– уровнем готовности выпускников к самостоятельной профессиональной деятельности и сложностью задач, объективно возникающих в профессиональной сфере.

2. Принципы реализации компетентного подхода в учреждениях образования сферы культуры Республики Беларусь

Внедрение компетентного подхода через образовательные стандарты в образовательную практику учреждений образования сферы культуры позволяет рассматривать будущего специалиста как субъекта педагогического воздействия с точки зрения формирования его социально-профессиональной компетентности, состоящей из ряда компетенций.

Одним из итогов исследования является выявление принципов формирования социально-профессиональной компетентности выпускников учреждений среднего специального образования сферы культуры. Они включают следующие:

- аксиологичность образовательного процесса в контексте личности и общества;
- гуманизация профессионального художественного образования;
- единство культуроохранной, культуротворческой и трансляционной функций произведений искусства в процессе обучения;
- комплексное сочетание восприятия, осмысления, воспроизведения и создания произведений искусства в процессе художественного обучения;
- единство художественного воспитания, обучения и жизни учащихся;
- целостное и гармоничное формирование интеллектуальной, эмоционально-волевой, деятельностно-практической сторон личности;
- преемственность содержания, форм и методов обучения;
- сочетание коллективных, групповых и индивидуальных форм работы;
- педагогическое руководство процессом обучения в сочетании с инициативой и творческой активностью обучаемых;
- единство эмоционального и рационального развития обучаемых, художественной и технической сторон обучения;
- комплексного и последовательного развития художественных способностей обучаемых в разных видах деятельности.

Компетентный подход реализуется в сложной взаимосвязи с такими глобальными подходами как системный, гуманистический, культурологический, которые применяются в социально-гуманитарных и естественно-научных дисциплинах, и используются в практической педагогике на разных уровнях образования при организации образовательного процесса [12; 13]. Кроме того, компетентный подход тесно связан и с такими собственно педагогическими подходами как знаниевый, личностно ориентированный, личностно-деятельностный, которые используются как при организации целостного образовательного процесса, так и при реализации отдельных его компонентов.

Сущность взаимосвязей между данными подходами характеризуется соподчиненностью, взаимодополняемостью, интеграцией. Значит, полиподходность в образовательном процессе является важнейшей характеристикой современного образования.

В международной образовательной практике реализация компетентного подхода рассматривается как создание организационно-управленческих и педагогических условий для эффективного взаимодействия учреждений образования с работодателями по согласованию требований к профессиональной подготовке и готовности выпускников к самостоятельной профессиональной деятельности, а также как методологический инструмент определения результатов образования в виде компетенций.

Исследователи из западноевропейских университетов также рассматривают проблему обоснования взаимосвязи понятий «результаты обучения» и «компетенции» как важнейшую для реформирования образования, выработки новых подходов к оцениванию и обеспечению качества образования [14, с. 11]. В этой связи ученые справедливо замечают, что внедрение компетентного подхода влечет за собой методологическую перестройку оценки качества знаний, умений, навыков, способностей и компетенций.

Внедрение компетентного подхода на уровне образовательного процесса предполагает ориентацию содержания образования на деятельностный тип в соответствии с целями и результатами образования, а также означает внедрение ситуаций и задач, моделирующих социальный и содержательно-профессиональный контексты будущей профессии и выступающих одновременно и как средства формирования, и как средства диагностики компетенций.

В научных источниках определены основные принципы реализации компетентностного подхода в образовательной области, уточняющие его сущность:

- комплексность как внедрение компетентностного подхода в совокупности с другими подходами, реализуемыми при организации целостного образовательного процесса;

- взаимосвязь компетентностного подхода с принципом гуманизации образовательного процесса, обеспечивающим личностно-развивающий характер профессиональной подготовки, самореализацию и саморазвитие выпускника;

- междисциплинарность и интегративность обучения, что предполагает содержательно-технологическую интеграцию дисциплин профессиональной подготовки с будущей профессиональной деятельностью выпускника;

- преемственность обучения и воспитания, обеспечивающая единство и согласованность педагогических требований, направленных на развитие у обучающихся продуктивного стиля деятельности и личностных качеств, определяющих сущность формируемых компетенций;

- диагностичность обучения, что предполагает выявление уровня сформированности компетенций с помощью педагогического инструментария.

3. Классификация компетенций, формируемых в образовательных системах

Как показывает анализ документов последних лет, проблема классификации компетенций, формируемых в образовательном процессе, решается разнообразно. Так, по результатам международного проекта TUNING (Tuning Education Structures in Europe), в рамках которого осуществляется поиск общеевропейских методологических подходов к проектированию компетенций, определены 30 видов компетенций, объединенных в три группы: системные, инструментальные, межличностные [15].

В макете образовательного стандарта высшего образования России компетенции представлены двумя группами: универсальные и профессиональные. Универсальные компетенции подразделяются на общенаучные, инструментальные, социально-личностные, общекультурные.

В макете образовательного стандарта высшего образования первой ступени Республики Беларусь компетенции представлены тремя группами: акаде-

мические, профессиональные, социально-личностные. В группу академических компетенций входят информационные, а группу социально-личностных компетенций составляют социальные и коммуникативные.

Рассматривая проблему классификации компетенций, следует отметить, что в науке не существует единого подхода к процедуре их классификации. В подавляющем большинстве научных публикаций различаются следующие группы компетенций:

- профессиональные или специальные, определяющие владение собственно профессиональной деятельностью;

- общепрофессиональные, связанные с несколькими предметными областями или видами профессиональной деятельности, которыми должен овладеть выпускник в рамках своей профессии;

- ключевые (универсальные, надпрофессиональные, социально-личностные), способствующие эффективному решению задач из различных отраслей и выполнению социально-профессиональных функций на основе обобщенных знаний, умений и универсальных способностей [3].

Интересно, что в научной литературе и на практике все чаще употребляется экстремальная профессиональная компетентность, которую специалист проявляет во внезапно усложнившихся условиях [16]. Экстремальная ситуация предполагает реализацию профессионалом таких личностных качеств как беглость, гибкость и оригинальность мышления, быстрая реакция, смелость, ответственность, готовность к риску, уверенность в себе, оптимизм. Все это составляющие такого интегративного личностного качества как креативность, которая сегодня может рассматриваться как важнейшая ключевая компетентность специалиста любой профессиональной области, и в большой степени это относится к специалистам в сфере культуры и искусства.

Под креативностью следует понимать универсальную способность личности к творчеству, проявляющуюся в процессе плодотворной творческой деятельности, которая характеризуется объективной и субъективной новизной, оригинальностью, личностной и социальной значимостью результата. Креативность — это совокупность качественных характеристик мыслительного процесса (дивергентность и конвергентность; беглость, гибкость, оригинальность; широта категоризации; чувствитель-

ность к проблеме; абстрагирование, синтезирование, перегруппировка идей), воображения, фантазии и личностных свойств (динамизм, направленность на творческий поиск, творческая активность, творческое самочувствие, самостоятельность), которые реализуются в творческой деятельности личности. Основными факторами развития креативности личности являются благоприятная окружающая творческая среда (предметная и социальная), возможность действовать в проблемной ситуации, воспитание потребности в творчестве, включенность в творческую деятельность, сформированность творческих черт личности, умений и навыков решать проблемы творчески, применение ориентированных на развитие креативности педагогических технологий [17].

И. А. Зимняя ключевые компетенции относит к социальным и определяет три группы ключевых социальных компетенций: компетенции, относящиеся к самому человеку как личности; компетенции, относящиеся к социальному взаимодействию человека и социальной сферы; компетенции, относящиеся к деятельности человека. В качестве ключевых она рассматривает такие компетенции, которые проявляются во всех сферах жизнедеятельности человека, обеспечивая полноценность его социального и профессионального бытия [18]. Сущность социально-профессиональной компетентности выпускника автор понимает как личностное, интегративное качество, формирующееся в процессе обучения и проявляющееся в решении стандартных и нестандартных задач, адекватных всему разнообразию социальных и профессиональных ситуаций. Целостная социально-профессиональная компетентность выпускника как результат профессионального образования формируется на основе таких ключевых компетенций как академические, профессиональные, социально-личностные.

Мы, разделяя позицию российских исследователей, полагаем вполне обоснованным деление компетенций на две группы: общие (универсальные, ключевые, надпрофессиональные) и профессиональные (специальные, предметно-специализированные). Обе группы компетенций соответствуют двум группам требований: к академической подготовленности и к профессиональной подготовленности выпускника. Согласно требованиям к профессиональной подготовленности выпускника выделяются инвариантные компетенции для всех специальностей и ва-

риативные компетенции, соответствующие определенным специальностям.

Примером инвариантных компетенций являются ключевые компетенции: академические, профессиональные, социально-личностные, включающие коммуникативные и информационные компетенции. Ключевые компетенции представляют собой наиболее общие способности и умения, позволяющие человеку понимать ситуацию и достигать результатов в личной и профессиональной жизни в условиях динамизма современного общества. Ключевые компетенции приобретаются в образовательном процессе и в самостоятельной социальной жизни личности.

К ключевым компетенциям относятся не только надпрофессиональные умения и качества личности, такие как способность к саморазвитию, самообразованию и творчеству, к работе в команде, умение логически мыслить, анализировать, но и общепрофессиональные компетенции. Это знания и умения фундаментальной направленности, необходимые для становления высококвалифицированного специалиста любой ступени и уровня образования.

Ключевые компетенции занимают высшую ступень в иерархии компетенций, так как они универсальны для различных видов деятельности и проявляются в разных сферах. Их наличие необходимо человеку в течение всей жизни для самореализации, продуктивной профессиональной деятельности, выстраивания взаимоотношений с окружающими, смены рода занятий и т. п. Именно по этим причинам ключевые компетенции необходимо формировать на всех этапах процесса обучения и на всех учебных предметах.

Важнейшим компонентом личности специалиста является профессиональная компетентность, которая характеризует человека как субъекта специализированной деятельности. Из сущности профессиональной компетентности следует, что она шире знаний и умений в определенной профессиональной области, так как включает их вместе с принятыми ценностями и качествами личности, обеспечивающими освоение компетенций. Компетентность всегда связана с опытом успешной деятельности. Повышение уровня профессиональной компетентности зависит от индивидуальных способностей личности, умения использовать имеющиеся возможности.

Компетенции наиболее эффективно формируются в образовательном процессе с помощью технологий, способствующих вовлечению обучающихся

в поиск и применение знаний, а также направленных на приобретение опыта самостоятельного решения разнообразных задач. К таким технологиям можно отнести проблемное обучение, коммуникативные (мозговой штурм, дискуссия, диалог, учебные дебаты) и игровые технологии.

Анализ публикаций по проблемам педагогических технологий позволяет констатировать, что при формировании компетенций в учреждениях среднего специального образования сферы культуры целесообразно сочетать педагогические технологии традиционного и развивающего обучения [19; 20]. Потенциал традиционного обучения заключается в возможности формирования знаний путем их актуализации, мотивации обучающихся на решение задач, оценки уровня усвоения учебного материала. Развивающее обучение направлено на развитие критического мышления через постановку и решение проблемных задач.

Среднее специальное образование в сфере культуры, нацеленное на формирование компетенций и социально-профессиональной компетентности как результата обучения, предполагает использование в учебно-воспитательном процессе различных методов и приемов, где доминирующими являются практические и творческие методы, а также метод самостоятельной работы. Это продиктовано целевыми установками такого образования на формирование самостоятельной, творческой, квалифицированной личности специалиста социокультурной сферы, обладающего способностью и готовностью решать профессиональные, социальные и личностные проблемы нестандартно, инициативно, грамотно.

Итак, классификация компетенций в образовательной практике и в трудах исследователей разных стран не имеет на сегодняшний день единого подхода, что не является строго педагогической проблемой. Значительно более ценным является тот факт, что мировое образовательное сообщество признает необходимым внедрение компетентностного подхода в деятельность системы образования.

ВЫВОДЫ

Компетентностный подход в образовании — это система требований к организации образовательного процесса, предполагающая определение результатов

образования в виде компетенций и способствующая практико-ориентированному характеру профессиональной подготовки выпускников, усилению роли самостоятельной работы по решению задач и ситуаций, имитирующих социально-профессиональные проблемы.

Внедрение компетентностного подхода в учреждения среднего специального образования сферы культуры является методологическим ориентиром перестройки всего образовательного процесса. Основные идеи компетентностного подхода, детерминирующие обновление целей, содержания, технологий и результатов образования в сфере культуры, включают практикоориентированность и полиподходность образовательного процесса как сочетание общенаучных (системного, гуманистического) и собственно педагогических подходов (знаниевый, личностно-деятельностный).

Одним из итогов исследования является разработка структуры компетенций и их содержательной составляющей применительно к специальностям, по которым ведется подготовка кадров со средним специальным образованием в сфере культуры. С учетом компетентностной модели подготовки специалиста для сферы культуры в структуре компетенций выпускника на уровне среднего специального образования выделяются следующие группы компетенций:

- ключевые, включающие надпредметные, социально-личностные и общекультурные;
- профессиональные, включающие общепрофессиональные и специальные;
- профессионально значимые личностные свойства.

Группа ключевых компетенций является инвариантной для всех специальностей и направлений подготовки специалистов на уровне среднего специального образования и включает: надпредметные компетенции, показывающие, что выпускник должен знать, уметь и быть готовым; социально-личностные компетенции, показывающие, что выпускник должен понимать, уметь и быть способным; общекультурные компетенции, вырабатывающиеся на основе общеобразовательного цикла учебных дисциплин.

Список литературы

1. Кодекс Республики Беларусь об образовании: 13 января 2011 г. № 243–3. Минск: Амалфея, 2011. 496 с.

2. Зимняя И. А. Ключевые компетентности как результативно-целевая основа компетентностного подхода в образовании/Исслед. центр проблем качества подгот. специалистов Моск. гос. ин-та стали и сплавов (Технол. ун-та), сектор гуманизации образования. М.: ИЦПКПС, 2004. 38 с.
3. Зимняя И. А. Ключевые компетенции — новая парадигма результата образования//Высшее образование сегодня. 2003. № 5. С. 34–42.
4. Вербицкий А. А. Компетентностный подход и теория контекстного обучения. М.: Исследовательский центр проблем качества подготовки специалистов, 2004. 85 с.
5. Селезнева Н. А. Качество высшего образования как объект системного исследования. Лекция-доклад. Изд. 4-е, стереотипное. М.: Исследовательский центр проблем качества подготовки специалистов, 2004. 95 с.
6. Татур Ю. Г. Компетентность в структуре модели качества подготовки специалиста. М.: Высшее образование сегодня, 2004, № 3. С. 24–31.
7. Шадриков В. Д. Новая модель специалиста: инновационная подготовка и компетентностный подход//Высшее образование сегодня. 2004. № 8. С. 26–31.
8. Байденко В. И. Выявление состава компетенций выпускников вузов как необходимый этап проектирования ГОС ВПО нового поколения: метод. пособие. М.: Исслед. центр проблем качества подгот. специалистов, 2006. 71 с.
9. Жук О. Л. Педагогическая подготовка студентов: компетентностный подход. Минск: Респ. ин-т высш. шк., 2009. 336 с.
10. Хуторской А. В. Ключевые компетенции как компонент личностно- ориентированной парадигмы//Народное образование. 2003. № 2. С. 58–64.
11. Цыркун И. И. Инновационное образование педагога: на пути к профессиональному творчеству/И. И. Цыркун, Е. И. Карпович; Белорус. гос. пед. ун-т. 2-е изд. Минск: БГПУ, 2011. 310 с.
12. Паршиков Н. А. Системный подход к основным видам деятельности в вузах культуры и искусств. М.: МГУ-КИ, 1999. 208 с.
13. Грыгаровіч Я. Д. Эстэтычная накіраванасць асобы студэнта: педагогічны аспект; Бел. дзярж. ун-т культуры. Мінск, 2002. 403 с.
14. Болонский процесс: середина пути/под науч. ред. В. И. Байденко. М., 2005. 379 с.
15. Настройка образовательных структур в Европе. Вклад университетов в Болонский процесс. TUNING, 2006. 130 с.
16. Hutmacher W. Key competencies for Europe//Report of the Symposium Berne, Switzerland 27–30 March, 1996. Council for Cultural Co-operation (CDCC)//Secondary Education for Europe Strasburg, 1997. 103 p.
17. Малахова И. А. Развитие креативности личности в социокультурной сфере: педагогический аспект: монография. Минск: БГУ культуры и искусств, 2006. 327 с.
18. Зимняя И. А. Личностно-деятельностный подход как основа организации образовательного процесса//Общая стратегия воспитания в образовательной системе России: к постановке проблемы: в 2 кн.; Исслед. центр проблем качества подгот. специалистов; под общ. ред. И. А. Зимней. М., 2001. Кн. 1. С. 244–252.
19. Педагогическое образование в Республике Беларусь: аналитические материалы: практ. пособие/П. Д. Кухарчик [и др.]; Белорус. гос. пед. ун-т; под общ. ред. И. И. Цыркуна. Минск: БГПУ, 2007. 235 с.
20. Зеер Э. Ф. и др. Модернизация профессионального образования: компетентностный подход/Э. Ф. Зеер, А. М. Павлова, Э. Э. Сыманюк; Рос. акад. образования, Моск. психол.-соц. ин-т. М.: Изд-во Моск. психол.-соц. ин-та, 2005. 215 с.

Информация об авторах

Малахова Ирина Александровна, доктор педагогических наук, профессор, заведующий кафедрой психологии и педагогики, Белорусский государственный университет культуры и искусств

Адрес: 220001 Республика Беларусь, г. Минск, ул. Рабкоровская, 17, тел.: 8-017-264-71-09; +37529-671-64-83.

E-mail: creativmi@yandex.ru

ORCID: <http://orcid.org/0000-0002-2047-2748>

N. Yu. NALETOVA¹
N. P. SENCHENKOV²

¹ *Moscow state University of railway engineering Nicholas II (Smolensk branch), Smolensk, Russia*

² *Smolensk state University, Smolensk, Russia*

RESEARCH METHODOLOGY THE GENESIS OF EDUCATIONAL PROCESSES IN THE HISTORICAL-PEDAGOGICAL SCIENCE

Abstract

Objective: to Reveal and to systematize the methodological foundations of the study of the Genesis of educational processes in the Russian historical and pedagogical science.

Methods: the authors apply a range of theoretical (synthesis, analysis, classification, modelling) and historical-pedagogical methods (historical-structural, historical-genetic, historical-comparative) to the study of the Genesis of educational processes in different historical contexts.

Results: revealed the leading theoretical and methodological approaches in historical and pedagogical research; broadened the methodological perspective of the study and possible forecasting of educational processes in General. Scientific novelty: the article first describes the problems of modern epistemology in historical and pedagogical science. The article presents the complex methodological approaches to the study of the processes of formation and development of education in totality and contradiction.

Practical relevance: the main provisions and conclusions of the article can be used in the development of textbooks, teaching and methodical manuals on disciplines "History of pedagogy"; in teaching the courses "Philosophy of education", "Methodology of scientific research".

Key words: methodology, history of pedagogy, methodological approaches, Genesis, the educational process.

References

1. Belozertsev E. P. Education: a historical and cultural phenomenon: a course of lectures. SPB.: IZDATEL'stvo R. Aslanova «Yuridicheskiy Tsentri Press», 2004.
2. With Bobryshev. With. Historical and pedagogical study of the development of pedagogical knowledge: methodology and theory: monograph. Stavropol: sxi 2006.
3. Boguslavsky M. V. Methodology and technology education: (historical-pedagogical context): monograph. M.: RAO ITIP 2007.
4. Bulkin A. P. Sociocultural dynamics of education. Russia's historical experience. – Ed. 2nd ster Dubna: «Feniks +», 2005. – And Width. E. Education as a cultural phenomenon: the Evolution of educational models in the historical-cultural process: Avtoref. dis. ... d-RA PED. Sciences. Tyumen, 2003.
5. World historical and pedagogical process. Concepts, models, and historiography/ed. by G. B. and Kornetova. G. Bezrogov. M.: ITOP RAO, 1996.
6. Zapesotsky A. S. Education: philosophy, Culturology, politics. – Moscow: Nauka, 2003.
7. Screamers A. E. Education in the perspective of ontology (the ontological Foundation of pedagogical practices in the Russian religious philosophy)]. Elec: YSU them. I. A. Bunin 2010.
8. Naletova N. Yu. Orthodox education in the context of cultural-historical Genesis of the development of Russia: dis. ... d-RA PED. Sciences. Smolensk: Smolensk State University, 2014.
9. Naletova, N. Yu. Methodological foundations of the study of the Genesis of educational systems// «Alma mater» (high school Herald). – Moscow: PFUR, 2014. No. 2. P. 118–120.

10. Naletova, N. Yu. The phenomenon of domestic education in the context of religious discourse//Problems of safety of the Russian society: scientific and practical journal.– Smolensk: Smolensk branch of MIIT, 2013. No. 1. P. 192–200.
11. Nalyotova, new York Istoriiosofsky the meanings of education: scientific-method-logical approaches to the study of//Rozwój nauk I. Problems and prospects. – 28.09.2012–30.09.2012. Katowice, 2012. S. 97–99.
12. Education in the formation of a new type of culture: materials of the round table (24 January, 17 February 2003). – SPb.: Spbgup, 2003.
13. Pedagogy: textbook for students of pedagogical educational institutions/V. A. Slastenin, I. F. Isaev, A. I. Mishchenko, E. N. Shiyanov. M.: SHKOLA–Press, 1997.
14. Plekhanov, E. A. pedagogics of the Russian cosmism: monograph/E. A. Plekhanov. – Vladimir: vgpu, 2004.
15. The attainment of the pedagogical culture of humanity: General questions. Foreign teaching experience/ed. by G. B. Kornetova. – M.: 2010.
16. Slobodchikov. I. human Psychology: an introduction to the psychology of subjectivity: textbook for universities/V. I. Slobodchikov, E. I. Isaev. Moscow: “SHKOLA-Press”, 1995.
17. Philosophy of education: status, problems and prospects: materials of the correspondence round table//Questions of philosophy. – 1995. No. 11. P. 8–34.
18. Philosophical and psychological assumptions of the school of the dialogue of cultures [Text]/ed. by V. S. Bibler. – M.: ROSSPEN, 1998.
19. Shchedrovitsky, G. P. Problems of methodology of system research, Moscow, 1964.

Information about the authors

Naletova Natalia Yurievna, doctor of pedagogical Sciences, associate Professor, Professor, Department of philosophy, sociology and history at Moscow state University of means of communication Nikolay II (Smolensk branch)

Address: 214012, Smolensk, street Beljaeva, 45. Phone (4812) 39–47–11

E-mail: nal.nat@yandex

ORCID: orcid.org/0000-0001-9901-7838

Senchenkov Nikolai Petrovich, doctor of pedagogical Sciences, Professor, Professor, head. the Department of pedagogy and psychology Smolensk state University

Address: 214001, Smolensk street Przhevalsky, 4. Phone (4812) 70–02–82

E-mail: pedagogik1@yandex.ru

ORCID: orcid.org/0000-0003-0464-5802

Н. Ю. НАЛЁТОВА¹

Н. П. СЕНЧЕНКОВ²

¹Московский государственный университет путей сообщения Николая II (Смоленский филиал), г. Смоленск, Россия

²Смоленский государственный университет, г. Смоленск, Россия

МЕТОДОЛОГИЯ ИССЛЕДОВАНИЯ ГЕНЕЗИСА ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ ПРОЦЕССОВ В ИСТОРИКО-ПЕДАГОГИЧЕСКОЙ НАУКЕ

Аннотация

Цель: Раскрыть и систематизировать методологические основания изучения генезиса образовательных процессов в российской историко-педагогической науке.

Методы: в статье применен целый спектр общетеоретических (синтез, анализ, систематизация, моделирование) и историко-педагогических методов (историко-структурный, историко-генетический,

историко-компаративистский) направленных на изучение генезиса образовательных процессов в различных исторических контекстах.

Результаты: раскрыты ведущие теоретико-методологические подходы в историко-педагогических исследованиях; расширен методологический ракурс изучения и возможности прогнозирования образовательных процессов в целом.

Научная новизна: в статье впервые раскрыты проблемы современной гносеологии в историко-педагогической науке. В статье представлен комплекс методологических подходов к изучению процессов становления и развития образования в их целостности и противоречивости.

Практическая значимость: основные положения и выводы статьи могут быть использованы при разработке учебников, учебно-методических и учебных пособий по дисциплинам «История педагогики»; в преподавании курсов «Философия образования», «Методология научного исследования».

Ключевые слова: методология, история педагогики, методологические подходы, генезис, образовательный процесс.

ВВЕДЕНИЕ

Нужная сегодня для России разработка органичной стратегии развития образования должна опираться на педагогическое знание, которое включало бы в себя изучение движущих сил, закономерностей, тенденций существования и развития образования в контексте динамики многогранной социокультурной действительности.

Историко-педагогическая наука направлена на реконструкцию (конструирование), описание, объяснение, интерпретацию педагогического прошлого, пытающаяся его воспроизвести и сформулировать законы функционирования и развития его элементов, выявить закономерности движения образовательного процесса.

Исследования педагогического прошлого могут проводиться в рамках различных методологий с преимущественной ориентацией:

1. на выявление традиций, инноваций, тенденций в развитии педагогического прошлого и их проявления в конкретных процессах, событиях, ситуациях [20, с. 116].

2. на рассмотрение возникновения, функционирования и развития образовательных процессов, или отдельных образовательных институтов и систем образования разного уровня общности [16, с. 24].

РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

Особенность современной гносеологической ситуации заключается в том, что почти весь российский историко-педагогический дискурс на протяжении всего своего существования является дискуссионной проблемой. Историко-педагогическое знание в непрерывном потоке познания, в диалоге различных методологий, подходов точек зрения всегда «открыто

и многозначно в контексте бесконечного множества возможных интерпретаций» [6, с. 17].

С нашей точки зрения, разработка методологического инструментария историко-педагогической науки позволяет получить системное научное знание, которое включает в себя понимание не только конкретных фактов и теорий, но и движущих сил, закономерностей, тенденций существования и развития образования в контексте динамики многогранной социальной действительности. Методология содействует выявлению причин преемственности и, наоборот, дискретности в развитии образования и тем самым способствует прогнозированию его проблем в условиях современных трансформационных процессов.

Изучение такого сложного социокультурного феномена, как образование, а также масштабных процессов и явлений в образовательной сфере предполагает разработку и применение целого комплекса методологических подходов, которые определяют понимание этапов и логики развития образовательного процесса, регламентируют отбор и интерпретацию фактического материала, закладывают аксиологические параметры оценки изучаемых историко-педагогических явлений [2, с. 18].

Одной из тенденций современной педагогической науки является стремление уйти от линейно-поступательного, одномерного ракурса рассмотрения генезиса образования, характерного для исследований советского периода [14; 18]. В современной методологии исследования развития образования можно выделить и предметно охарактеризовать несколько подходов: антропологический, формационный, культурно-исторический, средовой, цивилизационный, синергетический и историософский.

Достаточно известный в науке *антропологический подход* позволяет трактовать историю педагогики и образования как процесс развития личности человека, реализуется в меняющихся социальных и цивилизационных условиях. Данный подход акцентирует, что каждому типу культуры (периоду, эпохе, цивилизации) соответствует свой «образ» человека, а, следовательно, свое образование и свое воспитание, идеалы, ценности, модели педагогической теории и практики. История образования является, по мысли А. С. Запесоцкого, цикличным процессом «возникновения, утверждения, кризиса и смены доминирующего идеала ...» [7, с. 11].

Например, в истории отечественного образования, в соответствии с антропологическим подходом, можно выделить три парадигмы.

Первая парадигма — эпоха средневековья (X–XVII вв.). Образование носит религиозно-нравственный характер. Воспитательный идеал определяется религиозной идеей «спасения» человека.

Вторая парадигма — эпоха императорской России (XVIII – нач. XX вв.). Религиозная культура уходит на периферию, а новообразовавшаяся светская культура, обретает разнообразные функции. Воспитательный идеал отражает новые идеи: государственный человек, преданный вере, царю, Отечеству.

Третьей культурной парадигмой становится советский и постсоветский периоды (XX – нач. XXI вв.). Культура имеет преимущественно светский характер. Образование и воспитание ориентированы на ценности и интересы государства.

Традиционный для педагогики формационный подход изучает существенную роль экономических, социальных, общественно-политических факторов и институтов, детерминирующих в истории педагогический процесс. Этот подход основывается на «оценке педагогических учений, состоянии образования, просвещения, культуры в рамках определенных формаций с классовых позиций» [6, с. 53]. По заключению исследователя М. В. Богуславского в рамках формационного подхода «логическое ударение в формуле «общественно-экономическая формация» падает на первую часть определения. А привычный «пятилистник» (первобытнообщинная, рабовладельческая, феодальная, капиталистическая, коммунистическая) формаций заменяется представлениями о трех волнах развития: аграрной, индустриальной, постиндустриальной. Такой взгляд позволяет ввести

в анализируемое пространство разные стороны действительности, экономическую, культурную, социально-политическую...» [3, с. 45].

Общественная формация детерминирует архитектуру образования, определяют закономерности развития образования, задают сущностные характеристики его структуре, принципам, организации, формирует особенности идеологии воспитания, обуславливает распределение социальных ролей для инстанций, участвующих в образовательном процессе. А, следовательно, и роль, и место социальных институтов, наиболее активно участвующих в процессе образования, воспитания, обучения — семьи, государства, Церкви и школы, — могут варьироваться в зависимости от особенностей развития общества в тот или иной общественный период.

Бесспорным является мнение научного сообщества о том, что сфера образования является важнейшей составляющей национальной культуры.

Предметом развернутой научно-педагогической рефлексии является *культурно-исторический подход*, изучающий генезис образования во взаимосвязи с конкретными культурно-историческими и духовными процессами, происходящими в стране. Образование (педагогическая мысль) всегда воплощает в себе дух конкретного народа, человека. Оно, как считают Е. П. Белозерцев, А. Е. Плеханов всегда принимает те формы, которые присущи данному народу, нации, его религии, истории, культуре, мироощущению, миропониманию, самосознанию [1; 15].

А. П. Булкин отмечает, что каждой цивилизации, культуре, социокультурной общности, по своей природе свойственно «стремление к упорядочению и организации присущего ей информационного пространства, что является необходимым условием ее существования и воспроизводства» [4, с. 23]. Образование и воспитание, педагогика включают в себя основополагающие ценности и идеи той культуры, в которой они сами сформировались, и которую они через себя транслируют.

Также А. П. Булкин подчеркивает, что выделена точка зрения, согласно которой каждой культуре присущ свой взгляд на образование, воспитание, обучение, свои идеи педагогического знания [4]. Цели образования, воспитания, обучения и их задачи закономерно отражают особенности существующих в культуре идеалов и ценностей, что далее получает свое последующее осуществление в процессе кон-

кретной педагогической деятельности. По В. С. Библеру, являясь подсистемой культуры, образование неизбежно несет в себе ее признаки и свойства [19]. Она представляет собой некий «слепок» породившей его культуры. Для гармоничного функционирования в культуре образовательная система должна быть изоморфной: все свойства и признаки образования должны соответствовать свойствам и признакам актуальной в данный период культуры.

Отождествление образования и культуры демонстрирует И. Е. Видт, для которого образование, педагогическая культура являются разновидностями социальной культуры. Они представляют собой динамично развивающуюся в потоке истории программу социального наследования и вбирают в себя социально-педагогический идеал, выражающий ценности конкретной культуры и позволяющий человеку осуществлять свои жизненные программы в континууме времени. И. Е. Видт считает, что в транзитивные моменты культурной эволюции «в системе социального наследования происходит «схлест» традиционного и инновационного компонента в образовании, в педагогической культуре. В условиях успешного протекания событий появляется новая модель образования, адекватная существующим культурным реалиям» [5, с. 25]. В целом сходное мнение демонстрируют ученые В. Г. Безрогов, Г. Б. Корнетов, рассматривающие сферу изменения культурных программ, видящие в образовании функцию культуры. Каждому вызову новой культурной эпохи соответствует своя модель образования и педагогической практики [6].

Ученые В. И. Слободчиков, Е. И. Исаев видят процесс образования человека как процесс созидания им образа культуры в своем сознании и развитие личности в культуuroобразующей деятельности [17, с. 25].

Противоположный взгляд на изучение образования выделяет А. Е. Крикунов, который считает, что образование является изучением процесса воспроизводства культуры, средством исследования самой культуры «как того, что является образованным, созданным» [8, с. 92–93]. Культура в понимании данного ученого вне феномена образования имеет теоретическое значение, внутри образования, потенциально экзистенциальное.

Относительно недавно в педагогической науке начинает использоваться средовой подход. К его очевидным достоинствам можно отнести эффективное изучение реальных жизненных процессов; глубокий

анализ общей культурно-образовательной ситуации и исторически удаленных объектов научно-педагогического интереса, возможность более глубокого проникновения в историко-педагогическую реальность за счет сосредоточения исследовательского внимания на небольшом субъекте; целенаправленное изучение регионального историко-педагогического материала, которому отечественная наука, тяготеющая к освещению фактов общероссийского значения, уделяла значительно меньшее внимание; выявление локального своеобразия историко-педагогической действительности, ее всесторонний анализ и др.

Существенную роль в изучении генезиса образования играет *социально-стратификационный подход*. Этот подход базируется на принципах стратификации общества. У любого класса (страты) есть порождаемый объективным неравенством людей свой взгляд на мир, общество, имеется собственная идеология — система идеалов, взглядов, установок на окружающую реальность, в которой отражаются коренные интересы конкретной социальной общности. С точки зрения С. В. Бобрышева, этот «комплекс идей и принципов образует своеобразную социально-стратификационную призму, взгляд через которую позволяет понять закономерности, учитывать особенности восприятия, понимания, трактовки и оценки явлений и фактов историко-педагогического процесса педагогами и учеными, принадлежащими разным стратам и классам» [2, с. 19].

Ярко заявившая о себе в настоящее время тенденция к усложнению методологии исторического знания привела к появлению новых методологических подходов. Так, мощным эвристическим потенциалом обладает *цивилизационный подход*. Данный подход выявляет то, что развитие образовательной реальности (в том числе и российская образовательная реальность) следует в общей логике мирового историко-педагогического развития. В данном контексте М. В. Богуславский подчеркивает, что «общая логика человеческого саморазвития позволяла сущностно, но разнотипно повторять в различных цивилизациях идентичный путь воспитательно-образовательного развития» [3, с. 51].

Цивилизационный подход в изучении всемирного историко-педагогического процесса может выполнять интегративную функцию в рамках различных педагогических дисциплин (истории педагогики и образования, общей педагогики и т. д.), а также в рамках социальных и антропологических наук, «позволяя да-

вать им целостную педагогическую интерпретацию, учитывающую динамично меняющиеся культурные контексты» [3, с. 34].

Сегодня, как никогда, актуален дискурс о педагогических системах, способных аккумулировать в себе, сохранять, транслировать историко-педагогический опыт — «социокод», как называет его М. В. Богуславский. В рамках данной проблемы цивилизационный подход фокусируется на том, что у образования есть не только внешние импульсы развития, но и своя объективно обусловленная заданность — то, что называют «духовной основой» (Е. П. Белозерцев), «цивилизационным генотипом» (Г. Б. Корнетов), «субстратом» (П. А. Гагаев) «ценностно-смысловым ядром» (В. А. Мосолов), «целесообразной основой» (Н. Ю. Налётова) [9;10;11].

С этих позиций позволительно утверждать, что генезис как таковой есть гораздо больше, нежели исторически обусловленная сменяемость во времени образов, норм, традиций, идей, структур, событий, но есть линия преемственности в конкретной сфере. А всякий исторический перелом, радикальная переплавка культурной, образовательной парадигмы, или же, к примеру, такое явление как усиленное заимствование обществом начал иных культурных традиций, возможны не только вследствие социальных материально-экономических интересов, потребностей или политических противоречий, но и в результате изменений содержания и структуры ценностно-смыслового ядра самого образования. Причиной изменения этого ядра, является мировоззренческий сдвиг сознания общества в сторону от цивилизационных культурных и духовных установок. Именно этот сдвиг провоцирует принципиальное изменение типа образования, общественной жизни.

Понимание этой диалектики развития расширяет научные границы исследования, позволяет рассматривать генезис образования не только с учетом преобладающего социокультурного, политического или геополитического вектора жизнедеятельности в различные исторические эпохи, но и в контексте понимания сущностного содержания национальной жизни, в контексте глубинных архетипов культуры, являющихся элементами самобытного цивилизационного развития.

В современной методологии исследования истории образования можно выделить еще и *синергетический подход*, который акцентирует внимание на том,

что образовательный процесс имеет свою внутреннюю логику, отвечающую природе образования как сложноорганизованного явления. Синергетический подход, с точки зрения Г. Б. Корнетова, обладает большим исследовательским потенциалом. Он позволяет говорить об «альтернативности, вариативности познаваемых процессов... представить новую картину роста научно-педагогического знания» [6, с. 96]. Он придает интерпретации образования и его развития многогранный и вариативный характер.

Синергетический подход показывает значение в развитии образования, педагогических, культурных процессов не только объективно-исторических, стадийных понятий «тип», «формация», «парадигма», но и различных способов личностной синергии через категории, «самобытность», «воля», «дух», «вера», «выбор», «творчество». С точки зрения авторов, наличие энергетических категорий, возможность нравственного выбора не позволяют истолковывать историю образования как заведённый механизм, в котором от человечества ничего не зависит. Такой подход отрицает жесткую детерминированность педагогических процессов и позволяет представить образование как процесс исторически активный и осмысленный.

Осознанная методология создает сложные композиции из знаний разного типа. Существенной и адекватной новейшим данным педагогической науки методологической платформой исследования педагогических процессов является *историософский подход* (Н. Ю. Налётова) [11].

Историософия позволяет заключить, что в основе образования лежит определенная система онтологических, гносеологических, антропологических, аксиологических представлений и ментальных схем. Эта система представлений трактуется нами как «философия образования», «детерминанта педагогического знания», «мировоззренческое основание дискурса об образовании», как начало, выполняющее по отношению к образованию интегративную функцию, задающую ему смысл, а также совокупность тех первопринципов (целей и ценностей), на которые должен ориентироваться педагогический процесс.

Актуальность историософской темы детерминруется обозначенными и раскрытыми в ней онтологическими представлениями. Отраженное в историософии знание о двух горизонтах бытия, разделенных, но и связанных — идеального (вечного) бытия как открытого познающему устремлению для личност-

ного (исторического) бытия, создает интересное сплетение онтологической, гносеологической и антропологической проблематики. А такой синтез имеет значение не только для религиозно-философской и историко-культурной тематики, но и в отношении педагогического дискурса. «Проблематика образования в рамках историсофского подхода оказывается необходимо связанной не только со становлением собственно человека, но и со становлением мира» [9, с. 28]. А это означает, что становится возможным изучение самого феномена «образование», его роли в национальном, историческом бытии.

В историсофском понимании образование есть постоянное изменение бытия. Оно предстает «процессом продвижения к цели, двигателем истории», условием существования мира, активной творческой силой, способной изнутри преобразовать весь строй человеческого существования в мире [9, с. 29]. Такое видение внутренней сущности образования является основой, которая сохраняется при любом варианте трактовки данного понятия и изучения ресурсов его развития.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Формулируя выводы можно отметить, что историко-педагогическое изучение развития об-

разовательных процессов в динамичном российском культурно-историческом контексте, предполагает разработку и использование комплексной методологии. Современная методология придает интерпретации образования многогранный и вариативный характер. Комплекс методологических подходов позволяет представить различные концептуальные модели развития образовательных процессов и систем, а также расширяет возможности прогнозирования педагогических процессов в целом. Методология основана на видении образования в качестве сложной системы. В статье показано, что образование явило себя в истории реальной, динамичной и гибкой системой, имеющей свою цель и задачу, свой опыт практического осуществления, свой метод взаимодействия с окружающим миром; системой, способной к сохранению и обновлению своего качества; системой, сопряженной с самораскрытием.

Совокупность научной литературы, использованная автором в статье, позволяет убедиться, что начатая работа продумывания методологии образования будет продолжена, в том числе и в рамках историко-педагогической науки.

Список литературы

1. Белозерцев Е. П. Образование: историко-культурный феномен: курс лекций. СПб.: Издательство Р. Асланова «Юридический центр Пресс», 2004.
2. Бобрышев С. С. Историко-педагогическое исследование развития педагогического знания: методология и теория: монография. Ставрополь: СКСИ, 2006.
3. Богуславский М. В. Методология и технология образования: (историко-педагогический контекст): монография. М.: ИТИП РАО, 2007.
4. Булкин А. П. Социокультурная динамика образования. Исторический опыт России. – Изд. 2-е стереотипное, – Видт И. Е. Образование как феномен культуры: Эволюция образовательных моделей в историко-культурном процессе: автореф. дис. ... д-ра пед. наук. Тюмень, 2003.
5. Всемирный историко-педагогический процесс. Концепции, модели, историография/под ред. Г. Б. Корнетова и В. Г. Безрогова. М.: ИТОП РАО, 1996.
6. Запесоцкий А. С. Образование: философия, культурология, политика. – М.: Наука, 2003.
7. Крикунов А. Е. Образование в перспективе онтологии (онтологическое обоснование педагогических практик в русской религиозной философии): монография. Елец: ЕГУ им. И. А. Бунина, 2010.
8. Налётова Н. Ю. Генезис православного образования в контексте культурно-исторического развития России: дис. ... д-ра пед. наук. Смоленск: СмолГУ, 2014.
9. Налётова, Н. Ю. Методологические основы изучения генезиса образовательных систем// «Alma Mater» (Вестник высшей школы). — Москва: РУДН, 2014. № 2. С. 118–120.
10. Налётова, Н. Ю. Феномен отечественного образования в контексте религиозного дискурса// Проблемы безопасности российского общества: научно-практический журнал. – Смоленск: Смоленский филиал МИИТ, 2013. № 1. С. 192–200.

11. Nalyotova, N. Y. Istoriiosofsky senses of education: scientific and method-logical approaches to studying// *Rozwój nauk humanistycznych. Problemy i perspektywy*. – 28.09.2012–30.09.2012. Katowice, 2012. С. 97–99.
12. Образование в условиях формирования нового типа культуры: материалы круглого стола (24 января, 17 февраля 2003 г.). – СПб.: СПбГУП, 2003.
13. Педагогика: учебное пособие для студентов педагогических учебных заведений/В. А. Сластенин, И. Ф. Исаев, А. И. Мищенко, Е. Н. Шиянов. М.: Школа-Пресс, 1997.
14. Плеханов, Е. А. Педагогика русского космизма: монография/Е. А. Плеханов. – Владимир: ВГПУ, 2004.
15. Постижение педагогической культуры человечества: Общие вопросы. Зарубежный педагогический опыт/под ред. Г. Б. Корнетова. – М.: АСОУ, 2010.
16. Слободчиков В. И. Психология человека: Введение в психологию субъективности: учебное пособие для вузов/В. И. Слободчиков, Е. И. Исаев. М.: «Школа-Пресс», 1995.
17. Философия образования: состояние проблемы и перспективы: материалы заочного «круглого стола»// *Вопросы философии*. – 1995. № 11. С. 3–34.
18. Философско–психологические предположения школы диалога культур/под ред. В. С. Библера. – М.: Росспен, 1998.
19. Щедровицкий, Г. П. Проблемы методологии системного исследования М., 1964.

Информация об авторах

Налётова Наталья Юрьевна, доктор педагогических наук, доцент, профессор кафедры философии, социологии и истории Московский государственный университет путей сообщения Николая II (Смоленский филиал), г. Смоленск.

Адрес: 214012 г. Смоленск ул. Беяева, 45. Телефон (4812) 39–47–11

E-mail: nal.nat@yandex

ORCID: orcid.org/0000-0001-9901-7838

Сенченков Николая Петрович, доктор педагогических наук, профессор, профессор, зав. кафедрой педагогики и психологии Смоленского государственного университета

Адрес 214001 Смоленск ул. Пржевальского, 4. Телефон (4812) 70–02–82

E-mail: pedagogik1@yandex.ru

L. Z. REBUKHA¹¹*Ternopil National Economic University, Ternopil, Ukraine*

METHODOLOGICAL ANALYSIS OF SOCIAL WORK SPECIALISTS

Abstract

Objective: carrying out of the methodological analysis of professional activity of the specialists of social work.

Methods: synthesis, abstraction, generalization, comparison, system analysis.

Results: the terms “methodology”, “methodology of social work”, “the nature of social work”, “activities”, “the implementation of the activity approach in the training of social workers in higher education institution” were concretized basing on the theoretical analysis of the scientific literature. The strategy of social policy, targeted at the development of mechanisms of regulation of an appropriate environment for the development of the individual and his or her professional formation, was briefly analyzed. It was noted that the instrument of social policy was an effective professional social work. It was concluded that the implementation of a methodological analysis of the nature of social work required justification of logic of its foundation as a professional activity, the selection and implementation of the system tools and methods of basic training of future social workers in higher education institutions. It was found the influence of the methodology as a teaching about the ways of organization and building of the theoretical and practical human activity on the specification of different forms of activity of specialists of social work. It was determined the essential role of the activities of the future specialist of the social sphere, which defined the motion vector to the social space and largely determined the type and nature of its objective thinking. Activity-related forms of activities of a social worker, that allowed effectively manage, design and stay ahead of social processes, were obtained.

Scientific novelty: a methodological analysis of the activities of specialists of social work was carried out and an active forms of activities of social workers were established for the first time in an article.

Practical significance: the main conclusions of the article can be used by teachers of the higher military educational institutions in the process of professional fundamental training of future social workers.

Keywords: social policy, methodology, methodological analysis, the nature of social work, social worker, activities, professional activities, the effectiveness, expediency

References

1. Kepska A. I. Socialna pedagogika. 5-te vid. Pererob. ta dop. Pidruchnik (Social pedagogy. 5th ed. revised. and add. Textbook), K. 2011. 488 p.
2. Surmin Y. P., Bakumenko V. D., Myhnenko A. M. and authors. Enciklopedichnyi slovník z derzhavnogo upravlinnia (Encyclopedic Dictionary of governance), K: NADU, 2010. 820 p.
3. Kryvokon N. I. Problemi sotsialnoii roboti ta sotsialnoii politiki v Ukreini [Tekst] navchalnyi posibnik (Problems of Social Work and Social Policy in Ukraine [Text:] tutorial), Chernihiv: Chernihiv State Technological University, 2012. 320 p.
4. Zvereva I. D. Entsiklopediia dlia fakhivtsiv sotsialnoii sferi. – 2-ge vidannia (Encyclopedia for social services professionals. – 2nd Edition), Kyiv, Simferopol: Universum, 2013. 536 p.
5. Lukasiewicz M., Semigina T. Sotsiologiia sotsialnoii roboti: kurs lektsiy (Sociology of social work: lectures), Institute of Training of State Employment Service of Ukraine. – K: IPK DSZU, 2009. 210 p.
6. Andrushchenko V. P., Karpenko O., Tolstoukhov S. Sotsialna robota: navchalno-metodichnyi kompleks (Social Work: study complex), K: Izd NPU named after M. P. Dragomanov, 2006. 400 p.
7. Stepin V., Furman A. Naukova ratsionalnist u tekhnogenniy kulturi: tipi ta istorichna evoliutsiia (Scientific rationality of man-made culture: types and historical evolution), System of modern methodologies, Ternopil: TNEU, 2015. № 2. Pp. 5–10.

8. Furman A. V. *Ideia i zmist profesiynogometodologuvannia: monografiia* (Idea and content of professional methodology: monograph), Ternopil: TNEU, 2016. 378 p.
9. Shchedrovitskiy G. P. *Filosofia. Nauka. Metodologiya* (Philosophy. Science. Methodology), M.: Csh. cult. policy, 1997. 656 p.
10. Iudin E. G. *Metodologiya nauki. Sistemnost. Deiatelnost* (Methodology of Science. Consistency. Activities), M.: Editorial URSS, 1997. 445 p.
11. Chernilevsky D. V., Handzyuk O. M., Zakharchenko V. I., Kozlovsky I. and others. *Metodologiya naukovoii diialnosti: navch. posibn.* (Methodology of scientific activity: teach. guidances.), K: Izd Univ "Ukraine", 2008. 478 p.
12. Mikeshin L. A. *Filosofia nauki. Sovremennaya epistemologiya. Nauchnoye znaniye v dinamike kul'tury. Metodologiya nauchnogo issledovaniya: ucheb. posob.* (Philosophy of science. Modern epistemology. Scientific knowledge in dynamics of culture. Methodology of Scientific Studies: Textbook.), M.: Progress-Tradition: MPSI: Flynta, 2005. 464 p.
13. Stepin V. S. *Genesis sotsialno-gumanitarnykh nauk (filosofskiy i metodologicheskyy aspekty)* (Genesis of socio-humanitarian sciences (philosophical and methodological aspects)), *Questions of philosophy*, № 3, 2004. Pp. 37–43.
14. Kemerovo V. E. *Metodologiya* (Methodology), *Social philosophy: dictionary* M.: Acad project, 2003. Pp. 230–231.
15. Bech V. P., Lukasiewicz M., Tulenkov M. V. *Sotsialna robota i formuvannya hromadianskogo suspilstva: monografiia* (Social work and forming of civil society: monograph), NPU named after Dragomanov. – K: NPU named after Dragomanov, 2008. 599 p.
16. Bradford W. Sheafor, Charles R. Horejsi. *Techniques and Guidelines for Social Work Practice*, Boston, 2008, 340 p.
17. Tyuptya L. T., Ivanova I. B. *Sotsialna robota (teoriia i praktika): navchalnyi posibnik* (Social work (theory and practice): tutorial), K. University "Ukraine", 2004. 408 p.
18. Holovaty M. F. and authors. *Upravlinski aspekty sotsialnoi roboty [Text]: kurs lektsiy* (Administrative aspects of social work [Text]: lectures), K.: IAPM, 2002, 376 p.
19. Crimski S. B. *Proekt i proektuvannya v suchasnyy tsivilisatsii* (Project and projecting in modern civilization), *Method of Projects: traditions, perspectives, life results: Practice-oriented collection*, K.: The Department, 2003. Pp. 6–15.
20. Zahvyazynskyy V. I., Atahanov R. *Metodologiya i metody psikhologo-pedagogicheskogo issledovaniya* (Methodology and methods of psychological and pedagogical research), M.: Pub. center "Academy", 2001. 208 p.

Information about the authors

Liliya Z. Rebukha, Candidate of Psychological Sciences, Assistant Professor, Assistant Professor of Department of Psychology And Social Work, Ternopil National Economic University

Address: 11 Lvivska Str., 46000, Ternopil, Ukraine, tel.: +38(0352) 47-50-63

E-mail: liliya_rebukha@ukr.net

ORCID: <http://orcid.org/0000-0002-0054-0651>

Л. З. РЕБУХА¹¹ Тернопольский национальный экономический университет, г. Тернополь, Украина

МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ СПЕЦИАЛИСТОВ СОЦИАЛЬНОЙ РАБОТЫ

Аннотация

Цель: осуществить методологический анализ профессиональной деятельности специалистов социальной работы.

Методы: синтез, абстрагирование, обобщение, сравнение, системный анализ.

Результаты: на основе теоретического анализа научной литературы конкретизировано содержание понятий «методология», «методология социальной работы», «сущность социальной работы», «деятельность», «реализация деятельностного подхода в процессе подготовки социальных работников в высшем учебном заведении». Коротко проанализирована стратегия социальной политики государства, целенаправленная на разработку механизмов регуляции благоприятных условий для развития личности и ее профессионального становления. Отмечено, что инструментом осуществления социальной политики является эффективная профессиональная социальная работа. Резюмировано, что осуществление методологического анализа сущности социальной работы требует обоснования логики построения ее как профессиональной деятельности, выбора и реализации системы средств и методов фундаментальной подготовки будущих социальных работников в высших учебных заведениях. Выявлено влияние методологии как учения о способах организации и построения теоретической и практической деятельности человека на конкретизацию различных форм деятельности специалистов социальной работы. Определена сущностная роль деятельности будущего специалиста социальной сферы, которая задает социальному пространству вектор движения и во многом определяет тип и характер его предметного мышления. Выделены деятельностные формы активности социального работника, позволяющие действенно управлять, проектировать и опережать социальные процессы.

Научная новизна: в статье впервые осуществлен методологический анализ деятельности специалистов социальной работы и выделены деятельностные формы активности социальных работников.

Практическая значимость: основные выводы статьи могут быть использованы преподавателями высших учебных заведений в процессе профессионально-фундаментальной подготовки будущих социальных работников.

Ключевые слова: социальная политика, методология, методологический анализ, сущность социальной работы, социальный работник, деятельность, профессиональная деятельность, результативность.

ВВЕДЕНИЕ

Действенным механизмом, с помощью которого в основном происходят перемены в обществе, является социальная политика государства, через которую реализуются объективные перспективы экономического, политического и духовного потенциала гражданского общества [1, с. 403]. Это означает, что стратегия социальной политики Украины целенаправленная на разработку механизмов регуляции благоприятных условий для развития личности, воспитания и обучения, ее профессионального становления и помощи в социализации [2, с. 657].

РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

Ведущей формой социально-политического, организационно-управленческого реагирования

на кризисную ситуацию в государстве, инструментом осуществления социальной политики является профессиональная социальная работа [3, с. 42–45, 69–74]. Она налаживает, нормализует социальные процессы в обществе путем внедрения инновационных концепций и программ. Вследствие этого социальная работа служит не только ее инструментом, но и выполняет функцию обратной связи, выступая в качестве своеобразного «социального локатора», который определяет, на основе социальных показателей, реальные последствия социальной политики, отражает ее эффективность [4, с. 236].

Сегодня возникает потребность в осуществлении методологического анализа сущности социальной работы, чтобы обосновать логику построения ее как

профессиональной деятельности, выбора и реализации системы средств и методов фундаментальной подготовки будущих социальных работников в высших учебных заведениях.

Методологические подходы к пониманию сущности социальной работы заложены в классических трудах теоретиков и мыслителей прошлого [5; 6, с. 12–18], которые в своих трудах сосредоточили внимание на социальных системах, социальных процессах и социальных изменениях. В работах зарубежных и отечественных исследователей открываем научно-методологические предпосылки для понимания социальной работы как общественного феномена и деятельности [1; 7–11; 14; 17–19].

Истоки методологических основ деятельности находим в работах Р. Декарта «Рассуждения о методе» и у Ф. Бэкона «Новый Органон». Древние мыслители указывают на то, что методологическое мышление является важной составляющей научных изысканий, а впоследствии и всех форм деятельности человека. Такому всеобщему подходу к организации деятельности, как отмечает В. Степин, объективно присущие: существование идеального объекта, выделение предмета познания, обоснование способов и методов исследования и проведения эксперимента, который служит исключительной практикой [7, с. 5].

На современном этапе развития социальной работы ученые активно обсуждают проблемы ее методологии. По мнению ученого А. Фурмана, методология — это отдельный мир, сверхсовершенная форма как мышления, так и деятельности, которая предусматривает оценку-критику, исследование, нормирование, разработку способов и средств преодоления проблем [8, с. 49]. В полнзначном понимании является наукой и искусством для нахождения возможности совершенного мышления и эффективной деятельности во всех сферах общественной жизни [8, с. 27]. Известный методолог Г. Щедровицкий логико-содержательно моделирует научный и чисто методологический способы построения методологии [9, с. 331].

Стоит отметить, что на сегодняшний день выделены принципы методологии науки, системности и деятельности [10], осуществлен анализ методологии научной деятельности [11], научного исследования и психолого-педагогического исследования в частности [12]; описаны философские и методологические аспекты генезиса социально-гуманитарных наук [13], реализованы методологические аспекты системного

анализа педагогического процесса, философии практико-ориентированной методологии педагогического воздействия [14].

Методология профессионально-ориентированной научной деятельности является сверхсложной формой мышления ученого-теоретика социальной сферы, который реализует реальную во времени мыследеятельность. Она является отражением основных черт методологического профессионализма, организует и создает новые структурные элементы, а именно знания, правила и др., которые можно проверить на практике, не отрицает научного подхода к пониманию сущности социальной работы, учитывает различные знания об объекте познания, формируется как сложнейшая совместная работа ученых, которая способна проектировать и нормировать универсальную практику социального работника.

Для современной методологии с позиций профессиональной подготовки специалистов социальной работы большую важность имеют вопросы, связанные с различиями, как многопредметной объективной реальности, так и форм, методов, способов и средств познавательной и практической деятельности. Так в монографии «Социальная работа и формирование гражданского общества» В. Бех, М. Лукашевич и М. Туленков отмечают, что «под сущностью социальной работы надо понимать ее внутренний смысл, который проявляется в единстве всех многообразных и противоречивых форм существования или бытия» [15, с. 113–114]. Большая роль для определения сущности социальной работы отводится, прежде всего, понятию «деятельность», которая задает социальному пространству вектор движения, во многом определяет тип и характер предметного мышления, которое порождается определенным временем. Универсальность этого понятия имеет такое особенное свойство как полифункциональность, что позволяет объяснить сущность и действенность социальной работы.

Обобщая различные подходы к изучению этой проблематики и осуществив методологический анализ реализации деятельности в социальной работе, нами выделены деятельностные формы активности социального работника. Деятельность для нас служит:

1. Объясняющей составляющей социального мира. Деятельность как форма активности в социальной работе направлена, прежде всего, на преобразование мира в соответствии с потребностями каждого

человека и делает невозможным создание без нее общей и целостной его картины.

2. Предметом объективного научного анализа. Через деятельность социальный работник осуществляет взаимосвязь с клиентом и миром в целом [16, с. 256–290].

3. Важной составляющей в тот или иной период жизни каждого человека — гражданина страны. Только профессионально-образованный и грамотный специалист может эффективно решить сложные, проблематичные и противоречивые вопросы, которые назрели в личности в тот или другой период ее жизни.

4. Необходимым средством для формирования у социального работника знаний, умений, навыков, норм и ценностей для реализации эффективной деятельности. Принимая решение специалист руководствуется важнейшими ценностями социальной работы, такими как уверенность в значимость каждой личности и ее право на самостоятельный выбор, вера в возможность, желание индивида меняться и быть независимым.

5. Предметом управления организацией функционирования и эффективного развития социальной работы на основе постоянных принципов. Их сущность заключается в том, что они определяют организационный аспект управления и помогают выбрать наиболее эффективное для конкретных условий управленческое решение на основе всестороннего анализа и изучения проблемы [17, с. 192–203; 18, с. 23–59].

6. Предметом проектирования оптимальной реализации новых видов деятельности в социальной работе. Известный ученый С. Крымский считает, что «проектирование приобретает интегрального

статуса и начинает конкурировать с традиционными средствами познания и действия, подвигая даже теорию как главную форму организации научного знания» [19, с. 6].

7. Ценностной оценкой для определения социальной работы среди других наук. Практический опыт социальной работы является ценностной оценкой для определения ведущего места социальной работы среди других наук, поскольку ее основой есть теоретическая, методологическая, проектная, экспериментальная и методическая деятельность.

8. Предметом теоретического обобщения, подражания и воспроизведения передового опыта социальной работы стран ближнего и дальнего зарубежья [20]. Концептуальные теоретико-методологические ориентиры социальной работы задает зарубежный опыт, ведь в мировой инфраструктуре эффективно значимой деятельности отслеживается тенденция ее развития в едином информационно-познавательном пространстве.

ВЫВОДЫ

Теоретико-методологическое обоснование деятельности как формы активности социального работника позволяет по-особому ее увидеть, понять и проникнуть в сущность социальной работы. Нами обобщены различные подходы к изучению методологического анализа реализации деятельности в социальной работе, а также выделены деятельностные формы активности социального работника. Благодаря практической деятельности социальная работа занимает ведущее место среди других наук, выстраивается в национальных традициях и имеет собственную теоретико-методологическую, проектно-экспериментальную и методическую специфику.

Список литературы

1. Соціальна педагогіка. 5-те вид. перероб. та доп. підручник/За ред. Капської А. Й. – К.: Центр учбової літератури, 2011. – 488 с.
2. Енциклопедичний словник з державного управління/уклад.: Ю. П. Сурмін, В. Д. Бакуменко, А. М. Михненко та ін.; за ред. Ю. В. Ковбасюка, В. П. Трощинського, Ю. П. Сурміна. – К.: НАДУ, 2010. – 820 с.
3. Кривоконь Н. І. Проблеми соціальної роботи та соціальної політики в Україні [Текст:] навчальний посібник/Н. І. Кривоконь: -Енциклопедія для фахівців соціальної сфери. – 2-ге видання/за заг. ред. проф. І. Д. Звереві. – Київ, Сімферополь: Універсум, 2013. – 536 с.
4. Лукашевич М. П. Соціологія соціальної роботи: курс лекцій/М. П. Лукашевич, Т. В. Семигіна//Інститут підготовки кадрів державної служби зайнятості України. – К.: ІПК ДСЗУ, 2009. – 210 с.
5. Соціальна робота: навчально-методичний комплекс/за ред. В. П. Андрущенка, О. Г. Карпенко, С. В. Толстоухової. – К.: Вид-во НПУ ім. М. П. Драгоманова, 2006. – 400 с.

6. Вячеслав Стёпин. Наукова раціональність у техногенній культурі: типи та історична еволюція// Система сучасних методологій: [Фурман А. В. Ідея і зміст професійного методологування: [Щедровицький Г. П. Філософія. Наука. Методологія/Георгій Петрович Щедровицький. – Юдин Э. Г. Методологія науки. Системність. Деяльність/Э. Г. Юдин. – М.: Эдиториал УРСС, 1997. – 445 с.
7. Методологія наукової діяльності: навч. посіб./Д. В. Чернілевський, О. М. Гандзюк, В. І. Захарченко, І. М. Козловська та ін.; за ред. проф. Д. В. Чернілевського. – К.: Вид-во ун-ту «Україна», 2008. – 478 с.
8. Микешина Л. А. Філософія науки. Современная эпистемология. Научное знание в динамике культуры. Методология научного исследования: учеб. пособ./Л. А. Микешина. – М.: Прогресс-Традиция: МПСИ: Флинта, 2005. – 464 с.
9. Стёпин В. С. Генезис социально-гуманитарных наук (философский и методологический аспекты)/В. С. Стёпин// Вопросы философии. – 2004. – № 3. – С. 37–43.
10. Кемеров В. Е. Методология/Вячеслав Кемеров// Социальная философия: Словарь. – Бех В. П. Соціальна робота і формування громадянського суспільства: монографія/В. П. Бех, М. П. Лукашевич, М. В. Туленков; Нац. пед. ун-т імені М. П. Драгоманова. – К.: НПУ імені М. П. Драгоманова, 2008. – 599 с.
11. Bradford W. Sheafor, Charles R. Horejsi. Techniques and Guidelines for Social Work Practice./Bradford W. Sheafor, Charles R. Horejsi. – Boston, 2008. – 340 p.
12. Тюптя Л. Т. Соціальна робота (теорія і практика) [Текст]: навчальний посібник/Л. Т. Тюптя, І. Б. Іванова. -Управлінські аспекти соціальної роботи [Текст]: курс лекцій/Кер. автор. колективу М. Ф. Головатий. -Кримський С. Б. Проект і проектування в сучасній цивілізації//Метод проектів: традиції, перспективи, життєві результати: Практико-зорієнтований збірник/Науковий керівник і редактор І. Г. Єрмаков. -Загвязинский В. И. Методология и методы психолого-педагогического исследования/В. И. Загвязинский, Р. Атаханов. – М.: Изд. центр «Академия», 2001. – 208 с.

Информация об авторах

Ребуха Лилия Зиновьевна, кандидат психологических наук, доцент, доцент кафедры психологии и социальной работы

Тернопольский национальный экономический университет, г. Тернополь, Украина.

Адрес: 46000, Украина, г. Тернополь, ул. Львовская, 11; тел. 38 (0352) 47–50-63

E-mail: liliya_rebukha@ukr.net

ORCID: <http://orcid.org/0000-0002-0054-0651>

A. V. SHABALDAK¹¹ Military Academy, Odessa, Ukraine

NATURE AND SPECIFICITY OF AXEOLOGICAL APPROACH WITHIN TRAINING CADETS TO PROFESSIONAL ACTIVITY

Abstract

Aim: to concretize the nature and specifics of implementation praxeological approach in training military academy cadets to the profession

Methods: synthesis technique, abstraction technique, generalization, comparison, systems analysis method.

Results: based on a theoretical analysis of scientific literature the meaning of definitions such as “praxeology”, “praxeological approach”, “implementation praxeological approach within training cadets of the Military Academy” is specified. The brief analysis of historical landmarks of praxeology as scientific knowledge of intelligent action formation. It is summarized that the use of praxeological approach within training cadets of the Military Academy requires consideration of features of military-educational process, which is interpreted by the researches as organized and focused training and educational activities of commanders and officers related to training, education, physical and psychological development preparation of students on the one hand and as the work of students on mastering military knowledge and skills formation in his high moral and fighting qualities of military-professional skills and psychological preparedness for successful warfighting — on the other. These features include: atypical objects of HMEI teachers’ work, which are: person of the future officer as an active participant of military-educational process; specificity of means and methods of implementation of educational activities, such as competent, passionate, convincing word, culture of speech and its contours, knowledge, teaching skills, personal characteristics, lifestyle and behavior, style of the teaching and others.

Academic novelty: the nature of the methods used within praxeology and have been adapted in the direction of the research training of cadets of the Military Academy to professional activity are newly analyzed in the article.

Practical significance: the main conclusions of the article can be used by teachers of higher military educational institutions within the training of future officers.

Keywords: praxeology, praxeological approach, cadets, action, activity, professional activity, effectiveness, appropriateness.

References

1. Barabanshchikov A. V. Voenno-pedagogicheskaya diagnostika / A. V. Barabanshchikov, N. I. Deryugin. – M.: VPA, 1995. – 108 s. (in Russian).
2. Naumenko M. I. Upravlinnia yakistiu viiskovoi osvity: teoriia, metodolohiia, praktyka / M. I. Naumenko, Yu. I. Prykhodko // Nauka i oborona. – 2009. – № 1. – S. 40–50. (in Ukrainian).
3. Iahupov V. V. Pedahohichna tekhnika vykladachiv viiskovo-spetsialnykh dystsyplin [Elektronnyi resurs] / V. V. Iahupov, M. A. Kryshchal // Visnyk Natsionalnoi akademii Derzhavnoi prykordonnoi sluzhby Ukrainy. – 2012. – Vyp. 5. – Rezhym dostupu: http://nbuv.gov.ua/j-pdf/Vnadps_2012_5_25.pdf. (in Ukrainian)
4. Sadova T. A. Prakseolohichni zasady profesiino-pedahohichnoi pidhotovky maibutnikh vykhovateliv do orhanizatsii piznavalnoi diialnosti ditei / T. A. Sadova // Visnyk Hlukhivskoho derzhavnoho pedahohichnoho universytetu. – 2010. – Vyp. 16. – S. 23–27. (in Ukrainian).
5. Lovkina O. H. Henezys prakseolohichnykh idei: istoryko-filosofskyi kontekst / O. H. Lovkina // Filosofski obrii. – 2012. – Vyp. 27. – S. 4–12. (in Ukrainian).
6. Karpova V. V. Prakseolohichni pidkhid do profesiinoi pidhotovky maibutnikh sotsialnykh pratsivnykiv / V. V. Karpova // Mova, kultura ta osvita: tezy dopovidei ta povidomlen Vseukr. nauk.-prakt. konf. vykladachiv i studentiv (m. Vinnytsia, 18 kvitnia 2013 r.). – Vinnytsia: VNAU, 2013. – S. 158–164. (in Ukrainian)

7. Filosofskij slovar'/pod red. I. T. Frolova. – 7-e izd., pererab. i dop. – M.: Respublika, 2001. – 719 s. (in Russian)
8. Vsemirnaya ehnciklopediya: filosofiya/glavn. nauch. red. i sost. A. A. Gricanov. – M.: AST, 2001. – 1312 s. (in Russian).
9. Monahova L. YU. Principy kollinearnosti i dopolnitel'nosti: kompetentnostnyj i praksilogicheskij podhody v teorii i praktike professional'nogo obrazovaniya [EHlektronnyj resurs]/L. YU. Monahova, V. S. Fedotova//Gumanitarnye nauchnye issledovaniya. – 2014. – № 5. – Rezhim dostupa: <http://human.snauka.ru/2014/05/6613> (in Russian).
10. Maron A. E. Pedagogicheskaya praksilogiya: struktura znaniya i modeli realizacii v professional'nom obuchenii/A. E. Maron, L. YU. Monahova, V. S. Fedotova//CHelovek i obrazovanie. – 2012. – № 2. – S. 27–31. (in Russian).
11. Sovremennyy slovar' po pedagogike/sost. E. S. Rapacevich. – Mn.: «Sovremennoe slovo», 2001. – 928 s. (in Russian).
12. Kavalero V. A. Intentsii pedahohichnoi innovatyky v dyskursi prakseolohii/V. A. Kavalero//Hileia. Ser.: Istorychni nauky. Filosofski nauky. Politychni nauky. – 2012. – Vyp. 57 (№ 2). – S. 489–494. (in Russian).
13. Espinas A. Les Origines de la Technologie/A. Espinas. – Paris: F. Alcan, 1897. – 295 r. (in English).
14. Kotarbinskij T. Zadachiprakseologii. Izbrannye proizvedeniya/Tadeush Kotarbinskij. – M.: Izdatel'stvo inostrannoj literatury, 1963. – 912 s. (in Russian).
15. Kotarbinskij T. Traktat o horoshej rabote/Tadeush Kotarbinskij; per. s pol'sk. – M.: «Ehkonomika», 1975. – 271 s. (in Russian).
16. Slutskiy Ye. Vyznannia. Tvorchya spadshchyna z pohliadu suchasnosti/Yevhen Slutskiy; za red. V. D. Bazylevycha. – K.: Znannia, 2007. – 919 s. (in Ukrainian).
17. Mizes L. fon. CHelovecheskaya deyatel'nost': traktat po ehkonomicheskoy teorii/L. fon Mizes. – CHelyabinsk: Socium, 2005. – 878 s. (in Russian).
18. Khodakivskiy Ye. I. Ekonomika ta menedzhment pratsi (prakseolohichni aspekt): navch. posib./Ye. I. Khodakivskiy, Yu. V. Bohoiavlenska. – Zhytomyr: ZhDTU, 2004. – 378 s. (in Ukrainian).
19. Kolesnikova I. A. Pedagogicheskaya prakseologiya: ucheb. posobie dlya stud. vyssh. ped. ucheb. zaved./I. A. Kolesnikova, E. V. Titova. – M.: Izd. centr «Akademiya», 2005. – 256 s. (in Russian).
20. Alekseeva T. B. Kul'turologicheskij podhod v sovremennom obrazovanii/T. B. Alekseeva. – SPb.: Knizhnyj dom, 2008. – 352 s. (in Russian).
21. Selevko G. K. Enciklopediya obrazovatel'nyh tekhnologij./G. K. Selevko; v 2 t.; T.1. – M.: NII shkol'nyh tekhnologij, 2006. – 816 s. (in Russian).

Information about authors

Andrey Viktorovich Shabaldak, Head of Support of Academic Activities of Military Academy Center (Odesa)

Military Academy, Odesa, Ukraine

Address: 67570, Ukraine, Odesa oblast, Kominternovskiy district, Chornomorske, Kurortna str., 2, apt. 56,

tel.: 093–521–54–34

E-mail: shabaldak@i.ua

ORCID: <http://orcid.org/0000-0002-3864-1546>

А. В. ШАБАЛДАК¹¹ Военная академия, г. Одесса, Украина

СУЩНОСТЬ И СПЕЦИФИКА РЕАЛИЗАЦИИ ПРАКСЕОЛОГИЧЕСКОГО ПОДХОДА В ПОДГОТОВКЕ КУРСАНТОВ ВОЕННОЙ АКАДЕМИИ К ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Аннотация

Цель: конкретизировать сущность и специфику реализации праксеологического подхода в подготовке курсантов военной академии к профессиональной деятельности.

Методы: синтез, абстрагирование, обобщение, сравнение, системного анализа.

Результаты: на основе теоретического анализа научной литературы конкретизировано содержание понятий «праксеология», «праксеологический подход», «реализация праксеологического подхода в процессе подготовки курсантов военной академии». Коротко проанализированы исторические вехи становления праксеологии как научного знания разумного действия. Резюмировано, что применение праксеологического подхода в подготовке курсантов военной академии требует учета особенностей военно-педагогического процесса, который сейчас исследователи трактуют с одной стороны как организованную и целенаправленную учебно-воспитательную деятельность командиров и офицеров, связанную с обучением, воспитанием, физическим развитием и психологической подготовкой курсантов, а с другой — деятельность курсантов по овладению военными знаниями, умениями и навыками, формирование у себя высоких морально-боевых качеств, развитию военно-профессионального мастерства и психологической готовности к успешному ведению боевых действий. К таким особенностям относится: нетипичность объектов труда преподавателей вуза, каковыми есть личности будущих офицеров как активные участники военно-педагогического процесса; специфика средств и способов осуществления педагогической деятельности, которыми выступают грамотное, страстное, убедительное слово, культура и содержание речи, знания, методические умения и навыки, личные качества, образ жизни и поведения, стиль деятельности педагога и тому подобное.

Научная новизна: в статье впервые проанализирована сущность методов, используемых в рамках праксеологии и адаптированных в направлении исследования подготовки курсантов военной академии к профессиональной деятельности.

Практическая значимость: основные выводы статьи могут быть использованы преподавателями высших военных учебных заведений в процессе профессиональной подготовки будущих офицеров.

Ключевые слова: праксеология, праксеологический подход, курсанты, действие, деятельность, профессиональная деятельность, результативность, целесообразность.

ВВЕДЕНИЕ

Профессиональная деятельность современных военнослужащих весьма разнообразна. Это обусловлено разветвленной структурой Вооруженных Сил Украины (ВСУ), наличием различных военных специальностей, развитием и усложнением военной службы. Рассматривая военную деятельность как процесс выполнения будущими военнослужащими задач военной службы, ведения боевых действий против врага, военные педагоги (А. Барабанщиков [1], М. Науменко [2], В. Ягупов [3] и др.) выделяют такие ее компоненты:

– осознание офицером поставленной перед ним цели;

– актуализация личностных мотивов выполнения конкретного профессионального задания;

– выработка алгоритма будущих профессиональных действий, необходимых для достижения намеченной цели;

– применение средств, методов, приемов деятельности, которые обеспечат квинтэссенцию результативности выполнения задания;

– регулирование действий в соответствии с задачей;

– оценка и сверка полученных результатов с тем, что нужно было сделать;

– самокоррекция профессиональных действий, работа над ошибками.

Исследователи определяют деятельность как специфический вид активности человека, направленной на познание и творческое преобразование окружающего мира, самого себя и условий своего существования. Любая деятельность состоит обычно из ряда актов-действий или поступков, основанных на тех или иных побуждениях и мотивах, направленных на определенную цель.

Специфику организации «правильных» профессиональных практических действий объясняет методологический концепт — праксеологический подход [4, с. 23–27], возникший в пределах науки праксеологии [5]. Как уместно отмечает Т. Садовая, сейчас именно праксеология выступает методологической основой овладения навыками профессионального функционирования в образовательном пространстве, предпосылкой к формированию умений владеть собственными действиями [4, с. 23–24].

РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

Праксеология как междисциплинарное направление научных исследований возникла в начале XX века. Ее основной задачей является познание общих законов человеческой деятельности и вывода на их основе обобщенных правил достижения в ней совершенства [6, с. 158–164]. Изучение практической реализации и последовательности действий очень важно как для переоценки практики, так и для профессионального развития тех, кто этим занимается, в частности курсантов военного вуза [6].

Термин «праксеология» происходит от греч. *praxis* (действие, практика) или лат. *praxeus* (действие, деяние). В словарно-справочной литературе исследуемая категория трактуется как:

- отрасль социологических исследований, которая изучает методику рассмотрения различных действий или их совокупности с точки зрения эффективности [7, с. 453];
- философская концепция деятельности, представляющая общую теорию организации результативной деятельности [8, с. 819];
- особая отрасль знания, направленная на выявление общих тенденций логики деятельности, составляющая методологии, пытающаяся теоретически обобщить огромный опыт человечества в результативной деятельности, определяющая качественные характеристики деятельной личности [9];
- наука, изучающая исторические типы и виды практики — рациональные формы организации

человеческих действий, направленные на изменение природы, общества и самого человека [10, с. 27–31].

Несколько иное толкование сущности праксеологии представлено в педагогическом словаре, согласно с которым ее сущность заключается в практическом исследовании и характеристике различных трудовых навыков и приемов, выявлении их элементов и создании на этой основе различных рекомендаций практического характера [11, с. 608].

Праксеология как общая методология рассматривает способы деятельности (в том числе и военной) с точки зрения их эффективности. Будущему офицеру необходимо обладать средствами, способами, приемами профессиональной деятельности, чтобы иметь возможность эффективно их использовать. Эта наука ищет квинтэссенцию результативности, советуя выбирать формы профессиональной деятельности, ведущие к поставленной профессиональной цели [12, с. 489–494]. Раскрывая семантическое поле категории «праксеология», обратимся к историческому аспекту ее возникновения.

Впервые термин «праксеология» упоминается в публикации французского философа и историка А. Аспинаса. В статье исследователя задекларирована необходимость создания отдельной научной дисциплины о факторах повышения эффективности и полезности действий [13, с. 103–108]. В одной из статей, датированной 1890 г., А. Аспинас писал: «Ремесленник мастерит, христианин работает, моряк плавает, солдат воюет, профессор учит... В этом контексте термин «практика» порождает научную категорию «праксеология» для определения науки о подобных фактах, которые следует рассматривать в целостности ...; науки об общих формах и принципах действий в мире людей» [14, с. 201–205]. Исследователь подчеркивал, что праксеология — это наука о совокупности практических правил искусства и техники, развивающихся в зрелых обществах на определенных этапах развития цивилизации [15]. Предметом ее изучения являются факторы повышения эффективности действий [13, с. 102].

В начале XX века праксеология находилась в русле исследовательских ожиданий и поисков, что нашло отражение в научных разработках А. Богданова (1910 г.), который исследовал идеи тектологии как теории универсальной организационной науки [5].

Еще одним корифеем праксеологической науки определяют украинского исследователя Е. Слуцкого.

Ученый является автором научного труда «Этюд к проблемам строительства формально праксеологических принципов экономики», опубликованного на украинском и немецком языках. В научных разработках Е. Слуцкого отмечается интегральность науки праксеологии. Например, автор рассматривал праксеологию через призму формальной экономики и поэтому обосновывал ее в русле отношений, форм и других проявлений хозяйственных образований. Исследователь считал, что формальная экономика является не самостоятельной наукой, а отдельной дисциплиной в пределах формальной праксеологии [16, с. 352].

В последствии австрийский экономист Л. Мизес в работе «Человеческая деятельность» (1949 г.) использовал понятие «праксеология» для обозначения науки о человеческом поведении. Будучи представителем австрийской экономической школы, еще в середине XX века он указывал на необходимость создания общей науки, изучающей человеческие действия, — праксеологии (что в дословном переводе имеет определение «логика действия»). Ученый подчеркивал междисциплинарный характер изучения человеческой деятельности, необходимость интеграции социальных наук в общую метанауку [17].

Однако, при всем многообразии возможных источников и параллелей праксеологических идей, основополагающими для становления праксеологии стали интенции философской и логической доктрины Т. Котарбинского. В середине XX века исследователь опубликовал книгу «Трактат о хорошей работе», принесшую ему всемирную известность и ставшей основой формирования праксеологического подхода как особого способа анализа и объяснения человеческой деятельности в аспекте ее целесообразности, рациональности, эффективности [15].

Автор определил праксеологию как общую теорию эффективной («исправной») организации деятельности [15, с. 18–26]. В «Трактате о хорошей работе» Т. Котарбинский декларирует: «... чтобы быть эффективной, деятельность должна отвечать ряду требований: быть результативной, продуктивной или плодотворной (то есть достигать поставленной цели), «правильной» (точной, адекватной, максимально приближенной к образцу-норме), «чистой» (то есть максимально избегать непредвиденных последствий), «надежной» (приемы деятельности тем более надежны, чем более объективна возможность достижения

этим приемами намеченного результата) и последовательной ... » [15, с. 20].

Ученый отмечал, что праксеология исследует и объясняет три группы проблем:

- аналитическое описание, характеристику, классификацию и систематизацию практических действий;

- изучение условий и законов, определяющих эффективность действий;

- изучение генезиса и развития различных видов деятельности, путей их совершенствования и регресса [15, с. 16–17].

По заключению Т. Котарбинского, праксеология является самостоятельной дисциплиной, синтезирующей данные различных наук, касающихся организации труда. Она объединяет только то, что применяется к любой деятельности и имеет общий характер [15, с. 17–19]. «Праксеология является типичной моделью организационной науки, спецификой которой является выработка практических советов, ассимиляция данных из десятков наук, систематизация этих данных с точки зрения задач конкретной области деятельности» [15, с. 18].

Похожей научной позиции придерживаются Е. Ходаковский и Ю. Богоявленская, которые, рассматривая труд через призму праксеологии, отмечают, что в научном познании праксеологической проблематики предполагается определенное понимание целенаправленной деятельности людей по преобразованию природы и общества, воспроизводства производительных сил и общественных отношений, способа существования самого человека, формирующегося как личность и поддерживающего свое существующее бытие трудом [18, с. 9].

Именно отсутствие самостоятельной дисциплины, занимающейся изучением условий максимальной эффективности действия, а также существование парадоксов эффективного действия, когда, например, минимальное вмешательство вызывает огромные изменения, а максимум усилий детерминирует ничтожные результаты, было, по мнению Т. Котарбинского, основной причиной возникновения праксеологических исследований.

Итак, праксеология как наука занимается изучением исторических типов и видов практики — рациональных форм организации человеческих действий, направленных на изменение природы, общества и непосредственно человека. Праксеология как

учебная дисциплина является образовательной практикой формирования принципов организации практического отношения человека к миру, практического разума и мудрости.

Анализ научных и учебно-методических работ показывает, что термин «праксеология» употребляется в различных контекстах: праксеология семейных отношений, философско-правовая праксеология, адвокатская праксеология, политическая праксеология, рефлексивная праксеология, педагогическая праксеология, праксеология военной деятельности и другие. Специфика исследования подготовки курсантов военной академии к профессиональной деятельности предполагает использование интегрированных идей педагогической праксеологии и праксеологии военной деятельности. Ведь педагогическая праксеология раскрывает не только оптимальный способ действия, но и необходимое направление мыслей о действии. «Эта наука объясняет, что и как делать будущему специалисту и как правильно думать, чтобы хорошо делать» [19, с. 12].

Методологическими источниками педагогической праксеологии выступает, с одной стороны, «общая» праксеология, с другой — педагогика, исследования научной организации труда, кибернетика, тектология, эргономика и др. К источникам формирования и развития праксеологических знаний в рамках педагогики ученые относят современные научные отрасли и дисциплины (например, акмеологию). Будучи практико-ориентированной методологической системой, педагогическая праксеология формируется на стыке философского, научного, практического знания. Выступая в качестве «философии правильного действия», праксеология фактически является составной частью философии [6].

Таким образом, праксеологическое знание сформировалось на пересечении:

- философских идей, категорий, законов, на основании которых объясняется феномен профессиональной деятельности;
- общенаучных подходов, связанных с рассмотрением и решением проблем профессиональной активности человека и закономерностей построения его профессиональной деятельности;
- междисциплинарного знания, аккумулирующего совокупный теоретический и практический опыт рационального осуществления профессиональных действий;

– собственно педагогического методологического знания о системе той или иной профессиональной (педагогической, медицинской, военной и др.) деятельности;

– результатов рефлексии в направлении определения причин, условий и механизмов успешности профессиональной деятельности [19].

В то же время, именно с развитием педагогической праксеологии связано внедрение праксеологического подхода в педагогическую практику, в частности в систему профессионального образования. В военном образовании праксеологическая методология актуализируется в контексте исследования рациональной и продуктивной военной профессиональной деятельности (например, в условиях проведения антитеррористической операции на востоке Украины) и необходимости повышения готовности будущих офицеров к практической профессиональной деятельности.

Основу военной праксеологии в профессиональной подготовке курсантов составляют определенные логические требования к организации действий будущих офицеров в рамках выполнения их профессиональных функций. Будучи методологическим ориентиром, военная праксеология позволит специалисту «выйти» на новый уровень осуществления профессиональной деятельности путем его «погружения» в другой тип отношений. В этом контексте заслуживает внимания мнение И. Колесниковой и Е. Титовой, что «праксеологические отношения человека с действительностью всегда конструктивные» [19, с. 12].

В контексте выполнения задач исследования не можем не обратиться к методам, использующимся в рамках праксеологии и адаптированных в контексте подготовки курсантов военной академии к профессиональной деятельности, а именно:

- методы праксеологической дескрипции, описывающие закономерности и условия формирования правильных профессиональных военных действий; фиксирующие опыт успешной профессионально ориентированной учебной работы курсантов;
- методы праксеологической экспертизы, направленные на оценку структуры профессиональной деятельности будущего офицера с позиций ее производительности, на рефлексию поведения и всех видов опыта (приобретенного во время прохождения различных видов практик, выполнения профессионально ориентированных задач и т. п.), на оценку действий будущего специалиста и их результатов;

– методы праксеологического моделирования и проектирования, функция которых заключалась в разработке, апробации и установлении норм профессионально-военной деятельности, поиске способов повышения ее успешности.

Наука праксеология определяет специфику праксеологического подхода. Сейчас существует немало трактовок научной категории «подход». Достаточно полно сущность категории «подход» проанализирована в исследовании Т. Алексеевой [20]. Автор, выделяя содержание, в котором употребляется термин «подход», подчеркивает, что в социогуманитарных науках часто подходом называют авторскую систему взглядов, определяющих конкретную (индивидуальную) совокупность установок при решении той или иной научно-педагогической проблемы; термин «подход» используется в качестве синонима определенной, принятой научным сообществом теоретической концепции решения любых научных и практических проблем; используется для характеристики общенаучных и специфических методов [20, с. 26–29].

Нам импонирует определение анонсированного понятия, представленное в Энциклопедии образовательных технологий: подход — это комплексное педагогическое средство, содержащее: основные понятия, используемые в процессе изучения, управления и преобразования учебной практики; принципы как исходные положения или главные правила осуществления педагогической деятельности; методы и приемы построения образовательного процесса, которые в наибольшей степени соответствуют выбранной ориентации педагогических действий [21].

Сущность праксеологического подхода к организации профессиональной подготовки курсантов военной академии состоит в поиске, отборе и внедрении в образовательную практику различных средств, необходимых для преобразования теоретических знаний студентов в «умные действия» и дальнейшее их применение с позиции категорий «рациональность», «эффективность», «технологичность», «валеологичность». По мнению В. Кавалерова, указанный подход допускает применение структурно-функционального анализа основных «инструментов», использующихся будущим специалистом на практике. Проникая в их структуру, студент будет получать дополнительную возможность для анализа причин успешности или неуспешности своих действий, то есть для самооценки [12, с. 489–494].

В то же время актуальность применения праксеологического подхода в профессиональном образовании подтверждается рядом современных исследований. Ученые посвящают свои теоретико-методологические поиски решению таких проблем:

- разработки праксеологических основ педагогической деятельности [19];
- обоснованию системно-праксеологического подхода к определению экономической сущности конкурентоспособности;
- рассмотрению праксеологического подхода к формированию способностей будущего учителя к профессионально-педагогической самооценки;
- толкования праксеологического подхода как основы в подготовке будущих специалистов;
- исследования принципов, структуры и закономерностей организации эффективной (рациональной) совместной деятельности преподавателей и студентов, направленной на повышение производительности учебного процесса на основе праксеологического подхода;
- исследования возможностей применения идей праксеологии в исследовательской деятельности студентов;
- обоснования принципов коллинеарности и взаимодополнения компетентностного и праксеологического подходов в теории и практике профессионального образования;
- для доказательства эффективности реализации праксеологического подхода в профессиональной подготовке будущих специалистов;
- конкретизации роли и места праксеологии в решении проблем повышения качества высшего военного образования.

Однако целенаправленные научные разработки, касаемые подготовки курсантов военной академии к профессиональной деятельности на основе реализации праксеологического подхода, отсутствуют, что подтверждает актуальность исследования. Поэтому праксеологический подход к организации профессиональной подготовки курсантов военной академии рассматривался нами как методология оптимизации деятельности субъектов образовательного процесса, предусматривающая общую стратегию рассмотрения успешной деятельности с позиций генерирования нового научно-профессионального знания (гносеологический аспект), изменения образовательной среды (процессуальный аспект) до-

стижения качества педагогического продукта (результативный аспект).

В то же время применение праксеологического подхода в подготовке курсантов военной академии требовало учета особенностей военно-педагогического процесса, который сейчас исследователи трактуют с одной стороны как организованную и целенаправленную учебно-воспитательную деятельность командиров и офицеров, связанную с обучением, воспитанием, физическим развитием и психологической подготовкой курсантов, а с другой — как деятельность курсантов по овладению военными знаниями, умениями и навыками, формированию у себя высоких морально-боевых качеств, развитию военно-профессионального мастерства и психологической готовности к успешному ведению боевых действий. К таким особенностям относятся:

- социальная значимость и комплексный характер конечной педагогической цели, вытекающей из конкретного заказа общества по подготовке будущих офицеров;
- специфика целей и задач, решаемых преподавателями в военно-педагогическом процессе и определяющимися необходимостью формирования у курсантов общечеловеческих, национально-государственных и личностных ценностей;
- разнообразие ролей преподавателя в военно-педагогическом процессе высшего военного учебного заведения, выполняющего функции педагога, воспитателя, организатора учебно-воспитательных мероприятий и занятий, руководителя познавательной деятельности, процессов самообразования, самовоспитания и перевоспитания курсантов;
- нетипичные объекты труда преподавателей вуза, каковыми есть личности будущих офицеров как активных участников военно-педагогического процесса;

– специфика средств и способов осуществления педагогической деятельности, которыми выступают грамотное, страстное, убедительное слово, культура и содержание речи, знания, методические умения и навыки, личные качества, образ жизни и поведения, стиль деятельности педагога;

– сложность оценки результатов педагогической деятельности, определяющихся качественными изменениями в психологическом, социальном, профессиональном развитии личности будущего военнослужащего.

ВЫВОДЫ

Праксеологический подход основывается на представлении о единстве личности и ее деятельности. Это единство проявляется в том, что деятельность влияет на изменения в структурах личности; личность, в свою очередь, осуществляет выбор адекватных видов и форм деятельности, отвечающих потребностям личностно-профессионального развития. Суть обучения с позиции праксеологического подхода заключается в том, что в центре внимания стоит не просто деятельность, а совместная эффективная деятельность курсантов с преподавателем в направлении достижения анонсированных профессионально ориентированных учебных целей и решения возникающих при этом задач. Оптимизация профессиональной подготовки курсантов военного вуза и ее организация на основе реализации праксеологического подхода предполагает взаимодействие субъектов образовательной практики, меняет механизмы ресурсного обеспечения этой деятельности и предусматривает новое качество получаемого (в результате образовательного процесса) продукта — готовности будущих офицеров к профессиональной деятельности.

Список литературы

1. Барабанщиков А. В. Военно-педагогическая диагностика/А. В. Барабанщиков, Н. И. Дерюгин. – М.: ВПА, 1995. – 108 с.
2. Науменко М. І. Управління якістю військової освіти: теорія, методологія, практика/М. І. Науменко, Ю. І. Приходько//Наука і оборона. – 2009. – № 1. – С. 40–50.
3. Ягупов В. В. Педагогічна техніка викладачів військово-спеціальних дисциплін [Електронний ресурс]/В. В. Ягупов, М. А. Кришталь//Вісник Національної академії Державної прикордонної служби України. – Садова Т. А. Праксеологічні засади професійно-педагогічної підготовки майбутніх вихователів до організації пізнавальної діяльності дітей/Т. А. Садова//Вісник Глухівського державного педагогічного університету. – 2010. – Вип. 16. – С. 23–27.
4. Льовкіна О. Г. Генезис праксеологічних ідей: історико-філософський контекст/О. Г. Льовкіна//Філософські обрії. – 2012. – Вип. 27. – С. 4–12.

5. Карпова В. В. Праксеологічний підхід до професійної підготовки майбутніх соціальних працівників / В. В. Карпова // Мова, культура та освіта: тези доповідей та повідомлень Всеукр. наук.-практ. конф. викладачів і студентів (м. Вінниця, 18 квітня 2013 р.). – Вінниця: ВНАУ, 2013. – С. 158–164.
6. Философский словарь / под ред. И. Т. Фролова. – 7-е изд., перераб. и доп. – М.: Республика, 2001. – 719 с.
7. Всемирная энциклопедия: философия / главн. науч. ред. и сост. А. А. Грицанов. – М.: АСТ, 2001. – 1312 с.
8. Монахова Л. Ю. Принципы коллинеарности и дополнительности: компетентностный и праксиологический подходы в теории и практике профессионального образования [Электронный ресурс] / Л. Ю. Монахова, В. С. Федотова // Гуманитарные научные исследования. – 2014. – № 5. – Режим доступа: <http://human.snauka.ru/2014/05/6613>
9. Марон А. Е. Педагогическая праксиология: структура знания и модели реализации в профессиональном обучении / А. Е. Марон, Л. Ю. Монахова, В. С. Федотова // Человек и образование. – 2012. – № 2. – С. 27–31.
10. Современный словарь по педагогике / сост. Е. С. Рапацевич. – Мн.: «Современное слово», 2001. – 928 с.
11. Кавалеров В. А. Іntenції педагогічної інноватики в дискурсі праксеології / В. А. Кавалеров // Гілея. Сер.: Історичні науки. Філософські науки. Політичні науки. – 2012. – Вип. 57 (№ 2). – С. 489–494.
12. Espinas A. Les Origines de la Technologie / A. Espinas. – Paris: F. Alcan, 1897. – 295 p.
13. Котарбинский Т. Задачи праксеологии. Избранные произведения / Тадеуш Котарбинский. – М.: Издательство иностранной литературы, 1963. – 912 с.
14. Котарбинский Т. Трактат о хорошей работе / Тадеуш Котарбинский; пер. с польск. – М.: «Экономика», 1975. – 271 с.
15. Слуцький Є. Визнання. Творча спадщина з погляду сучасності / Євген Слуцький; за ред. В. Д. Базилевича. – К.: Знання, 2007. – 919 с.
16. Мизес Л. фон. Человеческая деятельность: трактат по экономической теории / Л. фон Мизес. – Челябинск: Социум, 2005. – 878 с.
17. Ходаківський Є. І. Економіка та менеджмент праці (праксеологічний аспект): навч. посіб. / Є. І. Ходаківський, Ю. В. Богоявленська. – Житомир: ЖДТУ, 2004. – 378 с.
18. Колесникова И. А. Педагогическая праксеология: учеб. пособие для студ. высш. пед. учеб. завед. / И. А. Колесникова, Е. В. Титова. – М.: Изд. центр «Академия», 2005. – 256 с.
19. Алексеева Т. Б. Культурологический подход в современном образовании / Т. Б. Алексеева. – СПб.: Книжный дом, 2008. – 352 с.
20. Селевко Г. К. Энциклопедия образовательных технологий / Г. К. Селевко; в 2 т.; Т. 1. – М.: НИИ школьных техн., 2006. – 816 с.

Інформація об авторах

Шабалдак Андрей Викторович, начальник Центра обеспечения учебного процесса Военной академии (г. Одесса).

Военная академия (г. Одесса), Украина.

Адрес: 67570, Украина, обл. Одесская, р-н Коминтерновский, пгт Чорноморское, ул. Курортная, 2, кв. 56, тел. 093-521-54-34

E-mail: shabaldak@i.ua

ORCID: <http://orcid.org/0000-0002-3864-1546>

Philology

Филология

УДК 80

DOI: <http://dx.doi.org/10.20534/AJH-16-11.12-48-56>E. P. IVANJAN¹¹ Samara State University of Social Sciences and Education, Samara, Russia

LINGUOECOLOGY OF TEACHER'S SPEECH

Abstract

Objective: To characterize the specificity of linguoecology of evaluative statements of the teacher, taking into account the social and functional division of language modes.

Methods: descriptive, observation, questionnaires, data grouping, summarizing, definitional and contrastive-comparative.

Results: On the basis of the teacher's linguoecological evaluative statements the functions of such statements based on modes of the language have been characterized. It has been determined that during a violation of linguoecology not only institutional function, but also two other modes of the language become actual. At a low level of the teacher's professionalism the involution of evaluative means and communication "shift" to the common mode is being observed.

When "shift function" in teacher's evaluative statements the creative potential of the teacher with non-ecological estimates in the spiritual mode of language is being realized. The language game is carried by literalization of surnames or the names of the students, by the mean of eponymy, different kinds of phraseological units' deformation. In the institutional mode of language disorders in linguoecology of evaluative statements in teacher's speech is manifested in the evaluation of the teacher's cliches, which hampers recognition of non-ecological pedagogical statements. Linguoecological ambivalence manifests itself in a significant number of teacher's evaluative linguoecological statements, in such situations, the frequency is being represented by "natural" metaphor.

Scientific novelty: linguoecology/nonlinguoecology of teacher's speech in evaluative statements based on social and functional division of language modes is being characterized in the article for the first time.

Practical significance: the results and conclusions of the article can be used in the practice of pedagogical activity of the teacher in high school — during the formation of professional competence of the future teacher in the further development of linguoecological theory.

Keywords: linguoecology; linguoecological friendliness; language modes; euphemization; phraseological units' deformation; language game; onyms' literalization.

References

1. Haugen E. The Ecology of Language: essays by Einar Haugen. Selected and introduced by Anwar S. Dil. Stanford, California: Stanford University Press, 1972. 368 p. (in English).
2. Kostomarov V. G. Jazykovo vkus jepohi: iz nabljudenij za rechevoj praktikoj mass-media (Language taste of the era: from observing the practice of speech of the media). SPb: Zlatoust, 1999. 320 p. (in Russian).
3. Bernackaja A. A. Istoricheskie korni lingvojekologii v istorii filosofii // Filologicheskoe obrazovanie v rossijsko-evropejskom obrazovatel'nom prostranstve: sbornik statej Mezhdunarod. nauch.internet-konf., prohodivshej v ramkah goda i nauki i kul'tury Rossiya-ES, 10–12 apr. 2014 (The historical roots of linguoecology in the history

- of philosophy//Philological education in Russian-European educational space: the International collection of articles of the scientific internet conf., held in the framework of the Year of Culture and Science and the EU-Russia, 10–12 April. 2014), Surgut, 2014, pp. 98–102. (in Russian).
4. Sushhenko E. A. Slovar'-spravochnik lingvoekologicheskikh terminov i ponjatij (Linguoecological dictionary of terms and concepts), SPb, 2011, 424 p. (in Russian).
 5. Skovorodnikov A. P. K filosofskim osnovanijam jekolingvistiki (To philosophical grounds of Ecolinguistics), Ecology of language and communicative practice, 2014, № 2, pp. 140–161. (in Russian).
 6. Il'ina E. Ju. Jekolingvisticheskiy modus sobytijnosti v prostranstve massmedijnogo diskursa (Ecolinguistic eventness mode of discourse of the mass media in the space), Bulletin Volgogr. state. Univ. Ser. 2, Yazykozn, 2010, № 2 (12). Pp. 168–176. (in Russian).
 7. Kurashkina N. A. Istoki i puti razvitija jekolingvistiki (The origins and the development of Ecolinguistics), Scientific and methodical electronic journal "Concept", 2016, V. 15. Pp. 246–250. URL: <http://e-koncept.ru/2016/86950.htm>. (in Russian).
 8. Aktuganova S. A. Osnovnye napravlenija sovremennyh lingvoekologicheskikh issledovanij (The main directions of contemporary linguoecological researches), The new word in science: prospects: materials of IV International. scientific-practical. Conf. (Cheboksary, May 29, 2015), ed.: O. N. Shirokov, Cheboksary: CNS «Interactive plus», 2015. Pp. 253–255. (in Russian).
 9. Skovorodnikov A. P. K stanovleniju sistemy lingvoekologicheskoy terminologii (To linguoecological terminology system forming), Speech dialogue: Specialized Vestnik, Krasnoyarsk: Krasnoyarsk State University Press, 2000, Vol. 3. Pp. 70–78. (in Russian).
 10. Skovorodnikov A. P. Ob jekologii russkogo jazyka (On the ecology of the Russian language), Philological Sciences, 1992, № 2. Pp. 104–111. (in Russian).
 11. Semchuk E. V. Lingvoekologija kak mezhdisciplinarnaja nauka (Linguoecology as an interdisciplinary science), Young scientist, Kazan', 2014, № 4. Pp. 1233–1235. (in Russian).
 12. Jeticheskaja lingvoekologija cheloveka npravstvennogo. Monografija. (Ethical lingvoekologiya human moral. Monograph), Tyumen: Vector Book, 2012, 160 p. (in Russian).
 13. Polikarpov A. M. Jekologicheskie aspekty integrativnogo perevodovedenija (Environmental aspects of integrative translation)//Theory and history of the Germanic and Roman languages in a modern high school: Materials of the All-Russian Scient. Conference, Kaluga, 2013. Pp. 258–265. (in Russian).
 14. Jemotivnaja lingvoekologija v sovremennom kommunikativnom prostranstve. Monograf (Emotive lingvoekologiya in modern communicative space. Monograph), Volgograd: «Peremena» VGSPU, 2013, 450 p. (in Russian).
 15. Kamysheva S. Ju. Ocenka (Evaluation), Jefferktivnoe rechevoe obshhenie (bazovye kompetencii): slovar'-spravochnik (Effective verbal communication (basic competences): Dictionary Directory), Ed. A. P. Skovorodnikov. Krasnoyarsk: Sib. Feder. University Press, 2014. Pp. 386–388. (in Russian).
 16. Bernackaja A. A. Kategorija ocenocnosti kak lingvoekologicheskaja «zona riska» (Category of evaluativity as the linguoecological "risk zone"), Ecology of language and communicative practice, 2015, № 2. Pp. 224–241. (in Russian).
 17. Karasik V. I. Cennostnye parametry lingvoekologicheskogo obshhenija (Value linguoecological communication parameters)//Emotive lingvoekologiya in the modern communicative space. Monograph, Volgograd: «Peremena» VGSPU, 2013. Pp. 191–201. (in Russian).
 18. Vitgenshtejn L. S. Filosofskie issledovanija (Philosophical investigations), New in foreign linguistics, Moscow, 1985, Vol. 16. Linguistic grammar. Pp. 79–97. (in Russian).
 19. Russkaja razgovornaja rech' (Russian Speech), E. A. Zemskaja, M. V. Kitajgorodskaja, N. N. Rozanova, Moscow: Nauka, 1983. 277 p. (in Russian).
 20. Sannikov V. Z. Russkij jazyk v zerkale jazykovoj igry (Russian language in the mirror of the language game), Moscow: Jazyki slavyanskoy kul'tury, 2002. 552 p. (in Russian).
 21. Shahovskij V. I. Lingvisticheskaja teorija jemocij (Linguistic theory of emotions), Moscow: Gnozis, 2008. 414 p. (in Russian).

22. Gridina T. A. Jazykovaja igra kak lingvokreativnaja dejatel'nost' (Language game as a linguocreative activity) // Language. System. Personality. Language game as a lingvokreativnaya activities. Formation of linguistic personality in ontogenesis, Ekaterinburg, 2002. Pp. 26–27. (in Russian).
23. Ivanjan E. P., Kudlinskaja H., Nikitina I. N. Delikatnaja tema na raznyh jazykah. Monografija i slovar' jevfemizmov delikatnoj temy (Delicate topic in different languages. The book and dictionary of euphemisms on sensitive topic), ed. E. P. Ivanjan, Samara, 2012. 332 p. (in Russian).
24. Ivanjan E. P., Kudlinskaja-Stempen' H., Nikitina I. N. Bytovye jevfemizmy v russkom, pol'skom i anglijskom jazykah (na materiale jevfemizmov tualetnoj temy) (Domestic euphemisms in Russian, Polish and English (based on the theme of toilet euphemisms): monograph, ed. E. P. Ivanjan, Moscow: FLINTA: Nauka, 2013. 208 p. (in Russian).
25. Skovorodnikov A. P. K filosofskim osnovanijam predmetnoj oblasti jekolingvistiki (To the philosophical foundations of the subject area of ecolinguistics), Ecology of language and communicative practice, 2014, № 2. Pp. 140–161. (in Russian).

Information about the authors

Elena P. Ivanjan, Doctor of Philology, professor, Professor of the Chair of the Russian Language and Speech Culture, Samara State University of Social Sciences and Education, Samara, Russia

Address: 65/67 M. Gorkogo Str., 443099, Samara, Russia, tel.: +7 (846) 269-64-44

E-mail: elogs@rambler.ru

ORCID: <http://orcid.org/0000-0003-4782-0658>

Е. П. ИВАНЯН¹

¹ Самарский государственный социально-педагогический университет, г. Самара, Россия

ЛИНГВОЭКОЛОГИЯ ПЕДАГОГИЧЕСКОЙ РЕЧИ

Аннотация

Цель: охарактеризовать специфику лингвоэкологичности оценочных высказываний педагога с учетом социально-функционального деления языка на модулы.

Методы: описательный, наблюдения, анкетирования, группировки данных, обобщения, дефиниционный и сравнительно-сопоставительный.

Результаты: На основе изучения оценочных высказываний педагога на предмет лингвоэкологичности охарактеризованы функции подобных высказываний с учетом модусов языка. Определено, что при нарушении лингвоэкологичности актуализируются не только функции собственно институционального, но и двух других модусов языка. При низком уровне профессионализма педагога наблюдается инволюция средств оценивания и «сдвиг» коммуникации в бытовой модус. При «сдвиге функций» оценочных высказываний учителя в духовный модус языка реализуется креативный потенциал педагога с помощью неэкологических оценок. Языковая игра при этом осуществляется буквализацией фамилий или имен учащихся, приемом эпонимии, разными видами деформации фразеологизмов. В собственно институциональном модусе языка нарушения лингвоэкологичности оценочных высказываний в педагогической речи проявляются в оценочных штампах педагога, что затрудняет распознавание неэкологичности педагогического высказывания. Амбивалентность лингвоэкологичности проявляется в значительном количестве лингвоэкологических оценочных высказываний педагога, в таких ситуациях частотно представлены «природные» метафоры.

Научная новизна: в статье впервые характеризуется лингвоэкологичность/нелингвоэкологичность педагогической речи в оценочных высказываниях с учетом социально-функционального деления языка на модулы.

Практическая значимость: полученные результаты и выводы статьи могут быть применены в практике педагогической деятельности педагога, в вузе — при формировании профессиональных компетенций будущего учителя, в дальнейшей разработке теории лингвоэкологии.

Ключевые слова: лингвоэкология; лингвоэкологичность; модусы языка; эвфемизация; деформация фразеологизмов; языковая игра; буквализация онимов

1. ВВЕДЕНИЕ

Лингвоэкология как самостоятельное направление лингвистических исследований в зарубежной лингвистике формируется с последней четверти XX в. Э. Хауген ввел в научный оборот понятие «лингвистическая экология» («экология языка»), определяя ее как исследование взаимодействий между любым данным языком и его окружением (обществом), использующим этот язык как один из своих кодов [1, р. 325].

В России лингвистическая экология начала активно развиваться в 90-е годы XX в., в эпоху смены общественно-политической формации и изменения «языкового вкуса эпохи» [2].

В настоящее время в лингвистике активно формируется теоретико-методологическая основа изучения лингвоэкологии, её понятийный аппарат, формулируются основные постулаты, сопоставляются смежные направления [3; 4; 5]. Ученые отмечают, что общее поле эколингвистики еще не приобрело четких очертаний [6, с. 2; 7]. В настоящее время исследователи говорят о формировании экологического сознания в гуманитарных областях знания, ср. [8, с. 254].

В аспекте лингвоэкологии ученые исследуют «пути и способы обогащения языка и совершенствования системы этических и прагматических постулатов» [9, с. 70]. Под объектом лингвоэкологии понимается лингвистическая среда, среда существования и функционирования языка и языковая среда отдельного человека и социума [10, с. 110]. Основой для лингвоэкологии признается общая экология и экология культуры [11, с. 124]. Этическая лингвоэкология исследует внутренний мир участника общения, его психосферу [12, с. 13]. В начале XXI в. активно развиваются различные отрасли лингвоэкологии: юрислингвистики, переводоведения [13], педагогической лингвоэкологии [4]. Одним из разрабатываемых направлений является эмотивная лингвоэкология, решающая лингвоэкологические задачи сквозь призму эмотиологии [14].

2. ОСНОВНАЯ ЧАСТЬ

Предметом настоящего исследования является лингвоэкология педагогической речи. Работа выпол-

нена в русле эмотивной лингвоэкологии, в ней исследуются оценочные высказывания педагога. В целом в лингвистике оценка понимается как «универсальная языковая категория, выражающая положительное или отрицательное отношение говорящего к объекту действительности» [15, с. 386]. Современные лингвоэкологи называют категорию оценки «зоной риска», то есть топосом, где наиболее вероятны нарушения лингвоэкологичности, ср. с позицией А. А. Бернацкой [16, с. 225]. Для простоты описания в данной статье мы не обращаемся к понятию педагогического дискурса, не рассматриваем специфику речевых актов как минимальных единиц педагогического дискурса. Речь пойдет об экологических/неэкологических высказываниях педагогической речи. В течение 2014–2016 гг. мы осуществляли сбор примеров оценочных высказываний педагогической речи. Применялись диктофонные записи уроков, метод включенного наблюдения и анкетирование. Благодаря анкетированию, удалось расширить временные рамки исследования до 10 лет.

Опрос-анкетирование охватил около 1.700 информаторов из городов Самара, Тольятти, Сызрань, Кинель, Уральск, Москва и некоторых других, а также Самарской области. Картотека словоупотреблений жанра оценочных высказываний составила 1910 единиц. Учитывались как порицания, так и положительные оценки. Как показал анализ ситуаций, оценка педагога присутствует не только при необходимости охарактеризовать действия ученика (выполненную работу, ответ на уроке и т. п.), но и во многих других случаях.

Цель данной статьи — рассмотреть оценочные высказывания педагога на предмет лингвоэкологичности с учетом социально-функционального деления языка на модусы.

Согласно В. И. Карасику, существуют бытовой, институциональный и духовный модусы языка [17, с. 195]. Каждый из модусов располагает своим набором необходимых функций. Так, первично представленный бытовой модус ориентирован на неформальное общение, семью, межличностные отношения и проч.; соответственно его функции: воздействия, поддер-

жания эмоционального контакта, обеспечения сим-практического поведения («делай, как я, по образцу-примеру!»). Институциональный модус бытования языка обслуживает социально параметризованное общение; это общение в различных институтах социума — в политической, военной, образовательной, медицинской, научной, массово-информационной и т. д. системах. Для этого модуса характерно профессиональное общение: общение профессионала с коллегами и непрофессионалами. Функции институциональной коммуникации — это выполнение ритуалов, организационная презентация и обмен информацией. Наконец, духовный модус реализует потребность коммуниканта в самореализации, самопознании, осуществлении своего креативного начала. Способ репрезентации данного модуса — дневники, лирические тексты, часто представлена письменная форма манифестации языка. Функции духовного модуса — самовыражение, креативность, самопонимание [17, с. 196].

Для каждого из вышеназванных модусов языка В. И. Карасик определяет свои типовые «угрозы языку». Для бытового модуса — это 1) инволюция языковых средств выражения и 2) нарастание языковой нетерпимости, агрессии. Для институционального — угрозой лингвоэкологии являются 1) развитие речевых штампов, формализация общения в данном модусе, 2) формальная, вербально выраженная поддержка руководства со стороны подчиненных в институциональном общении. В духовном модусе существования языка так же наблюдаются деформации лингвоэкологичности, они проявляются в замене функций самовыражения, креативности и самопонимания на имитацию и конструирование имиджа говорящего (например, в жанре блога в «Живом Журнале»).

Что касается нашего материала педагогической речи, то он относится к модусу институциональной коммуникации. В образовательной среде педагог (профессионал) осуществляет обучающую коммуникацию с учащимися (непрофессионалами). Важной составляющей такого общения является необходимость так или иначе оценивать деятельность обучающихся.

2.1. «Сдвиг» в бытовой модус языка

Как показал анализ собранного нами материала, при нарушениях лингвоэкологичности педагогической речи наблюдается подмена функций институционального модуса языка на функции бытового модуса.

При недостаточном профессионализме или отсутствии профессионализма проявляются 1) инволюция языковых средств педагогического оценивания, например: [Начинающий учитель ученику, который неправильно решил задачу] — *Ну ты чо, ты вообще, что ли?!!*; 2) нарастание языковой агрессии в педагогической речи, например:

— *Видеть вас не могу!*;

— *«Закройте рты», — я сказала!*

Причины возникновения неэкологичности педагогической речи, которая обнаруживается в подмене институциональных функций на инволютивные функции бытового модуса языка, видим в низком уровне профессиональной компетенции учителя, а также в психологическом факторе. Дело в том, что учитель в профессиональной деятельности достаточно часто обязан обеспечивать симпрактическое обучение. Последнее, согласно мнению В. И. Карасика, провоцирует в бытовом модусе существования языка свертывание развития, то есть инволюцию языковых средств выражения [17].

2.2. «Сдвиг» в духовный модус языка

В институциональном модусе существования языка (педагогической речи) наблюдаем не только подмену функций на сходные в бытовом модусе, но и подмену на функции, свойственные языковым средствам духовного модуса. Записи педагогической речи составляют значительное количество (около 47% от собранного нами языкового материала) неэкологичных оцениваний, в которых задействуется креативный потенциал отправителя речи — преподавателя/учителя.

Переход по функциям из институционального модуса в духовный модус в целях самовыражения и креативности объясняется рядом факторов: 1) тем, что учитель значительное количество времени проводит в школе, школа — его второй дом, здесь и «остается» ему самореализовываться, 2) значительной распространенностью того, что учитель может пошутить, «повеселиться», 3) некоторой кодифицированностью учительского псевдоюмора. При подмене функций оценочных высказываний педагога на функции духовного модуса языка говорящий часто применяет приемы языковой игры.

2.3. Приемы языковой игры

Из многообразия определений языковой игры [18, с. 79; 19, с. 172–173; 20, с. 15; 21, с. 367] мы разделяем точку зрения на это понятие Т. А. Гридиной. Ученый определяет языковую игру как особую фор-

му лингвокреативной деятельности, нарушающей языковой канон. При этом имеет место стремление коммуникантов «к обнаружению собственной компетенции в реализации языковых возможностей — при понимании условности совершаемых речевых ходов, но в то же время рассчитанных на «опознание» реципиентом негласно принятых правил (игрового кода) общения». Названная особая форма лингвокреативной деятельности отражает парадокс между стандартной формой и/или значением знака и новой ассоциативной обработкой того или иного вида языкового знания [22, с. 26].

Так, к нарушениям лингвоэкологичности в педагогической речи относятся факты языковой игры, которая основана на буквализации фамилий или имен учащихся, например:

— Ну, **Козлов**, опять ты безобразничаешь и оправдываешь свою фамилию — **Козловых!** (Самарская обл., 2015 г. Учителю 45 л.);

— **Сухов** здесь? А **Мокров** где? (Самара, 2014. Учитель математики. 37 л.);

— **Птицына**, пересядь от **Жаркова**, а то тебе жарко, наверное (Самара, 2014. Учитель математики. 37 л.).

Иногда языковая игра учителя строится на приеме паронимической аттракции и апеллирует к соматизмам, например девочку с большой грудью и фамилией **Рыскина** учитель называет **Рыськина** (г. Самара, 2012. Учитель математики). Таким образом актуализируются ассоциации со сниженными лексемами типа *сиськи, титьки*.

Заметим, что если языковая игра апеллирует к соматизму, то это, как правило, нарушение лингвоэкологичности, например:

[Ученик 5-го класса сел на свою парту. Учитель делает замечание:] — **Окорок с парты убери** (Самарская обл. г. Кинель. Учительница русского языка, 60 л.).

Даже если оценочное высказывание учителя построено по «канонам» эвфемизма, см. [23, с. 81], например, при помощи перифразы с отрицанием, всё же в педагогической речи это является нарушением лингвоэкологичности высказывания:

— **Ты не самое удачное «чадо» у своих родителей** (Самарская обл. г. Кинель. Учительница русского языка, 60 л.).

Неэкологичность фразеологизмов, которые подверглись в педагогической речи деформации с целью эвфемизации [24], так же сохраняется, например:

[Ученик написал домашнюю работу не в тетради, а на листочке] — **Можешь этим листочком подтереть себе одно место** (Самарская обл. г. Кинель. Учительница русского языка, 60 л.).

Попутно заметим, что высокой степенью неэкологичности обладают различные деформации фразеологизмов всегда, когда они нарушают социально заданные табу. Таков пример нарушения табу в области теологии:

[Учитель ученику, испачканному мелом] — **Изыди, нечистый!** (Чапаевск, 2016. Учитель физики, 48 л.).

Деформация фразеологизма основана на его переосмыслении, заключается в буквализации значения компонента фразеологизма *нечистый*, то есть 'испачканный' на месте эвфемистического обозначения нечистой силы, представителя демонологии.

Неэкологичность языковой игры учителя допускают и в отношении имен учащихся, например:

— **Кто ответит? Алия? Али ты? Извини, я не хотел обидеть, не удержался** (Самарская обл., Челно-Вершины, 2011. Учитель обществознания, 46 л.).

На грани допустимого и нарушения находится следующий пример, содержащий языковую игру на именах школьников:

[Две Маши сидели на одном ряду и разговаривали во время урока] **Сейчас *Марьяна роца* пойдет шелестеть в коридор!** (Самарская обл., Похвистнево, 2010. Учительница алгебры, 59 л.).

Сравним с примером нарушения лингвоэкологичности в оценочном высказывании учителя:

— **Не класс, а *дубовая роца!***

На грани допустимого и нарушения лингвоэкологичности являются шуточные номинации по функции в следующих примерах:

[11 класс занимается своими делами, но не физикой] — **Товарищи *бездельники!*** (Учитель физики, Самарская обл., 70 л.);

— **Двое *болтунов* на последней парте! Сколько будет 9 умножить на 8?** (Самарская обл. с. Челно-Вершины, 5 кл. 2005 г. Учитель 44 года).

2.4. Нарушения лингвоэкологичности в институциональном модусе языка

Как показал наш материал, нарушения лингвоэкологичности в оценочных высказываниях педагогов имеют место и в собственно институциональном модусе языка, в ситуациях, при которых не происходит перенос по функциям в другие модусы (бытовой и духовный). В подобных случаях наблюдается клишированность

в оценках педагогической речи, недобрая традиция, при которой из поколения в поколение передаются неэкологичные педагогические оценки, например:

[О плохом почерке ученика] — *Пишешь как курица лапой!*;

[Порицание за безделье ученика] — *Штаны (зря) протираешь/просиживаешь!*;

[О слишком медленном ответе или замедленном поведении ученика] — *Лебедь умирающая!*

Мы разделяем точку зрения А. П. Сковородникова на оценочную амбивалентность [25, с. 146], одно и то же явление может восприниматься коммуникантами позитивно или негативно. Назначение лингвоэкологии видим не только в констатации негативных оценок в процессе коммуникации, но и в выявлении положительных примеров. Так, языковая игра с фамилией допустима, если вектор шутки направлен не на личность ученика, а, например, на самого учителя. Таков пример, в котором учительница с фамилией *Боброва* шутливо называла своих учеников *бобрами* (Самара, учитель русского языка). Приведенный пример основан на апелляции. В нашем материале представлены и примеры эпонимии (об эпонимии подробнее [23, с. 115–123]), это окказиональные употребления имени собственного на основе метонимии или метафоры, например:

[Приехавшего из столицы восьмиклассника учительница называла *Москвой*, когда он выходил к доске, она произносила прецедентное высказывание:] — *Говорит и показывает Москва!* (Самара, учительница обществознания).

Во многих примерах языковая игра учителя неэкологична и вредна особенно тем, что учитель занимает социально доминирующее положение, его слова и поведение воспринимаются образцами для подражания, авторитетны. В результате этого эмоциональные оценки учителя нередко становятся прецедентом возникновения прозвища у ученика, например:

[На уроке русского языка от существительного в форме множественного числа образовывали форму единственного числа. Ученица ответила:] — *Жерди — жердя*.

[Учитель:] — *Это ты «жердя», а правильно «жердь»!* (Сызрань. Учитель русского языка).

Прозвище закрепилось за девочкой, смотрите также:

[О девочке со светлыми кудрявыми волосами] — *Смотрю на твою голову и вспоминаю «Роллтон»* (То-

льятти, 2009, учитель информатики). «Роллтон» — это торговая марка лапши быстрого приготовления (светлой и «кудрявой» по форме). Прозвище закрепилось за ученицей.

Из различных видов языковой игры самым не деструктивным в речи педагога можно признать антифразис, употребление положительной оценки на месте отрицательной, например:

[Об ученике, который хуже всех учится из-за лени] — *А сейчас прошу внимания! Отвечает звезда программы!* (Самарская обл. С. Старое Семейкино. Учитель русского языка).

Сравним:

[В переносном смысле об отсутствии поднятых для ответа рук; так как ученики не знают ответа на вопрос] — *Лес рук!* (Самарская обл. г. Кинель. Учитель истории, 55 л.).

2.5. Лингвоэкологичные оценочные высказывания

Как показал анализ, обращения часто свидетельствуют о том, что речь учителя в коммуникации ориентирована на формирование положительной атмосферы общения, содержит положительные оценки. Таким образом, назначение лингвоэкологии не только в констатации негативных процессов в русской речи, но и в выявлении положительных примеров, а также в определении путей оптимизации русского дискурса. В тематической группе «обращения к ученикам» собранного нами материала представлены положительные метафорические номинации:

— *Золото мое!*;

— *Золото, а не ребенок!*;

[В положительном смысле] — *Детки-конфетки!* (Самарская обл., г. Кинель. Учитель начальных классов, 35 л.);

[Обращение к ученице, которая помогала делать на доске записи] — *Коллега!* (Самарская обл., Клявино).

Лингвоэкологичными являются обращения к ученикам на основе «природных» метафор, в которых объектом сравнения является природа, например:

[О стройных фигурах учениц] — *Осинушки мои, березки!* (Самарская обл. Старое Семейкино, 2009, Учительница, 48 лет);

[В положительном смысле] — *Капельки мои!* (Самара, 2014, учитель истории, 50 л.);

Зооморфные метафоры употребляются в положительном смысле, если объект сравнения относится

к птицам (миру горного в мифопоэтической модели мира), лексема сопровождается диминутивным суффиксом или словом-маркером первого эгоцентрического круга (*мой*), например:

— *Орлы, быстро подняли стулья за дамами!* (Самара, 2008. Учитель физики, 54 г.);

— *Зайцы мои, сегодня пишем контрольную. И никаких «но»!* (Тольятти, 2010. Учитель химии, 63 г.);

— *Рыбоньки мои, откройте учебник* (Самара, 2015. Учитель русского языка, 48 л.).

3. РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

1. Осуществленный нами анализ оценочных высказываний педагога на предмет лингвоэкологичности с учетом трех модусов языка (бытового, институционального и духовного) дал следующие результаты. Как оказалось, оценочные высказывания педагогической речи способны выполнять не только функции собственно институционального модуса языка, к которому педагогическая речь относится по определению, но и функции двух других модусов. При низком уровне или отсутствии профессионализма педагога наблюдается инволюция средств выражения оценки, что всегда коррелирует с неэкологичностью оценочного высказывания. «Сдвиг функций» оценочных высказываний педагога в бытовой модус языка объясняется помимо вышесказанного и тем фактом, что в ряде ситуаций педагог вынужден осуществлять симпрактическое обучение («делай так», «повторяй за мной так...»), что способствует некоторому упрощению средств коммуникации.

2. «Сдвиг функций» оценочных высказываний учителя в духовный модус языка актуализирует другие «угрозы языку»: креативный потенциал педагога реализуется с помощью неэкологичных оценочных высказываний. Учитель значительное время нахо-

дится в школе, потребность реализовать креативные возможности находит выход в форме псевдоюмора. Языковая игра осуществляется буквализацией фамилий или имен учащихся, приемом эпонимии, разными видами деформации фразеологизмов, в частности эвфемистической деформацией. Наиболее неэкологичными следует признать деформации фразеологизмов, нарушающие установленные обществом табу.

3. В собственно институциональном модусе языка нарушения лингвоэкологичности оценочных высказываний в педагогической речи проявляется в закрепленных недоброй традицией педагогических штампах. Клишированность и негласная кодифицированность подобных фразеологизмов затушевывают неэкологичность данных языковых единиц. Нередко учителя не осознают неэкологичный характер своих оценочных высказываний.

4. Амбивалентность лингвоэкологичности проявляется в факте значительного количества лингвоэкологичных оценочных высказываний педагога, при этом в речи учителя частотно представлены «природные» метафоры.

4. ВЫВООДЫ

Осуществленное нами исследование оценочных высказываний педагогической речи показало, что институт учительства представлен мобильными и креативными личностями, активно участвующими в процессе обучения, испытывающими потребность в реализации креативной составляющей своей личности. Полученные результаты нарушений лингвоэкологичности оценочных высказываний будут актуальны в практике педагогической деятельности, а также в вузе при формировании профессиональных компетенций будущих учителей, поскольку обучение охватывает значительную и демографически значимую часть социума.

Список литературы

1. Haugen E. The Ecology of Language: essays by Einar Haugen. Selected and introduced by Anwar S. Dil. Stanford, California: Stanford University Press, 1972. 368 p.
2. Костомаров В. Г. Языковой вкус эпохи: из наблюдений за речевой практикой масс-медиа. СПб: Златоуст, 1999. 320 с.
3. Бернацкая А. А. Исторические корни лингвоэкологии в истории философии // Филологическое образование в российско-европейском образовательном пространстве: сборник статей Междунаро. науч. интернет-конф., проходившей в рамках года и науки и культуры Россия-ЕС, 10–12 апр. 2014. – Сургут, 2014. – С. 98–102.
4. Сущенко Е. А. Словарь-справочник лингвоэкологических терминов и понятий. СПб, 2011. 424 с.

5. Сковородников А. П. К философским основаниям эколоингвистики // Экология языка и коммуникативная практика. 2014. № 2. С. 140–161.
6. Ильинова Е. Ю. Эколоингвистический модус событийности в пространстве массмедийного дискурса // Вестник Волгогр. гос. ун-та. Сер. 2, Языкозн. 2010. № 2 (12). С. 168–176.
7. Курашкина Н. А. Истоки и пути развития эколоингвистики // Научно-методический электронный журнал «Концепт». 2016. Т. 15. С. 246–250. URL: <http://e-koncept.ru/2016/86950.htm>.
8. Актуганова С. А. Основные направления современных лингвоэкологических исследований // Новое слово в науке: перспективы развития: материалы IV Междунар. науч.–практ. конф. (Чебоксары, 29 мая 2015 г.) / редкол.: О. Н. Широков. Чебоксары: ЦНС «Интерактив плюс», 2015. С. 253–255.
9. Сковородников А. П. К становлению системы лингвоэкологической терминологии // Речевое общение: Специализир. вестник. Красноярск: Красноярск. гос. ун-т, 2000. Вып. 3. С. 70–78.
10. Сковородников А. П. Об экологии русского языка // Филологические науки. 1992. № 2. С. 104–111.
11. Семчук Е. В. Лингвоэкология как междисциплинарная наука // Молодой ученый. Казань, 2014. № 4. С. 1233–1235.
12. Этическая лингвоэкология человека нравственного. Монография. Тюмень: Вектор Бук, 2012. 160 с.
13. Поликарпов А. М. Экологические аспекты интегративного переводоведения // Теория и история германских и романских языков в современной высшей школе: Мат-лы Всероссийск. научно-практ. конференции. Калуга, 2013. С. 258–265.
14. Эмотивная лингвоэкология в современном коммуникативном пространстве. Монограф. Волгоград: Изд-во «Перемена» ВГСПУ, 2013. 450 с.
15. Камышева С. Ю. Оценка // Эффективное речевое общение (базовые компетенции): словарь-справочник / Под ред. А. П. Сковородникова. Красноярск: Сиб. федер. ун-т, 2014. С. 386–388.
16. Бернацкая А. А. Категория оценочности как лингвоэкологическая «зона риска» // Экология языка и коммуникативная практика. 2015. № 2. С. 224–241.
17. Карасик В. И. Ценностные параметры лингвоэкологического общения // Эмотивная лингвоэкология в современном коммуникативном пространстве. Монограф. Волгоград: Изд-во «Перемена» ВГСПУ, 2013. С. 191–201.
18. Витгенштейн Л. С. Философские исследования // Новое в зарубежной лингвистике. М., 1985. Вып. 16. Лингвистическая грамматика. С. 79–97.
19. Русская разговорная речь / Е. А. Земская, М. В. Китайгородская, Н. Н. Розанова. М.: Наука, 1983. 277 с.
20. Санников В. З. Русский язык в зеркале языковой игры. М.: Языки славянской культуры, 2002. 552 с.
21. Шаховский В. И. Лингвистическая теория эмоций. М.: Гнозис, 2008. 414 с.
22. Гридина Т. А. Языковая игра как лингвокреативная деятельность // Язык. Система. Личность. Языковая игра как лингвокреативная деятельность. Формирование языковой личности в онтогенезе. Екатеринбург, 2002. С. 26–27.
23. Иванян Е. П., Кудлинская Х., Никитина И. Н. Деликатная тема на разных языках. Монография и словарь эвфемизмов деликатной темы / Под общ. ред. Е. П. Иванян. Самара, 2012. 332 с.
24. Иванян Е. П., Кудлинская-Стемпень Х., Никитина И. Н. Бытовые эвфемизмы в русском, польском и английском языках (на материале эвфемизмов туалетной темы): монография под общ. ред. Е. П. Иванян. М.: ФЛИНТА: Наука, 2013. 208 с.
25. Сковородников А. П. К философским основаниям предметной области эколоингвистики // Экология языка и коммуникативная практика. 2014. № 2. С. 140–161.

Информация об авторе

Иванян Елена Павловна, доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры русского языка, культуры речи и методики их преподавания,
Самарский государственный социально-педагогический университет
Адрес: 443099, г. Самара, ул. Максима Горького, 65/67, тел.: +7 (846) 269-64-44
E-mail: elogos@rambler.ru
ORCID: <http://orcid.org/0000-0003-4782-0658>

Economics

Экономика

УДК 378.1

DOI: <http://dx.doi.org/10.20534/AJH-16-11.12-57-62>A. Yu. ALEKSANDROV¹¹ *Chuvash State University named after I.N. Ulyanov*

“Educational space” as economic and social categories of research

Abstract

Objective: to examine different interpretations of the definition “educational space”, to classify these interpretations according to the criterion of objectness of the study.

Methods: a systematic approach based on general scientific methods of empirical and theoretical research, such as comparison, analysis and synthesis, induction and deduction.

Results: in this study we explored the concept “educational space” as economic and social categories. Identified the role of educational space in development of economic and social processes in society; revealed the main characteristics of definitions of educational space by grouping categories.

Scientific novelty: proposed the four-factor classification of the concepts of educational space according to the criterion of objectness of the study; presented the scheme of interrelation between the concepts of educational space according to the criterion of objectness.

Practical relevance: fundamental propositions and conclusions of the article can be used for further theoretical analysis of “educational space” with respect to the subject of its classification.

Key words: educational space, economic and social categories, classification, characteristics, scheme.

In modern conditions of civilization development, the concept “educational space” is an important characteristic of economic processes. It has become popular along with such concepts as “production space”, “social space”, “informational space”, “cultural space”, “biological space” and etc.

Now the concept “educational space” has a variety of interpretations and is widely used in scientific researches and developments of humanitarian direction. Educational space is a socio-economic and cultural-psychological phenomenon, in which the multifaceted and multidimensional relations are manifested, the body of knowledge is established which allows to create a new economic and social environment and which is characterized by high communicative ability, stability and mobility.

The diversity of existing formulations of educational space in domestic and foreign literature can be conditionally classified into four groups according to the crite-

riion of objectness of the study (Fig. 1). The parameters of educational space development will depend on the initial conditions of formation. Spaces of the subject, object, structure and system will act as such bifurcation points (subjects of research).

The appropriate educational space (Fig. 1) exists in the environment, which defines the model of its development. Elementary educational space is space of the subject, and the most complex one is space of the system. Therefore, it is possible to single out the development dynamics (levels) of the educational space (Fig. 1), where the next stage of development will include parameters of the previous levels in one form or another.

The first level of the educational space — space of the subject — objective reality of the person (Fig. 1), around whom the environment is structured through problematization of natural existence, where the individual makes choice and interacts with the environment. A person

forms educational space, constructs it through his own objective reality and conveys his meanings.

The concept “educational space” as space of the subject is revealed in works of Yu. V. Senko, R. E. Ponomarev, F. T. Mikhaylov, M. N. Akhmetova, I. G. Shendrik, I. D. Frumin, N. M. Borytko, V. A. Kastornova, D. E. Zhiltsov, S. V. Krivykh and others.

According to Senko Yu. V., the educational space means the totality of human interactions, in which direct participants of the educational process, who are living people, reveal meanings of the education and implement them in the future, as exactly the training has brought them with each other [16]. Thus, the educational space is formed around specific real people, where certain spatial and temporal relationships occur.

According to Mikhailov F. T., the concept “educational space” is transformed into space of real-ideal culture [12], formed by one-type social community of people as the main human condition of their social life, where representatives of different generations enrich their own culture during interaction with each other.

Akhmetova M. N. interprets the concept “educational space” through prism of regional characteristics of the society’s development. In the author’s opinion, “educational space” is a form of translation of the gathered experience from generation to generation, conditioned by subjective activity of information distributor and recipient, and determined by regional socio-cultural characteristics [2].

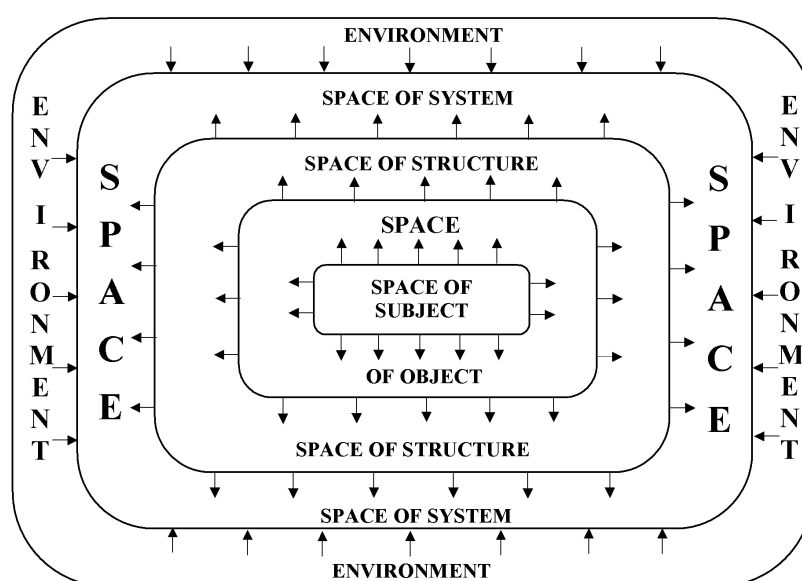

Figure 1. The scheme of interrelation between the concepts of educational space according to the criterion of objectness

Shendrik, I. G. proves that professional development of a person (subject) is feasible only in conditions of constant progressive changes of his personal qualities, which are manifested in the integral unity of potential, current and realized objectives of the activity and the means for their achievement in a particular educational space of the subject [22]. Thus, educational space reflects the character of manifestation of personality as form of his/her constant development.

According to Borytko N. M., educational space means superposition of two isolated spaces, such as educational and subjective. In the author’s opinion, educational space forms the personality becoming system as a form of human perception of the environment in conditions of general self-development, and the subjective space — the

system of procedural work on oneself, constant efforts in order to preserve one’s own positive identity [4]. Thus, the subjective space plays a great role as the source of human development in the educational space.

According to Zhiltsov D. E., the educational space is completely associated with the concept of human space and serves as a tool of opposition to dehumanization [8]. The author notes that educational space, in fact, is a set of elementary manifestations of such factors as common standards of education, common basic training programs, common methodological literature for educational institutions, common rules of behavior, common requirements for conditions of education and training, common language of tuition, etc., which determine development of a person in a particular space.

According to Krivkykh S. V., “educational space” means the sphere of social activity, where “a purposeful socio-cultural reproduction of a person, formation and development of his personality, individuality take place” [9]. In the author’s opinion, educational space acts as a kind of potentiality, possibility for development of the society, where socio-spiritual, intellectual and economic potential is formed and human capital is cultivated.

Thus, the educational space within space of the subject is a part of the environment at the subjective level, i. e. at the level of interaction of an individual (person) with a system of spatial units (economic, social, production, etc.), where a great deal of bilateral and multilateral relationships are created concerning development of a person and his/her socialization in different subsystems.

The second level of the educational space — space of the object (Fig. 1) — representation of the educational space as a set of elements of the educational process, as a complex evolving system, a dynamic unity of which components forms a structured diversity.

The concept of educational space as space of the object is revealed in works of P. Bourdieu, A. A. Tsucker, S. G. Alekseyev, T. A. Fomina and others.

Bourdieu P. paid special attention to study of social space, in terms of which he mentioned for the first time in his works the concept “educational space” as a social subspace. According to the author, social space is “abstract space, constituted by the ensemble of subspaces or fields (economic field, intellectual field, etc.) that owe their structure to unequal distribution of certain types of the capital ...” [5]. Thus, the certain symbolic relationships between pupil and mentor occur in social space, which reflect the structure of certain social positions, what ultimately represents the educational space.

A. A. Tsucker associates the educational space with a space where any person makes progress in his own education as a necessary condition of existence. The author notes further that the criteria for identification or generation of the appropriate space is limitedness of the certain territory with a simultaneous designation of some homogeneous quality, evenly distributed inside the drawn boundaries, the presence of which differentiates this space from all others [20].

Alekseev S. G., regarding the concept of space as a philosophical category, determines that the educational space has the spatial-temporal field of functioning and development of the educational system as the open and active social sphere [1]. The author notes

that this space is characterized by its unique ideology of personality formation, which takes into account the diversity of environmental conditions, such as economic, demographic, natural-climatic, ecological, political, etc., and customers’ requirements. Ultimate goal of existence of the educational space is realization of educational services by educational institutions as a mechanism for increase of the society’s intellectual potential.

Thus, educational space within the space of an object is an elemental representation of the educational environment, where there are its own scheme of the object and object description, which allow to interpret the educational space as a kind of structural formation in the environment. Therefore, there is a need for detalization of description of the educational space as a structure.

The third level of the educational space — space of the structure (Fig. 1) — a representation of the educational space as a set of stable relations of the object that ensure the stability and preservation of its basic properties under various external and internal changes. Presence of the structure already defines the boundaries of educational space and makes it more integral.

The concept of educational space as structural space of the object is revealed in works of M. Ya. Vilen-sky, Ye. V. Mishcheryakova, V. I. Ginetsinsky, V. A. Koz-yrev, Yu. S. Manuylov, N. M. Stadnik, G. A. Ferapontov, B. L. Vulfson, V. M. Stepanov, T. F. Borisova, V. V. Chekmarev, E. K. Samerkhanova, V. F. Treshchalin, Yu. E. Shabalin, B. P. Chernik and other authors.

Ginetsinsky V. I. considers in his work the problem of structuralization of the educational space [7]. The author defines that structuredness of the educational space must be considered from the viewpoint of systematic approach, for which purpose he introduces classification characteristics in order to estimate the quality of educational systems, but marginalizes genesis and evolution of systemic properties of the educational space.

Stadnik N. M. regards the educational space as a set of environment and social infrastructure, crucial objectives of training, education and development of young generation in society [17]. In the author’s opinion, the designed common educational space is a network of educational institutions of different levels, which interact among themselves and the environment, forming the educational process necessary for the society.

Ferapontov G. A., studying the concept of educational space, focuses on its environmental component — structure in which there are elements that allow to build

the necessary educational organized environment, where the personality is developed and transformed under the influence of spiritual and cultural space [18].

T. F. Borisova thinks that educational space is the process of interaction of an individual with the educational environment and educational institutions as structures of the space, which ensure his self-development, self-realization, effective positioning in society within the framework of really existing space-time continuum of functioning of certain relations [3].

Samerkhanova E. K. indicates that the educational space is a subspace of a broader social space and represents an educational continuum as a set of systematic, procedural, resource-based, spiritual and informational components that form its integrity, ensure integrativeness of processes, which are manifested at all levels and affect all components of the space [15]. As the author notes, within the educational space the continuity of the educational process is ensured in all its forms and components.

Shabalin Yu. E. explores the formation of regional educational space and identifies the factors that influence its effectiveness, such as economic development, income level, climatic and geographic conditions, financial status, structure of population, educational needs, cultural traditions and preferences of the region. The author notes that these factors determine the preferable educational programs, the ratio of state and private educational institutions, their location and types, methods of assessment and quality level of training in the region [21], etc.

Thus, the educational space in terms of structural properties is a set of subjects and objects of the educational environment, which interact among themselves and with the environment, form the specific structure of educational processes, oriented on meeting the demands of consumers of educational service and its derivatives. Such definition requires in study of educational space the use of methods and tools of system approach as a powerful methodology of scientific cognition.

The fourth level of the educational space — space of the system (Fig. 1) — is a representation of the educational space as a set of interrelated structured objects, subjects of education, which have the supreme purpose and are aimed at meeting the requirements of the external environment, first of all economic and social development of the society [14].

The concept “educational space” as the system space is revealed in works of I. V. Melik-Gaykazyan, I. V. Shuma-

kova, T. V. Kruzhilina, N. V. Nalivayko, V. I. Parshikov, Gerasimov G. I., Pavlenko L. N., Ye. N. Fedina and other authors.

Melik-Gaykazyan I. V., exploring the educational space as a system, sets the objective to find its boundaries in terms of information-synergetic approach. For this reason, under the educational space the author means an area of the environment with clear boundaries, where interaction of subjects with educational institutions takes place within realization of the educational phenomenon [11]. Thus, the specific educational space, having its own boundaries, is separated and distinguished from other educational systems through initial settings, purposes of existence, traditions, configurations, etc.

Kruzhilina T. V., exploring the concept “educational space”, gives a quite broad definition, which in terms of the system approach reveals the essence of integrative character of education. According to the author, educational space is a part of the environment (space), in which educational processes are implemented as chains of interconnected events, characterized by creativeness and integrity [10].

Nalivaiko N. V. and Parshikov V. I. explore the educational space from the viewpoint of such properties as integrity, unity, emergence, hierarchical pattern, synergy, i. e. within the category of system. According to the authors, the educational space is an integral system with its connections and relations [13].

According to G. I. Gerasimov and L. N. Pavlenko, the educational space emerges, develops and improves within a particular educational system [6]. Consistency of the educational space as a set of interrelated, interdependent subsystems presupposes its transparency, expediency and integrity.

Educational space as a system includes elements of all previous levels, presupposes a clear structural interrelation both within the system and with elements of the external environment, what allows us to define its development strategy in terms of economic and social processes that arose in society [19]. From viewpoint of system characteristics, the educational space can predict the future parameters of its sustainable functioning and to determine the points of effective contact with the environment.

Thus, diversity of existing interpretations of the category “educational space” dictates the need to conduct a theoretical analysis on the subject of its classification. Wide semantic connotations due to a relative novelty

define this concept as a specific area of social relations. General analysis of some part of the definitions indicates that educational space has its own hierarchy and structure, which ensure the performance of certain functions.

For example, solution of socio-economic objectives of the region's development serves as such a function, what gives the concerned subjects free access to education, science and technologies.

References

1. Alekseyev S. G. Chto takoye obrazovatelnoye prostranstvo? // *Obrazovaniye Omskoy oblasti*. 2005. – № 03 (06). – S. 32–36.
2. Akhmetova M. N. Obrazovatel'naya sreda i obrazovatelnoye prostranstvo: obshcheye, osobennoye, individualnoye // *Sibirsky pedagogichesky zhurnal*. – 2006. – № 5. – S. 30–36.
3. Borisova T. F. Obrazovatelnoye prostranstvo kak faktor sotsialnogo vospitaniya shkolnikov: Diss. kand. ped. nauk. – M., 1999. – 204 s.
4. Borytko N. M. Pedagog v prostranstvakh sovremennogo vospitaniya. – Volgograd: Peremena, 2001. – 214 s.
5. Bourdieu P. Fizicheskoye i sotsialnoye prostranstvo: proniknoveniye i prisvoyeniye // [Elektron. resurs]. Rezhim dostupa: <http://gtmarket.ru/laboratory/expertize/3053>.
6. Gerasimov G. I., Pavlenko L. N. Kulturno-obrazovatelnoye prostranstvo: sushchnost i realii stanovleniya (sotsialno-filosofsky analiz). – Rostov n/D: Izd-vo RGPU, 2003. – 112 s.
7. Ginetsinsky V. I. Problema strukturirovaniya obrazovatel'nogo prostranstva // *Pedagogika*, 1997. – № 3. – S. 10–15.
8. Zhiltsov D. E. Sotsialno-ekonomicheskoye sodержaniye obrazovatel'nykh prostranstv // *Upravleniye obrazovaniyem: teoriya i praktika*, 2013. – № 3. – S. 62–67.
9. Krivykh S. V. Sootnosheniye ponyaty "sreda" i "prostranstvo" v sotsiokulturnom i obrazovatel'nom aspektakh // *Mir nauki, kultury, obrazovaniya*, 2012. – № 2 (27) – S. 106–111.
10. Kruzhilina T. V. Pedagogizatsiya soznaniya sub'yektov obrazovatel'nogo prostranstva kak osnova preodoleniya otchuzhdeniya mezhdru pokoleniyami: Diss. d-ra ped. nauk. – Magnitogorsk, 2002. – 466 s.
11. Melik-Gaykazyan I. V. Kriterii opredeleniya granits v obrazovatel'nom prostranstve // *Vyssheye obrazovaniye v Rossii*. – 2009. – № 10. – S. 81–91.
12. Mikhaylov F. T. Samoopredeleniye kultury. Filosofsky poisk. – M.: Indrik, 2003. – 272 s.
13. Nalivayko N. V. Filosofiya obrazovaniya kak ob'yekt kompleksnogo issledovaniya: monografiya / N. V. Nalivayko, V. I. Parshikov. – Novosibirsk: Izd-vo SORAN, 2002. – 190 s.
14. Nestulayeva D. R. Elektronnoye obrazovaniye kak novaya forma podgotovki kvalifitsirovannykh kadrov dlya modernizatsionnoy ekonomiki // *Vestnik ekonomiki, prava i sotsiologii*. 2015. № 1. S. 35–37.
15. Samerkhanova E. K. Organizatsionnye osnovy sozdaniya edinogo obrazovatel'nogo prostranstva v vysshem uchebnom zavedenii. – N. Novgorod: Izd-vo Volzh. gos. inzh.-ped. akad. 2004. – 131 s.
16. Senko Yu. V. Gumanizatsiya obrazovatel'noy sredy v universitete // *Pedagogika*. – 2001, № 5. – S. 25–27.
17. Stadnik N. M. Nauchno-organizatsionnye osnovy sozdaniya i funktsionirovaniya edinogo obrazovatel'nogo prostranstva (na primere regiona "Permskaya oblast"): Diss. kand. ped. nauk. – M., 1996. – 218 s.
18. Ferapontov G. A. Stanovleniye dukhovno-obrazovatel'nogo prostranstva shkolnika sredstvami kulturologicheskoy dramatizatsii: Diss. kand. ped. nauk. – Novosibirsk, 2000. – 204 s.
19. Khasanova A. Sh., Kvon G. M., Mirzagallyamova Z. N., Mukhametzyanova F. G. Nekotorye aspekty finansirovaniya vysshego obrazovaniya: problemy i perspektivy // *Sbor.: Innovatsionnye podkhody v sisteme vysshego professional'nogo obrazovaniya. Materialy itogovoy nauch.-prakt. konf.* / Pod red. F. G. Mukhametzyanovoy. – Kazan, 2015. S. 411–419.
20. Tsuker A. A. Obrazovatelnoye prostranstvo shkoly // *Upravleniye shkoloy*. – 2004, № 27–28. – S. 31–35.
21. Shabalin Yu. E. Razvitiye regional'nogo obrazovatel'nogo prostranstva [Elektronnyy resurs]. – Rezhim dostupa: <http://region.edu3000.ru>
22. Shendrik I. G. Proyektirovaniye obrazovatel'nogo prostranstva sub'yekta uchebno-professional'noy deyatel'nosti. Avtoref. diss. doktora ped. nauk. – Yekaterinburg, 2006. – 43 s.

Information about the authors

Andrey Yurievich Aleksandrov, head of Public Law Department, candidate of economic sciences, associate professor
Chuvash State University named after I.N. Ulyanov
428015, Cheboksary, Moskowski Prospekt 15; tel.: +7(8352) 58-30-36
E-mail: nauka-chgu@mail.ru

V. N. CHAJNIKOV¹E. N. KADYSHEV¹

¹ Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education "Chuvash State University
named after I. N. Ulyanov", Cheboksary City

THREE-LEVEL SYSTEM OF MANAGEMENT OF THE REGIONAL ECONOMY'S COMPETITIVENESS

Abstract

Objective: to analyze the concept of management of the regional economy's competitiveness and to propose the system of management of the regional economy's competitiveness.

Methods: in the research process we widely used technologies of system, structural, functional, situational, economic analyses and also modeling of functioning of economic subjects.

Results: as the result of the conducted study we examined and analyzed the main issues of management system of regional competitiveness.

Scientific novelty: the proposed three-level system of management of the regional economy's competitiveness can become an effective tool in achieving the stable economic growth of the region.

Practical relevance: the presented offers can be used by governmental authorities in development of strategic policies of management of Russian regions' competitiveness.

Key words: competitiveness, region, management system, quality of management.

References

1. Akoff R., Emeri M. O tselestremennyykh sistemakh/per. s angl. – M.: Sov. Radio, 1974.
2. Alafuzov I. G., Timofeyev R. A. Klasterizatsiya kak faktor povysheniya effektivnosti regionalnoy ekonomicheskoy sistemy // Aktualnye voprosy ekonomicheskikh nauk. – 2010. – № 15–2. – S. 96–101.
3. Aleksandrova Yu.Yu. Problemy konkurentosposobnosti v sovremennoy ekonomike // Problemy sovremennoy ekonomiki, № 1 (21). [Elektron. resurs]. – Rezhim dostupa: <http://www.m-economy.ru/art.php3?artid=21900>
4. Bataykin P. A. Otsenka vliyaniya institutsionalnoy sredy na napravleniya strukturnykh sdvigo v natsionalnoy ekonomike // Vestnik ekonomiki, prava i sotsiologii. – 2011. – № 4. – S. 18–20.
5. Bertalanfi L. Issledovaniya po obshchey teorii sistem. – M.: Progress, 1969.
6. Vinogradov V. A. Kachestvo menedzhmenta – osnova sovremennoy upravlencheskoy paradigmy // Menedzhment v Rossii i za rubezhom. – 2006. – № 6. – S. 9–19.
7. Volkova, V. N., Denisov, A. A. Osnovy teorii sistem i sistemnogo analiza: ucheb. posobiye dlya vuzov. – SPb.: Izd-vo SPb GTU, 1997. – S. 62–64.
8. Kachalina L. N. Konkurentosposobny menedzhment. – M.: Eksmo, 2006. – 464 s.
9. Mazilkina Ye. I., Panichkina, G. A. Upravleniye konkurentosposobnostyu: ucheb. posobiye. – M.: Omega-L, 2007. – 325 s.
10. Podlesnykh V. I. Teoriya organizatsiy: uchebnik dlya vuzov. – SPb.: Izd. dom "Biznes-pressa", 2003. – 336 s.
11. Popov K. G., Sovetov I. N. K voprosu o primenenii estestvennykh zakonov o menedzhmente // Menedzhment v Rossii i za rubezhom. – 2006. – № 6. – S. 3–8.
12. Teoriya sistem i sistemny analiz v upravlenii organizatsiyami: uchebnoye posobiye/pod red. V. N. Volkovoy i A. A. Yemelyanova. – M.: Finansy i statistika, 2006.
13. Timofeyev R. A., Shlychkov V. V., Alafuzov I. G. Aktualnye voprosy funktsionirovaniya regiona kak sotsialno-ekonomicheskoy sistemy // Aktualnye problemy ekonomiki i prava. – 2015. – № 3. – S. 63–70.

14. Ustinov, A. N., Seleznev, V. A. Teoriya organizatsii: ucheb. posobiye. – M.: Moskovsky gosudarstvenny universitet ekonomiki, statistiki i informatiki, 2005. – 163 s.
15. Fatkhutdinov R. A. Upravleniye konkurentosposobnostyu organizatsii: ucheb. posobiye. – M.: Eksmo, 2004. – 544 s.
16. Filosofova T. G., Bykov V. A. Konkurentsia i konkurentosposobnost: ucheb. posobiye. – M.: Yuniti-Dana, 2008. – 295 s.
17. Freydina Ye. V. Issledovaniye sistem upravleniya: ucheb. posobiye: pod obshch. red. Yu. V. Guseva. – M.: Omega-L, 2008. – 367 s.
18. Chaynikova L. N. Razvitiye metodologii formirovaniya i funktsionirovaniya sistemy upravleniya konkurentosposobnostyu regionov: avtoref. dis. ... d-ra ekon. nauk. [Elektron. resurs]. – Rezhim dostupa: <http://vak.ed.gov.ru/ru/dissertation/index.php?id54=11846&from54=6>.
19. Chursin A. A. Upravleniye konkurentosposobnostyu organizatsii. – M.: FGUP "NTTS Informatika"; Red. zhurn. "Oboronnaya tekhnika", 2006. – 372 s.
20. Shlychkov V. V. Ob otdelnykh aspektakh protsessa modernizatsii rossyskoy ekonomiki // Vestnik ekonomiki, prava i sotsiologii. – 2015. – № 1. – S. 78–82.
21. Shlychkov V. V. Teoretiko-metodologicheskiye aspekty upravleniya resursnym potentsialom regiona / V. V. Shlychkov, A. D. Arzamastsev, Ye. P. Fadeyeva. – Yoshkar-Ola, 2007.
22. Shlychkov V. V. Teoriya i metodologiya upravleniya resursnym potentsialom: diss. ... dok-ra ekonom. nauk. – Yoshkar-Ola, 2007.
23. Andersson/Thomas, Sylvia Schwaag Serger, Jens Sorvik, and Emily Wise Hansson / The Cluster Policies Whitebook, International Organization for Knowledge Economy and Enterprise Development, Malmo 2004.
24. Bergman E. M. and Feser, E. J. Industrial and Regional Clusters: Concepts and Comparative Applications / E. M. Bergman, E. J. Feser. Regional Research Institute, WVU. – 1999.
25. Prahalad C. K., Hamel, G. (1990) The Gore Competence of corporation. Harvard Business Review, 68, p. 79–91.
26. Schmitz I. Lubert (1992). On the Clustering of Small Firms, in Rasmussen, J., H. Schmitz and M. P. van Dijk (eds.), Flexible specialization: a new view on small industry, IDS Bulletin (Special Issue), 23 (3): 64–69.
27. Steiner M. and Hartmann. Looking for the Material and immaterial Dimensions of Clusters. Paper presented at the Regional Studies Association Annual Conference on Regionalizing the Knowledge Economy \ November 21. London 2001.

Information about the authors

Chajnikov Valery Nikolaevich, candidate of economic sciences, associate professor
 Chuvash State University named after I. N. Ulyanov
 428015, Cheboksary, Moskowski Prospekt 15; tel.: +7 (8352) 58–30–36
 E-mail: chvn66r@mail.ru

Kadyshev Evgeniy Nikolaevich, doctor of economic sciences, professor
 Chuvash State University named after I. N. Ulyanov
 428015, Cheboksary, Moskowski Prospekt 15; tel.: +7 (8352) 58–30–36
 E-mail: kadyshev_en@mail.ru
 ORCID: <http://orcid.org/0000-0002-9620-0327>

В.Н. ЧАЙНИКОВ¹Е. Н. КАДЫШЕВ¹¹ Чувашский государственный университет имени И. Н. Ульянова, г. Чебоксары

ТРЕХУРОВНЕВАЯ СИСТЕМА УПРАВЛЕНИЯ КОНКУРЕНТОСПОСОБНОСТЬЮ ЭКОНОМИКИ РЕГИОНА

Аннотация

Цель: провести анализ концепции управления конкурентоспособностью экономики региона и предложить систему управления конкурентоспособностью экономики региона.

Методы: в процессе исследования широко использовались технологии системного, структурного, функционального, ситуационного, экономического анализа, а также моделирование функционирования субъектов экономической деятельности.

Результаты: в результате проведенного исследования были изучены и проанализированы основные вопросы системы управления региональной конкурентоспособностью.

Научная новизна: предложенная трехуровневая система управления конкурентоспособностью экономики региона, может стать действенным инструментом в достижении стабильного экономического роста региона.

Практическая значимость: представленные предложения могут быть использованы органами государственной власти при разработке стратегической политики управления конкурентоспособностью российскими регионами.

Ключевые слова: конкурентоспособность, регион, система управления, качество управления.

Концепция управления конкурентоспособностью экономики региона предусматривает необходимость создания соответствующей системы управления. В современных условиях экономического развития формирование, внедрение и использование системы управления региональной конкурентоспособностью с учетом прогнозируемых долгосрочных и текущих изменений внешней и внутренней сред является ключевой задачей эффективного менеджмента на региональном уровне. В постоянно меняющихся конкурентных условиях вопросы разработки адаптируемых систем управления конкурентоспособностью приобретают особую значимость как основного источника создания новых и закрепления существующих конкурентных преимуществ региона, а также важности как объекта управления.

В известных работах отечественных ученых-экономистов затрагивались различные аспекты формирования систем управления конкурентоспособностью объектов на мезоуровнях, где предложен алгоритм формирования эффективной системы управления объектов, а также предложена концепция системы управления региональной конкурентоспособностью, которая основывается на следующих стратегических направлениях формирования конкурентоспособности региона: обеспечение эффективности управления

региональной экономикой; инвестиционной и инновационной активности; активности конкурентной среды; развитие человеческого потенциала [2; 7; 5; 14; 18; 19; 20; 22].

Вопросами формирования и функционирования систем управления конкурентоспособности объектов на микроуровне посвящены работы известных отечественных ученых и зарубежных исследователей [6; 8; 13; 15; 21; 23–27]. Однако, следует отметить, что во многих источниках вопросы разработки систем управления конкурентоспособностью рассматриваются в основном на уровне организации, товаров и услуг. Краткий анализ работ в области создания систем управления конкурентоспособностью объектов показывает, что, несмотря на значительное их количество, эта проблема на уровне региона остается нерешенной и требует дальнейшей проработки.

Формирование системы управления региональной конкурентоспособностью, адаптируемой к изменениям внешней и внутренней сред является сложной задачей, требующей использования современной научной методологии обоснования ее разработки, под которой следует понимать систему взаимосвязанных требований, подходов, принципов, методов и инструментов.

При решении задачи создания системы управления региональной конкурентоспособностью необходимо, прежде всего, сформулировать основные требования методологии ее формирования, которые заключаются: во-первых, в том, что эта система должна быть составной частью общей социально-экономической системы развития региона и рассматриваться как ее подсистема, выступающая объектом анализа и синтеза; во-вторых, такая система должна быть научно обоснованной; в-третьих, в основе формирования такой системы должны находиться стратегические цели.

При разработке системы управления региональной конкурентоспособностью к одному из основных требований относится качество организации управления, которое достигается благодаря ее упорядочению, когда:

- определены границы контура системы, т. е. установлено, сколько и какие образующие подсистемы и их элементов она будет включать в себя;
- сформулированы цели системы в целом и дано описание характеристик подсистем и их элементов;
- намечены пути достижения поставленных целей как системы в целом, так и каждой из ее подсистем и их элементов, а также разработана схема их взаимодействия в процессе функционирования системы.

Качество управления, как цель развития системы управления конкурентоспособностью региона формируется в процессе целеполагания, реализуется в процессе ее функционирования и оценивается во время контроля и корректировки в период регулирования.

При этом механизм обеспечения качества управления определяется взаимосвязью факторов внешней и внутренней сред. Качество системы управления конкурентоспособностью региона охватывает характеристики управления, связанные с его способностью обеспечивать эффективные результаты деятельности.

Основные характеристики качества управления можно классифицировать по следующим признакам, обусловленным развитием корпоративной культуры, системой разработки и принятия решений, эффективностью распределения полномочий между субъектами управления.

При этом разрабатываемая система управления региональной конкурентоспособностью, в первую

очередь, должна обеспечить качественное и эффективное принятие стратегических управленческих решений, направленных на реализацию актуальной проблемы повышения конкурентоспособности экономики региона, обеспечивающей его выход на мировые рынки. Следовательно, качественно новый уровень управления конкурентоспособностью экономики региона может быть достигнут только с помощью системы ее обеспечения, базирующейся на кластерном подходе.

В условиях глобализации и развития конкурентной борьбы повышение конкурентоспособности идет параллельно с повышением уровня конкурентоспособности не только товаров и услуг, но и самих хозяйствующих субъектов и их интеграционных образований, например таких как: финансово-промышленные группы, холдинги, корпорации, региональные кластеры и регионы в целом. В этой связи важным стратегическим направлением становится задача разработки теоретико-методологических аспектов создания качественных систем управления конкурентоспособностью вышеперечисленных субъектов. Особенно остро эта проблема стоит на региональном уровне.

Таким образом, качество управления в современных условиях становится главным требованием обеспечения конкурентоспособности экономики региона, как одного из основных условий достижения высокого уровня жизни населения, которого можно достичь путем применения инструментов конкурентной экономики, т. е. использования результатов анализа механизмов экономических законов, законов организации и соблюдения научных подходов и принципов.

При решении проблемы формирования системы управления региональной конкурентоспособностью возникающая задача обеспечения эффективности ее разработки, которая должна базироваться на новом качестве управления, рассматривается в настоящее время как основа современной управленческой парадигмы.

Повышение качества разработки системы управления конкурентоспособностью экономики региона предполагает:

- более четкую постановку задач перед системой управления и ее подсистемами на соответствующих иерархических уровнях, придающими целеустремленность их функционирования;

- установление согласованности критериев функционирования подсистем разных уровней и повышение действенности стимулов, побуждающих к слаженным действиям;
- выбор рациональных структурных форм организации управления, совершенствование структуры управления на каждом иерархическом уровне и системы в целом;
- разработку и использование современных эффективных методов, программ и алгоритмов, обеспечивающих высокое качество решения задач управления;
- внедрение высокопроизводительных операций и процессов обработки информации, документооборота, основанное на использование современной компьютерной техники;
- научно обоснованное повышение культуры управления.

Таким образом, подход к формированию системы управления региональной конкурентоспособностью с позиции качества управления обуславливает более качественный уровень ее разработки.

Известно, что система управления состоит из следующих четырех составляющих: методологии, структуры, процесса и техники управления. При этом методология управления включает: научные подходы к управлению, законы конкуренции, экономические законы и принципы управления, функции и технологию управления, практику управленческой деятельности [1; 3; 5; 10; 11; 12; 14; 17].

Система управления региональной конкурентоспособностью — это система менеджмента для руководства управления регионом, кластером и предприятием применительно к формированию высокого уровня конкурентоспособности этих объектов.

Поскольку формируемая структура является системой, то необходимо использовать системный подход к ее разработке, который означает, что каждая ее подсистема и каждый элемент является важнейшей ее частью и не может быть исключен из анализа.

Именно общее взаимодействие подсистем и элементов формирует все признаки системы. Кроме того, с развитием инновационной экономики, появлением новых форм управления хозяйствующими субъектами и углублением их специализации у субъектов региональной экономики возникает потребность изучения управления региональной конкурентоспособностью

с позиции не только системного, но и комплексного подходов.

Все вышеизложенное вызывает объективную необходимость в формировании региональных систем управления конкурентоспособностью, призванных обеспечить динамику социально-экономического развития региона как в настоящее время, так и в долгосрочной перспективе. Поэтому для эффективного управления конкурентоспособностью региональной экономики необходимы анализ закономерностей и факторов, определяющих ее формирование и развитие, а также системное и комплексное рассмотрение всех ее аспектов.

Для того чтобы обеспечить эффективное управление региональной конкурентоспособностью требуются управляющие и регулирующие воздействия со стороны региональных органов управления в целях создания соответствующих условий, включающих формирование конкурентной среды, развитой финансово-кредитной системы, благоприятной налоговой политики, создание различных форм государственно-частного партнерства, развитие межрегиональных и международных связей и других элементов инфраструктуры.

Все вышеизложенное подтверждает необходимость создания системы управления конкурентоспособностью региона, которая интегрировала бы конкурентоспособность предприятий, кластеров и региона в целом. Такая система должна быть комплексной, охватывающей все иерархические уровни конкурентоспособности (товара, предприятия, кластера и региона).

Таким образом, результаты анализа научного обоснования необходимости формирования интегрированной системы управления региональной конкурентоспособностью, методических подходов, принципов и требований к качеству создания систем менеджмента нашли свое воплощение в трехуровневой системе управления конкурентоспособностью экономики региона, представленной на рисунке 1.

Как видно из рис. 1 трехуровневая система управления конкурентоспособностью экономики региона представляет собой замкнутый контур с внешним окружением, «входом», «выходом» и обратной связью между ними. Внутренняя структура замкнутого контура включает три, взаимосвязанные между собой прямой и обратной связями, подсистемы, находящиеся на разных уровнях: региона, кластера и хозяйствующего субъекта. Каждая подсистема

на соответствующем уровне является самостоятельной системой по отношению к нижестоящей и состоит из управляющей и управляемой подсистем, которые на своем уровне также имеют прямую и обратную связи, внешнюю среду, «вход» и «выход».

Трехуровневая система управления конкурентоспособностью экономики региона существует в тесном единстве с внешним окружением, которое оказы-

вает существенное влияние на её функционирование, так как служит источником ресурсов для поддержания непрерывности её деятельности. Можно выделить две основных составляющих внешней среды общих для всех подсистем и их элементов в трехуровневой системе управления конкурентоспособностью экономики региона — это макроокружение и непосредственное окружение, которое представляет деловую среду.

Рис. 1. Трехуровневая система управления конкурентоспособностью экономики региона, ориентированная на кластерное развитие

При этом макроокружение является частью внешней среды, которая включает в себя экономическую, политическую, правовую, социальную, технологическую составляющие. Деловая среда оказывает на каждый элемент трехуровневой системы управления конкурентоспособностью экономики региона непосредственное влияние и в неё входят потребители продукции и услуг, поставщики сырья, материалов, энергии, конкуренты, деловые партнеры, организации инфраструктуры, государственные и муниципальные органы власти и другие субъекты.

При функционировании трехуровневой системы управления конкурентоспособностью экономики региона во взаимодействии её организационных структур с внешней средой важная роль принадлежит непосредственному окружению. Во взаимоотношениях с деловой средой у организационных структур на всех трех уровнях управления (региона, кластера и хозяйствующего субъекта) возникают две основные проблемы — взаимодействие и адаптация, от реше-

ния которых во многом зависит эффективность деятельности всей системы в целом как интегрированной структуры.

Развитие глобализации, информационных технологий, усложнение и многообразие предлагаемых товаров и услуг, сокращение их жизненного цикла, появление большего количества конкурирующих предприятий, возрастание требований потребителей — все эти и другие изменения в окружающей деловой среде, усиливают влияние и зависимость организационных структур в трехуровневой системе управления конкурентоспособностью экономики региона от внешних условий, что вынуждает искать новые способы для улучшения взаимодействия и развивать их способность к адаптации и гибко реагировать на динамику изменений внешней среды. К таким подходам в первую очередь следует отнести стратегическое управление, позволяющее спрогнозировать будущее изменение в окружающей среде и заранее разработать опережающие мероприятия

производственного, технологического, экономического, структурного, поведенческого характера как на краткосрочную, так и долгосрочную перспективу.

В целом «выход» как целевой ориентир всей системы отражает достижение поставленной главной ее цели. Тогда содержание «выхода» системы управления конкурентоспособностью региона сформулируем как достижение уровня конкурентоспособности региона соответствующего прогнозному значению мирового уровня, обладающего долгосрочным потенциалом экономического роста. Тогда достигнутый мировой уровень конкурентоспособности экономики региона будет служить экономической основой для реализации задачи повышения уровня жизни его населения до мировых стандартов. Соответственно, «выходы» каждой подсистемы на соответствующих иерархических уровнях, являющиеся конечным результатом их функционирования, формируются аналогично, как и для всей системы управления конкурентоспособностью региона в целом, на основе их главных целей. При этом, прогнозный уровень конкурентоспособности экономики региона количественно задается на «входе» системы управления, который разрабатывается на основе сформулированной главной цели с применением методики прогнозирования и инструментов новой экономики, основывающейся на современных инвестиционных и инновационных технологиях, процессных подходах, обеспечивающих лидерство региона и выход на мировые рынки в такой важной сфере как производство конкурентоспособных товаров и услуг, пользующихся коммерческим успехом как на отечественном рынке, так и зарубежных рынках сбыта. Аналогично прогнозные уровни конкурентоспособности субъектов управления соответствующих подсистем на их «входах» (рис. 1), также разрабатываются на основе их главных целей.

Представление системы управления региональной конкурентоспособностью в виде иерархической трехуровневой структуры позволяет рассматривать ее, с одной стороны укрупнено в рамках единого замкнутого контура, а с другой — детализировано на уровне региона, промышленного кластера и инте-

грированных в него самостоятельных хозяйствующих субъектов. При таком иерархическом трехуровневом построении системы управления имеется возможность укрупненного описания системы на верхнем (региональном) уровне иерархии с детализированным анализом первичных подсистем на уровне предприятия и кластера, позволяющим в максимальной степени учесть имеющиеся в системе резервы конкурентных преимуществ на каждом уровне. Кроме того, это позволяет представить задачу оптимизации управления региональной конкурентоспособности в виде совокупности многих частных задач каждого уровня, решаемых в определенной последовательности. Тем самым обеспечивается согласованное функционирование системы в целом, в которой управление первичными функциональными звеньями на каждом уровне иерархии осуществляют органы низшего уровня управления, находящиеся под мониторингом вышестоящих органов власти.

Таким образом, следует заключить, что предложенная нами трехуровневая система управления конкурентоспособностью экономики региона, ориентированная на кластерное развитие с зафиксированными в ней стратегическими целями и задачами, аргументированными действиями и методами их реализации, направленными на формирование глобально интегрированного конкурентоспособного региона, должна стать действенным инструментом достижения главного приоритета стратегии социально-экономического развития региона, заключающейся в достижении его стабильного экономического роста и мировых стандартов качества жизни его населения. Кроме того данная система позволяет:

- осуществлять более эффективное управление конкурентоспособностью на уровне: региона, кластера и хозяйствующих субъектов;
- предприятиям кластеров быть более восприимчивыми к инновациям;
- генерировать импульсы к развитию конкуренции между предприятиями кластеров;
- обнаруживать, использовать и развивать новые синергетические связи между участниками кластеров.

Список литературы

1. Акофф Р., Эмери М. О целеустремленных системах/пер. с англ. – М.: Сов. Радио, 1974.
2. Алафузов И. Г., Тимофеев Р. А. Кластеризация как фактор повышения эффективности региональной экономической системы//Актуальные вопросы экономических наук. – 2010. – № 15–2. – С. 96–101.

3. Александрова Ю. Ю. Проблемы конкурентоспособности в современной экономике // Проблемы современной экономики, № 1 (21). [Электрон. ресурс]. – Режим доступа: <http://www.m-economy.ru/art.php3?artid=21900>
4. Батайкин П. А. Оценка влияния институциональной среды на направления структурных сдвигов в национальной экономике // Вестник экономики, права и социологии. – 2011. – № 4. – С. 18–20.
5. Бертаданфи Л. Исследования по общей теории систем. – М.: Прогресс, 1969.
6. Виноградов В. А. Качество менеджмента – основа современной управленческой парадигмы // Менеджмент в России и за рубежом. – 2006. – № 6. – С. 9–19.
7. Волкова, В. Н., Денисов, А. А. Основы теории систем и системного анализа: учеб. пособие для вузов. – СПб.: Изд-во СПб ГТУ, 1997. – С. 62–64.
8. Качалина Л. Н. Конкурентоспособный менеджмент. – М.: Эксмо, 2006. – 464 с.
9. Мазилкина Е. И., Паничкина, Г. А. Управление конкурентоспособностью: учеб. пособие. – М.: Омега-Л, 2007. – 325 с.
10. Подлесных В. И. Теория организаций: учебник для вузов. – СПб.: Изд. дом «Бизнес-пресса», 2003. – 336 с.
11. Попов К. Г., Советов И. Н. К вопросу о применении естественных законов о менеджменте // Менеджмент в России и за рубежом. – 2006. – № 6. – С. 3–8.
12. Теория систем и системный анализ в управлении организациями: учебное пособие / под ред. В. Н. Волковой и А. А. Емельянова. – М.: Финансы и статистика, 2006.
13. Тимофеев Р. А., Шлычков В. В., Алафузов И. Г. Актуальные вопросы функционирования региона как социально-экономической системы // Актуальные проблемы экономики и права. – 2015. – № 3. – С. 63–70.
14. Устинов, А. Н., Селезнев, В. А. Теория организации: учеб. пособие. – М.: Московский государственный университет экономики, статистики и информатики, 2005. – 163 с.
15. Фатхутдинов Р. А. Управление конкурентоспособностью организации: учеб. пособие. – М.: Эксмо, 2004. – 544 с.
16. Философова Т. Г., Быков В. А. Конкуренция и конкурентоспособность: учеб. пособие. – М.: Юнити-Дана, 2008. – 295 с.
17. Фрейдина Е. В. Исследование систем управления: учеб. пособие: под общ. ред. Ю. В. Гусева. – М.: Омега-Л, 2008. – 367 с.
18. Чайникова Л. Н. Развитие методологии формирования и функционирования системы управления конкурентоспособностью регионов: автореф. дис. ... д-ра экон. наук. [Электрон. ресурс]. – Режим доступа: <http://vak.ed.gov.ru/ru/dissertation/index.php?id54=11846&from54=6>
19. Чурсин А. А. Управление конкурентоспособностью организации. – М.: ФГУП «НТИЦ «Информатика»»; Ред. журн. «Оборонная техника», 2006. – 372 с.
20. Шлычков В. В. Об отдельных аспектах процесса модернизации российской экономики // Вестник экономики, права и социологии. – 2015. – № 1. – С. 78–82.
21. Шлычков В. В. Теоретико-методологические аспекты управления ресурсным потенциалом региона / В. В. Шлычков, А. Д. Арзамасцев, Е. П. Фадеева. – Йошкар-Ола, 2007.
22. Шлычков В. В. Теория и методология управления ресурсным потенциалом: дисс. ... док-ра экон. наук. – Йошкар-Ола, 2007.
23. Andersson/Thomas, Sylvia Schwaag Serger, Jens Sorvik, and Emily Wise Hansson/The Cluster Policies White-book, International Organization for Knowledge Economy and Enterprise Development, Malmo 2004.
24. Bergman E. M. and Feser, E. J. Industrial and Regional Clusters: Concepts and Comparative Applications / E. M. Bergman, E. J. Feser. Regional Research Institute, WVU. – 1999.
25. Prahalad C. K., Hamel, G. (1990) The Core Competence of corporation. Harvard Business Review, 68, pp. 79–91.
26. Schmitz Hubert (1992). On the Clustering of Small Firms, in Rasmussen, J., H. Schmitz and M. P. van Dijk (eds.), 'Flexible specialization: a new view on small industry, IDS Bulletin (Special Issue), 23 (3): 64–69.
27. Steiner M. and Hartmann. Looking for the Material and immaterial Dimensions of Clusters. Paper presented at the Regional Studies Association Annual Conference on 'Regionalising the Knowledge Economy / November 21. London 2001.

Информация об авторах

Чайников Валерий Николаевич, кандидат экономических наук, доцент

Чувашский государственный университет им. И. Н. Ульянова

428015, Чебоксары, проспект Московский, д. 15; Тел.: +7 (8352) 58–30–36

E-mail: chvn66r@mail.ru

Кадышев Евгений Николаевич, доктор экономических наук, профессор

Чувашский государственный университет им. И. Н. Ульянова

428015, Чебоксары, проспект Московский, д. 15; Тел.: +7 (8352) 58–30–36

E-mail: kadyshev_en@mail.ru

ORCID: <http://orcid.org/0000-0002-9620-0327>

E. N. KADYSHEV¹V. L. SEMENOV¹

¹ Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education "Chuvash State University named after I. N. Ulyanov", Cheboksary City

TRANSFORMATIONS OF QUALITY SYSTEM AS AN INNOVATIVE DEVELOPMENT WAY OF THE ORGANIZATION

Abstract

Objective: to determine the role of quality system in the functioning of enterprises.

Methods: we used general scientific methods of cognition that predetermine the study of socio-economic phenomena, processes and regularities in constant development and interconnection. Such research techniques as statistical-economic and economic-mathematical methods were used in information processing.

Results: we conducted analysis of the concept "quality system" as an economic category; determined the main reasons that limit a rapid transformation of the quality system into a new functional manifestation.

Scientific novelty: we developed the mechanism of transformation of the organization's quality system as innovative ontogenesis in the conditions of global competition; identified the main steps that allow an effectively modification of old elements of the quality system into brand-new functional manifestations.

Practical relevance: main propositions and conclusions of the article can be used in scientific and production activities in the course of consideration of issues connected with improvement of the quality system in the enterprise.

Keywords: transformation, innovation, quality system, analysis, organization, mechanism, value.

References

1. Antsupov A.Ya., Shipilov A. I. Konfliktologiya: ucheb. dlya vuzov. – SPb.: Piter, 2008. – 496 s.
2. Galleyev V. I. Menedzhment kachestva v malykh organizatsiyakh / V. I. Galeev, V. V. Ustinov // Standarty i kachestvo. – 2007. – № 3. – S. 68–70.
3. Deming E. Vykhod iz krizisa. – Tver: Alba, 1994. – 498 s.
4. Zagoruyko N. G. Prikladnye metody analiza dannykh i znany. – Novosibirsk: IM SO RAN, 1999. – 270 s.
5. Isikawa K. Yaponskiye metody upravleniya kachestvom: sokr. per. s angl. – M.: Ekonomika, 1988. – 215 s.
6. Konareva L. A. Upravleniye kachestvom produktsii v promyshlennosti SShA. – M.: Nauka, 1977. – 256 s.
7. Krosbi F. B. Kachestvo i ya: Zhizn biznesmena v Amerike; per. s angl. A. V. Denisova, O. V. Zamyatinoy. – M.: Standarty i kachestvo, 2003. – 264 s.
8. Ogvozdin V. Yu. Upravleniye kachestvom. – M.: Delo i servis, 2009. – 304 s.
9. Okrepilov V. V. Upravleniye kachestvom. – M.: Ekonomika, 1998. – 640 s.
10. Postalyuk M. P., Khasanova A. Sh., Mukhametshin M. F. Sistemnaya innovatizatsiya konkurentosposobnosti promyshlennykh predpriyaty Rossii // Vestnik TISBI. 2015. № 1 (60). S. 199–216.
11. Starikov P. A. Pikovye perezhivaniya i tekhnologii tvorchestva: uchebn. posobiye. – Krasnoyarsk: filial NOU VPO "Sankt-Peterburgskiy institut vneshneekonomicheskikh svyazey, ekonomiki i prava" v g. Krasnoyarske, 2011. – 92 s.
12. Upravleniye izmeneniyami: bazovy kurs: ucheb. posobiye / M. A. Brazhnikov, I. V. Khorina. – Samara: Samar. gos. tekhn. un-t, 2015. – 238 s.
13. Shlychkov V. V., Kulish S. M. Metodicheskiye rekomendatsii po organizatsii rabot po upravleniyu resursnym potentsialom promyshlennogo predpriyatiya // Ekonomicheskoye nauki. 2009. № 54. S. 277–281.
14. Shlychkov V. V., Kulish S. M., Timofeyev R. A. Resursny podkhod k problemam obespecheniya ekonomicheskoy nadezhnosti promyshlennykh predpriyaty. – Kazan: Kazan. gos. ener. un-t, 2009.

15. Bataykin P. A., Khasanova A. S., Shlychkov V. V., Toumashev A. R., Toumasheva M. V. Economic growth in the conditions of resource constraints: ordinal approach to optimization of macroeconomic production structure // Journal of Applied Economic Sciences. 2016. T. 11. № 3. P. 521–531.
16. ISO 9001:2015. Quality management systems – Requirements.
17. Juran J. M. Architect of Quality. The autobiography of Dr. Joseph M. Juran. McGraw-Hill, 2004, p. 379.
18. Oakland John. From Quality to Excellence in the 21st Century [Text] / John Oakland // Total Quality Management & Business Excellence. – October–November, 2005. – Vol. 16, No. 8–9. – P. 1053–1060.
19. Taguchi G, Chowdhury S., Wu Y. Taguchi's Quality Engineering Handbook. Wiley-Interscience, 2004, p. 1696.
20. Vedin N. V., Shlychkov V. V., Khasanova A. Sh. Discursive Practices in Cooperative Structures // Indian Journal of Science and Technology. December 2015. Vol 8 (S10). DOI: 10.17485/ijst/2015/v8iS10/84877.

Information about the authors

Kadyshev Evgeniy Nikolaevich, doctor of economic sciences, professor
Chuvash State University named after I. N. Ulyanov
428015, Cheboksary, Moskowsky Prospekt 15; tel.: +7 (8352) 58–30–36
E-mail: kadyshev_en@mail.ru
ORCID: <http://orcid.org/0000-0002-9620-0327>

Semenov Vladislav Lvovich, candidate of economic sciences, associate professor
Chuvash State University named after I. N. Ulyanov
428015, Cheboksary, Moskowsky Prospekt 15; tel.: +7 (8352) 58–30–36
E-mail: wlad21@mail.ru

Е. Н. КАДЫШЕВ¹
В. Л. СЕМЕНОВ¹

¹ Чувашский государственный университет им. И. Н. Ульянова, г. Чебоксары

ТРАНСФОРМАЦИИ СИСТЕМЫ КАЧЕСТВА КАК ИННОВАЦИОННЫЙ ПУТЬ РАЗВИТИЯ ОРГАНИЗАЦИИ

Аннотация

Цель: определить роль системы качества в функционировании предприятий.

Методы: использованы общенаучные методы познания, предопределяющие изучение социально-экономических явлений, процессов и закономерностей в постоянном развитии и взаимосвязи. При обработке информации применялись такие приемы исследования, как статистико-экономический и экономико-математический методы.

Результаты: проведен анализ понятия «система качества» как экономической категории; определены основные причины, ограничивающие быструю трансформацию системы качества в новое функциональное проявление.

Научная новизна: разработан механизм трансформации системы качества организации как инновационного онтогенеза в условиях глобальной конкуренции; определены основные шаги, позволяющие эффективно модифицировать старые элементы системы качества в совершенно новые функциональные проявления.

Практическая значимость: основные положения и выводы статьи могут быть использованы в научной и производственной деятельности при рассмотрении вопросов улучшения системы качества на предприятии.

Ключевые слова: трансформация, инновация, система качества, анализ, организация, механизм, ценность.

В современных условиях ужесточения международной и внутренней конкуренции перед хозяйствующими субъектами встает острая проблема дальнейшего эффективного выживания и последующего поступательного развития. Сложившиеся условия требуют от руководства организаций и предприятий активизации по поиску и генерации новых идей трансформации производства и управления. Данные мероприятия связаны не только с модернизацией производственно-технологической базы, предусматривающей закупку нового оборудования, технологической оснастки, средств проектирования, средств управления технологическими процессами и т. д., но и внедрения новейших методов и форм организации производства, таких как широкомасштабная подготовка и переподготовка кадров, апробация сложных систем кооперации, контроль качества, использование системы регламентов и нормативов, логистика и т. д. К таким методам можно отнести и системы качества организаций.

Анализ существующей литературы определяет [2–3, 5–8, 10, 13–15, 17, 19, 20 и др.], что система качества любой организации может быть эффективной в том случае, если она проецирует в себя все процессы и виды деятельности, протекающие в организации, которые напрямую или косвенно влияют на качество выпускаемой продукции или оказываемой услуги. Поэтому система качества организации с точки зрения системного подхода охватывает такие элементы, как производственные и управленческие функции, технологию управления, экологический менеджмент, производственные и организационные структуры, информация, документация, трудовые процессы, контроль и т. д. Интерпретируя мнение Дж. Окленда [18] о хорошей системе, можно констатировать, что эффективная система качества обладает такими свойствами, как гарантированность выполнения требований потребителей, документальное описание (письменно оформлена), гарантированность соответствия нуждам организации, охват всех видов деятельности организации.

По мнению Галеева В. И., Устинова В. В. [2] система качества организации учитывает особенности ее функционирования и дальнейшего развития, обеспечивает минимизацию затрат на все виды деятельности, гарантирует потребителю уверенность, что качество продукции или оказываемой услуги будет стабильным, устойчивым и на высоком уровне.

По мнению известного японского гуру в области качества К. Исикавы [5] любая система качества организации должна обеспечивать успех при проведении переговоров с зарубежными заказчиками и подкрепляться сертификатом на данную систему, причем выданным авторитетным органом по сертификации.

Таким образом, в системе качества организации выполняются работы по менеджменту качества и обеспечению качества в рамках общей теории менеджмента организации, что хорошо укладывается в концепцию международных стандартов ИСО. В целом, можно констатировать, что система качества — это совокупность взаимодействий элементов организационной структуры, ответственности, процессов, работ, процедур, методик и ресурсов между собой, ориентированных на гарантированное обеспечение осуществления общего руководства качеством.

Любая система качества, существующая в организации, со временем теряет установленные функциональные параметры, что приводит к снижению ее эффективности. В системе появляются явные недостатки (риски), которые ограничивают развитие, а в некоторых случаях может наблюдаться процесс деградации управления, что приводит к ликвидации организации. Например, наличие сертификата соответствия требованиям международного стандарта ISO 9001:2015 [16] не гарантирует конкурентоспособность организации, а является входным билетом в мир конкуренции. Только те организации и их руководители, которые постоянно адаптируют свои системы качества, опираясь на положения и требования данного стандарта, способны обновлять элементы системы с добавлением новых функций и параметров (компонент), позволяющих эффективно противостоять внешним возмущениям.

Необходимо понимать, что изменения параметров элементов системы качества должны проходить постепенно, без резких динамических скачкообразных переходов, обеспечивая тем самым устойчивость и стабильность самой системы. Поэтому движение системы качества от одного исходного состояния в требуемое конечное будет предполагать некую совокупность пошаговых дискретных скачков, позволяющих сглаживать амплитуду колебаний перехода без потери основных функций системы (рис. 1).

Пошаговые скачки не должны приводить к дестабилизации системы, переходу системы в иное состояние, отклоняющее ее от заданных целей к бифур-

кационным явлениям. Сама природа скачка должна определяться как изменение траектории развития системы в окрестностях допустимых отклонений. Процесс скачка должен идти как вскрытие возмущения, его идентифицирование, первоначальное селективное регулирование, что в итоге приводит систему

к желаемому состоянию. Но природа систем качества, как организационных систем, объясняет наличие стохастичности, инертности, запаздывания ее внутренней синергии элементов. Вышесказанное приводит к тому, что условное состояние равновесной системы после регулирования невозможно программировать.

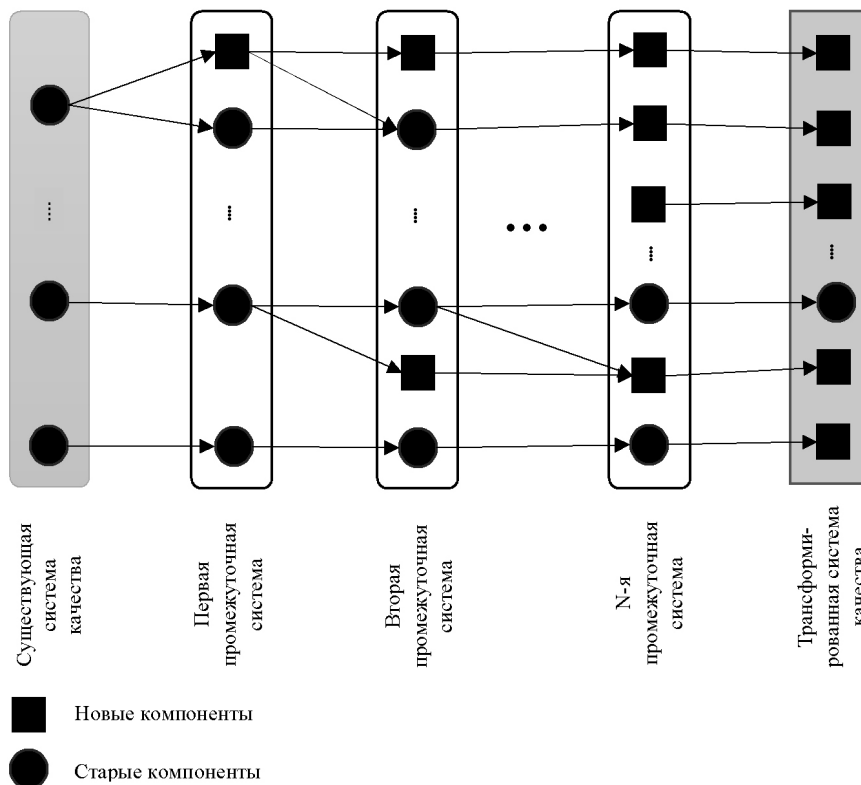

Рис. 1. Схема трансформации системы качества в инновационном развитии организации

Остаточные последствия действий по регулированию проявляются и после вывода системы на расчетный уровень равновесия (оптимальности). В итоге происходит перерегулирование системы, которая из равновесия переходит в иное состояние, требующее компенсирования. В результате состояние стохастичности, инертности, запаздывания системы можно описать как взаимодействие двух полярных явлений — регулирование и компенсация.

Таким образом, траектория скачка системы в пространстве описывается траекторией технофилогенетической спирали, что определяет устойчивость системы и сменяемость ее элементов для обеспечения и поддержания выполняемых функций. Сменяемость элементов, как основной фактор эфферентности скачка, может достигаться исключительно за счет наличия вокруг системы афферентной группы элементов внешней среды, которые могут быть использованы на разных этапах развития системы и на разных скачках.

В ходе такой трансформации на каждом этапе появляются промежуточные системы, в которых происходит устранение некоторых недостатков (рис. 1), причем каждый следующий шаг подразумевает устранение еще большего количества недостатков. В каждой промежуточной системе происходит апробация новых элементов (компонентов) системы, учитывающих требования потребителей. Основной проблемой является адаптация сотрудников организации, которых затронут вводимые изменения. Новые элементы (компоненты) системы качества могут появляться как постепенно, в ходе трансформации, так и мгновенно, на конкретном промежуточном этапе.

Трансформация системы качества с целью ликвидации присущих ей недостатков предполагает применение конкретного механизма (рис. 2), позволяющего развернуто исследовать существующие проблемы и разработать план действий по их устранению. План

действий предполагает выполнение следующих основных этапов работ:

- определить существующие недостатки системы качества;
- установить причины существующих недостатков системы качества;
- определить новые элементы (компоненты) системы качества, позволяющие устранить присущие ей недостатки с учетом требований потребителей;

- определить последовательность трансформации (изменений).

Механизм трансформации (рис. 2) начинается с оценки существующей системы качества, что предполагает выявление основных ее недостатков, которые ограничивают развитие самой системы. В данном случае не требуется исчерпывающего описания системы качества. Необходимо выделить основных потребителей системы и какие функции она выполняет.

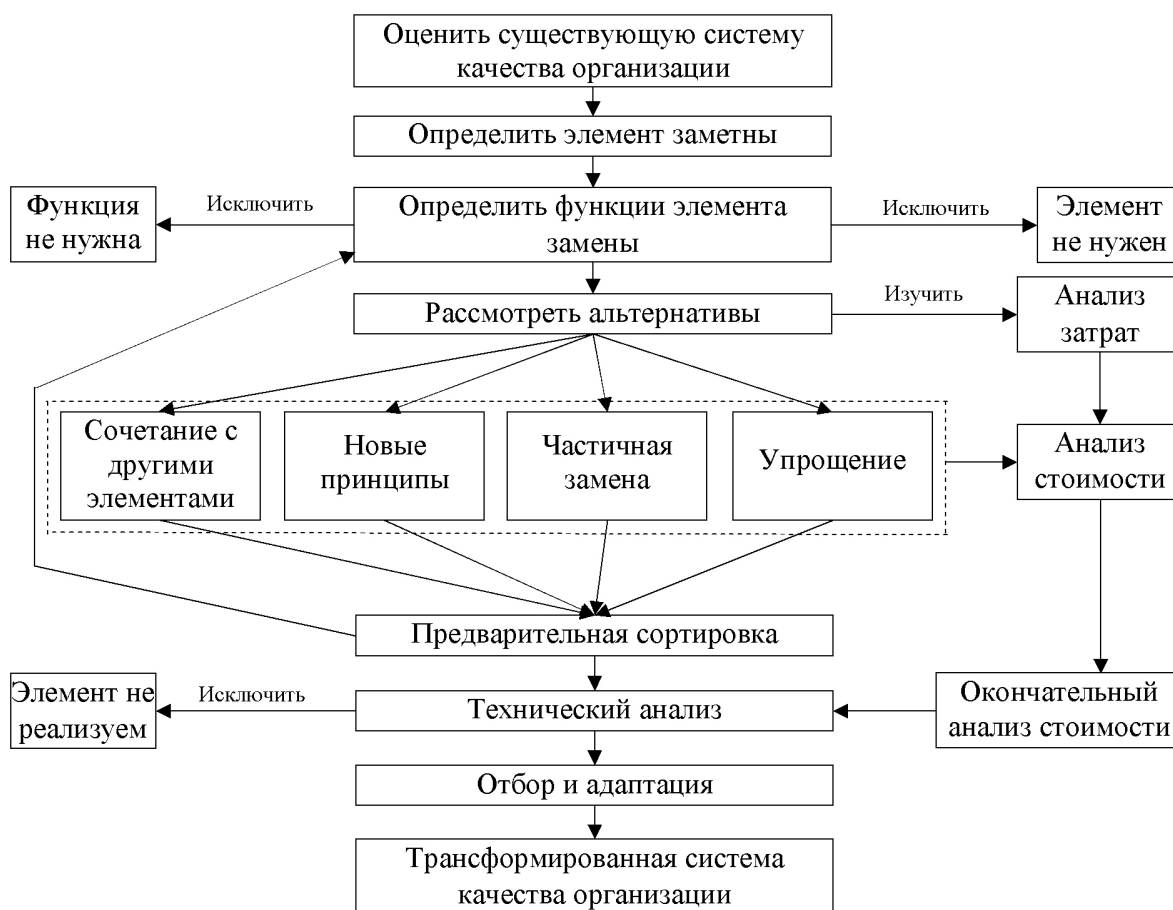

Рис. 2. Механизм трансформации системы качества

Поиск недостатков в системе качества направлен на выявление причин, вызвавших их. Существуют такие методы как «мозговой штурм» [11], «зачем — отчего — почему?» [1], «анализ знаний» [4], «анализ изменений» [12], «причинно-следственная диаграмма» [5] и др., которые позволяют эффективно выявлять причины возникновения недостатков. Выбор того или иного метода зависит от конкретных параметров состояния системы качества и целей, которых необходимо достичь. Каждый из методов имеет свои преимущества и недостатки, которые необходимо учитывать при их применении.

Когда для каждого из недостатков определен массив причин, формируется картина проблемы, по которой можно выявить «узкие места», а в последующем устранить их. Необходимо отметить, что в качестве причин могут выступать как компоненты системы, так и события, возникающие в ходе функционирования и развития системы. Задачей проектировщика трансформирующей системы качества является поиск слабых элементов (компонентов), в которых он видит объективные возможности ликвидации «узких мест».

Поиск и определение новых элементов (компонентов) системы качества подразумевает формирова-

ние взаимно согласованных элементов и их функций, которые позволили бы не только устранить существующие в системе недостатки, но и обеспечить внутренним и внешним потребителям прямых и косвенных преимуществ от трансформированной системы.

Изложение функции должно быть однозначным, чтобы не оставлять сомнений в необходимости конкретного элемента системы. Здесь важно четко установить точность и степень детализации каждого элемента (компонента), чтобы в последующем определить стоимость затрат изменений. Такой подход позволит оценить нужность или ненужность каждой функции элемента и обеспечит выбор наиболее удачной альтернативы.

Таким образом, предложенная методика (рис. 2) предлагает вначале определение функций каждого из элементов (компонентов) системы, а потом широкий поиск альтернативных способов реализации каждой функции, который сводится в конечном итоге к решению конкретных частных задач. Процесс трансформации системы качества сводится в оценке отношения между получаемыми преимуществами (ценностями) от внедрения и затратами для их реализации.

Сложность современных систем качества определяют невозможность определения ее новых элементов (компонентов), которые ликвидировали бы недостатки системы на этапе анализа. Маловероятно также, что выявленные новые элементы (компоненты) будут сразу в полном объеме реализуемы, что требует времени их адаптации к новым условиям функционирования системы качества. Необходимо осознавать, что некоторые недостатки, присущие системе не смогут быть устранены до разработки новых элементов (компонентов), которые в свою очередь могут быть реализованы только при наступлении подходящих предпосылок.

Определение последовательности трансформации (изменений) системы качества предполагает, что каждый из промежуточных этапов (рис. 1) эволюции

должен формировать такие промежуточные системы, в которых предложенные усовершенствования, выраженные в новых элементах (компонентах) и их функциях, обеспечивали бы внутренним и внешним потребителям пользу изначально, т. е. изменения имели бы экономический стимул. Таким образом осуществляется эволюционное планирование, направленное на постоянное совершенствование системы под воздействием внешних и внутренних факторов.

Трансформацию любой системы качества представить в большинстве случаев не трудно, но гораздо сложнее осуществить. Это связано многими причинами, но наиболее весомыми являются следующие. Во-первых, любое изменение требует существенных ресурсов, как материальных, так и финансовых, временных, людских. Во-вторых, изменение (добавление, трансформация или исключение элементов) системы приводит к снижению ее устойчивости и стабильности, что существенно влияет на убеждения сотрудников организации, их работу и их ожидания. В-третьих, прогнозирование будущего состояния системы может привести к радикальным структурным изменениям, затрагивающих как руководство, так и элементы внешней среды.

Предложенные изменения потребуют кардинальной перестройки взглядов руководства и ведущих специалистов, а также общественного мнения, чтобы они поняли новый принцип планирования, трансформации и, в конечном итоге, поверили в него. При трансформации системы качества необходимо планировать не то, что осуществимо в данное время, а то, что будет осуществимым в тот момент, когда это потребуется для повышения степени удовлетворенности заинтересованных сторон. Время, потерянное на осознание необходимости трансформации системы качества, приведет к увеличению стоимости решения проблемы и существенно задержит развитие организации в условиях динамичности воздействия внешней среды.

Список литературы

1. Анцупов А. Я., Шипилов А. И. Конфликтология: учеб. для вузов. – СПб.: Питер, 2008. – 496 с.
2. Галлеев В. И. Менеджмент качества в малых организациях/В. И. Галеев, В. В. Устинов//Стандарты и качество. – 2007. – № 3. – С. 68–70.
3. Деминг Э. Выход из кризиса. – Тверь: Альба, 1994. – 498 с.
4. Загоруйко Н. Г. Прикладные методы анализа данных и знаний. – Новосибирск: ИМ СО РАН, 1999. – 270 с.
5. Исигава К. Японские методы управления качеством: сокр. пер. с англ. – М.: Экономика, 1988. – 215 с.
6. Конарева Л. А. Управление качеством продукции в промышленности США. – М.: Наука, 1977. – 256 с.

7. Кросби Ф. Б. Качество и я: Жизнь бизнесмена в Америке; пер. с англ. А. В. Денисова, О. В. Замятиной. – М.: Стандарты и качество, 2003. – 264 с.
8. Огвоздин В. Ю. Управление качеством. – М.: Дело и сервис, 2009. – 304 с.
9. Окрепилов В. В. Управление качеством. – М.: Экономика, 1998. – 640 с.
10. Посталюк М. П., Хасанова А. Ш., Мухаметшин М. Ф. Системная инноватизация конкурентоспособности промышленных предприятий России // Вестник ТИСБИ. 2015. № 1 (60). С. 199–216.
11. Стариков П. А. Пиковые переживания и технологии творчества: учебн. пособие. – Красноярск: филиал НОУ ВПО «Санкт-Петербургский институт внешнеэкономических связей, экономики и права» в г. Красноярске, 2011. – 92 с.
12. Управление изменениями: базовый курс: учеб. пособие / М. А. Бражникова, И. В. Хорина. – Самара: Самар. гос. техн. ун-т, 2015. – 238 с.
13. Шлычков В. В., Кулиш С. М. Методические рекомендации по организации работ по управлению ресурсным потенциалом промышленного предприятия // Экономические науки. 2009. № 54. С. 277–281.
14. Шлычков В. В., Кулиш С. М., Тимофеев Р. А. Ресурсный подход к проблемам обеспечения экономической надежности промышленных предприятий. – Казань: Казан. гос. энерг. ун-т, 2009.
15. Bataykin P. A., Khasanova A. S., Shlychkov V. V., Toumashev A. R., Toumasheva M. V. Economic growth in the conditions of resource constraints: ordinal approach to optimization of macroeconomic production structure // Journal of Applied Economic Sciences. 2016. T. 11. № 3. С. 521–531.
16. ISO 9001:2015. Quality management systems – Requirements.
17. Juran J. M. Architect of Quality. The autobiography of Dr. Joseph M. Juran. McGraw-Hill, 2004. Pp. 379.
18. Oakland John. From Quality to Excellence in the 21st Century [Text] / John Oakland // Total Quality Management & Business Excellence. – October–November, 2005. – Vol. 16, No. 8–9. – P. 1053–1060.
19. Taguchi G, Chowdhury S., Wu Y. Taguchi's Quality Engineering Handbook. Wiley-Interscience, 2004. P. 1696.
20. Vedin N. V., Shlychkov V. V., Khasanova A. Sh. Discursive Practices in Cooperative Structures // Indian Journal of Science and Technology. December 2015. Vol 8 (S10). DOI: 10.17485/ijst/2015/v8iS10/84877

Информация об авторах

Кадышев Евгений Николаевич, доктор экономических наук, профессор
Чувашский государственный университет им. И. Н. Ульянова
428015, Чебоксары, проспект Московский, д. 15; Тел.: +7 (8352) 58–30–36
E-mail: kadyshev_en@mail.ru
ORCID: <http://orcid.org/0002-9620-0327>

Семенов Владислав Львович, кандидат экономических наук, доцент
Чувашский государственный университет им. И. Н. Ульянова
428015, Чебоксары, проспект Московский, д. 15; Тел.: +7 (8352) 58–30–36
E-mail: chvn66r@mail.ru

S. M. KULISH¹¹ Kazan State Power Engineering University, Kazan City

INNOVATIVE PROCESSES IN RUSSIAN INDUSTRY

Abstract

Objective: to demonstrate the current status of Russian industry, to assess prospects for its development and to identify the impact of innovative processes on economic development.

Methods: a systematic approach based on general scientific methods of empirical and theoretical researches, such as observation and comparison, analysis and synthesis, induction and deduction, as well as statistical methods, macroeconomic analysis.

Results: in this article we illustrated trends and identified causes that hinder the production modernization of the whole Russian industry; we also revealed the sector that can become the driver of innovative development, which will allow to restructure the existing industrial policy and to use the existing competitive advantages.

Scientific novelty: we defined the tasks that will allow upgrading of technological base and rational resource management in industry; moreover, we defined the indicators, which allow us to estimate the competitiveness of industrial production.

Practical relevance: conclusions and suggestions can be used by governmental authorities and experts during development of strategic policy, aimed at innovative development of the Russian economy.

Keywords: innovations, industry, production, competitiveness, rational resource management, industrial policy, innovative technologies.

Modern countries with highly developed economies clearly demonstrate that innovative technologies are the basis for economic development, and their high level allows to ensure the country's competitiveness for a long-term period and to form an optimal system of industrial management.

However, development of modern industry is not always based on the innovative basis. Development of technical and technological capacity of modern industry on the innovative basis requires not only implementation of innovations into production process, but also conduct of large-scale scientific researches [1–4]. It is important that Russian industry will be focused on quality growth of material-technical base, increase of production technologies and management technologies, which should be aimed at profit maximization and increase of production efficiency, primarily at the expense of resource conservation.

Innovations in the modern economy can enhance investment opportunities of industrial enterprises at the expense of increase in turnover, coverage of new markets within and beyond the state, capital-unintensive growth of capacity utilization.

Necessity for activization of investment activity and industrial modernization are the main issues that face all regions of the Russian Federation, sectors and spheres of activity [5; 6]. All these features presuppose establishment of effective incentives for transition of the Russian economy from resource-based to innovative development way, measures on growth of investment potential, development of new tools for reduction of investment risks and creation of incentives for foreign investments.

In modern Russia within the framework of implementation of the neo-industrialization policy, machine building can be considered as a basis for development of economy based on innovations [7; 8]. It is possible to determine alternative development options that would meet all-Russian interests and interests of the Russian Federation subjects only in the conditions of coordinated efforts of governmental and regional authorities. And large volume of work is laid on Russian regions; the basic objectives, priorities, opportunities and prospects for development of each individual territory are reflected exactly in the strategies of each subject of the Russian Federation.

Two main characteristics influence the competitiveness of the Russian economy: fixed capital and resource intensity of the production process [9]. In this regard it is necessary to renovate the fixed capital within the framework of country's industry, as the available reserve of production capacities is not sufficient for competitive development of the country; and depletion of the reserve will bring the Russian economy to a state of stagnation.

Modern science-intensive developments cannot be isolated from the business environment what allows in the course of close cooperation of entrepreneurial agents to accelerate the process of detecting the areas, which require revision in relation to implementation, integration into other productions, easiness in operation and maintenance, search of qualified personnel and implementation in the field of goods and services among population.

The analysis of development of the world industrial powers allows us to confirm that it is possible to implement the projects on resource conservation in industry only through the use of innovative technologies. Rational management of resources, possessed by the industrial enterprise during manufacture of products, and simultaneous increase of quality and competitiveness of output products allow us to solve the following tasks:

- to ensure increase in the portion of resource-based and power-efficient technologies;
- reduction of unit costs of raw material-, fuel-and-energy resources in compliance with the conditions that ensure the quality;
- improvement of consumption of fuel-and-energy resources, as well as increase in the portion of the renewable energy resources;
- development and implementation of innovative power-efficient materials.

Main measures for solving the abovementioned tasks are as stated below:

- implementation of large-scale investment projects on energy supply and energy conservation;
- support of energy supply and energy conservation, provided by regional authorities;
- formulation of enterprises' policies in the field of energy supply and resource conservation.

In Russia for a long time the price was regarded as the primary competitive advantage of industrial production. In this regard, even despite the low quality of Russian industrial products, they remained in demand on foreign

and domestic markets. Nowadays we have observed a considerable increase in the prime cost of Russian industrial products at the expense of increase in tariffs for energy resources, transition to import substitution in certain product groups and raw materials, increase of wages, inefficient use of available resources and etc. [10–12].

In view of the aforesaid, reduction of the prime cost of Russian industrial products at the expense of competitive growth on domestic and foreign markets, modernization of production, growth of production efficiency, introduction of highly efficient methods of resource utilization, including introduction of non-waste technology and introduction of innovative technologies are regarded by us as expedient options.

The competitiveness of a modern industrial production can be estimated on the basis of analysis of innovative, technological, financial and marketing capabilities. Another important factor for evaluation is the analysis of human potential of the industrial enterprise. Assessment of competitiveness of the industrial enterprise allows us to evaluate advantages, disadvantages, growth reserves, risks of the economic entity, what gives the opportunity to prepare for provision of competitive positions on domestic and foreign markets. Assessment of competitiveness of the industrial enterprise includes the following group of indicators:

- need for investments at the present time, in the mid and long-term period;
- need for investments in all product groups, as per one type of products, in the individual market;
- assessment of types of competitive products, their value and volume;
- need for investments in order to ensure the marketing activity;
- need for investments into activities, aimed at demand generation;
- need for investments in order to ensure a continuous upgrade of output products through use of innovative technologies.

Competitiveness of Russian industry can be achieved through implementation of the following activities:

- transformation of the existing industrial policy, with account of modern trends in the development of groundbreaking technologies;
- development of industrial infrastructure, which meets modern world requirements;
- formation of the strategy for modernization of Russian industry in sectors with use of not only

- public investments, but also tools of public-private partnership;
- development of capital intensive production at the expense of public investments;
- development of alternative forms of industrial productions in mono-cities, which have a high competitive potential;
- development of new technologies that are necessary for intensification of industrial production.

Nowadays most of industrial enterprises, located on the territory of Russia, develop with government assistance; they carried out restructuring of production, they are generally focused on saturation of domestic market with industrial products. The Russian state is the main agent that provides investment, innovative and technological development [13; 14]. Now there are various government programs in the Russian Federation aimed at development of the Russian industry at the federal level (State program of the Russian Federation “Development of industry and increase of its competitiveness” [15]; State program of the Russian Federation “Development of shipbuilding in 2013–2030”; State program “Development of pharmaceutical and medical industry in 2013–2020”; State program of the Russian Federation “Development of electronic and radio-electronic industry”; State program of the Russian Federation “Development of aviation industry in 2013–2025”), as well as at the regional level.

Implementation of federal programs aimed at development of the Russian industry will allow us to achieve the following:

- to strengthen positions of the domestic developments on internal and global markets;
- to increase the number of import-substituting products;
- to modernize the production capacities of industrial complex, including machine-building industry;
- to develop and implement energy-efficient systems into the production activity of industrial enterprises.

Programs, aimed at development of the Russian industry, are focused on improvement of normative-legal regulation of the Russian industry, on formation of new directions in state policy within the framework of industry, on development of priority sectors in the Russian industry.

In general, the state regulation of industry includes the following activities: monitoring the status of industrial production sectors, their analysis; elaboration of measures on improving the management of industrial production; improvement of normative-legal base in the field of industrial production, development of standing orders in the field of standardization and technical regulation of industrial production, development of measures on support of large-scale projects; inclusion of priority directions in researches of the industrial sector developments to the plan.

The low level of development of Russian industry is connected both with external and internal factors, among which one should distinguish lack of high management culture, lack of effective incentives for reformation of production.

In modern Russia, machine building as the main “core” of the Russian industry is a source of innovative development. But at the same time, the state remains the main initiator of establishing the directions for development of scientific-technical potential and stimulation of enterprises’ innovation activity. In this regard, it is necessary to ensure the upgrade of technological basis of production, to orient industrial enterprises on development of new markets, it is necessary to reduce state financing of industrial enterprises, making transition to the non-budgetary sources, to ensure transparency in allocation of resources; to increase competition for government order; it is necessary to provide support for strategic investors, what will allow to attract new technologies for upgrade of the technological base and expansion of the range of output products. All this can lead to restructuring of the current industrial policy, which allows to use the existing competitive advantages and to establish new ones.

References:

1. Nikiforova A. E. Innovatsionnye tsentry: osnovnye kontseptsii i podkhody // *Ekonomicheskiiye strategii*. – 2013. – № 7. – S. 116–125.
2. Bochkareva T. V., Gavrilina Ye. N. Gosudarstvennye mekhanizmy regulirovaniya innovatsionnogo razvitiya ekonomiki Rossiyskoy Federatsii // *Vestnik Gosudarstvennogo universiteta upravleniya*. – 2009. – № 2. – S. 109–113.

3. Yashin S. N., Shapkin Ye. N. Osnovnye napravleniya formirovaniya strategii innovatsionnogo razvitiya i otsenki innovatsionnogo potentsiala predpriyatiy // *Finansy i kredit*. – 2008. – № 11. – S. 86–92.
4. Shlychkov V. V. Ob otdelnykh aspektakh protsessa modernizatsii rossiyskoy ekonomiki // *Vestnik ekonomiki, prava i sotsiologii*. 2015. № 1. S. 78–82.
5. Andrianov V. A. Konkurentosposobnost Rossii v mirovoy ekonomike // *Ekonomist*. – 2012. – № 10. – S. 33–42.
6. Kashirin V. V., Bondar G. A. Osobennosti i perspektivy razvitiya promyshlennosti po otraslyam // *Aktualnye voprosy innovatsionnoy ekonomiki*. – 2013. – № 2. – S. 108–117.
7. Shcherbakov V. N., Khalidov R. A. Ekonomika promyshlennosti: printsipy upravleniya dolgosrochnoy strategiyey razvitiya // *Transportnoye delo Rossii*. – 2012. – № 6–3. – S. 46–49.
8. Samigullin I. G. Upravleniye konkurentosposobnostyu predpriyatiy mashinostroitel'nogo kompleksa na osnove vnedreniya uluchshayushchikh innovatsiy»: avtoref. dis. ... kand. ekon. nauk. – Kazan, 2015. – 24 s.
9. Timofeyev R. A., Alafuzov I. G., Nestulayeva D. R. Sootnosheniye i vzaimosvyaz osnovnykh kategoriy resursnoy kontseptsii // *Gorizonty ekonomiki*. 2015. № 6 (25). S. 24–28.
10. Timofeyev R. A., Bataykin P. A. Klyuchevye voprosy politiki torgovo-ekonomicheskikh sanktsiy v sovremennykh usloviyakh rossiyskoy ekonomiki // *Vestnik ekonomiki, prava i sotsiologii*. 2016. № 1. S. 91–94.
11. Vedin N. V., Shlychkov V. V., Khasanova A. Sh. Discursive Practices in Cooperative Structures // *Indian Journal of Science and Technology*. December 2015. Vol 8 (S10). DOI: 10.17485/ijst/2015/v8iS10/84877
12. Bataykin P. A., Khasanova A. S., Shlychkov V. V., Toumashev A. R., Toumasheva M. V. Economic growth in the conditions of resource constraints: ordinal approach to optimization of macroeconomic production structure // *Journal of Applied Economic Sciences*. 2016. T. 11. № 3. S. 521–531.
13. Shlychkov V., Nestulaeva D. Economic science and evolution of economic agents' expectations formation process // *Asian Social Science*. 2015. T. 11. № 19. C. 82–89. DOI:10.5539/ass.v11n19p82
14. Bataykin P. A. Razrabotka i realizatsiya bikheviyevskoy paradigmy regulirovaniya sovremennoy rossiyskoy ekonomiki. – M.: Ekonomika, 2014. – 298 s.
15. Postanovleniye Pravitelstva Rossiyskoy Federatsii ot 15 aprelya 2014 g. № 328 “Ob utverzhdenii gosudarstvennoy programmy Rossiyskoy Federatsii “Razvitiye promyshlennosti i povysheniye eyo konkurentosposobnosti” // *SZ RF*. – 2014. – № 18 (ch. IV). – St. 2173.

Information about the authors

Kulish Sergey Mikhaylovich, candidate of economic sciences, associate professor of Department “Management” of Kazan State Power Engineering University
420066, Kazan, st. Krasnoselskaya, 51, tel.: +7 (843) 519-42-91
E-mail: kulishsm@yandex.ru
ORCID: <http://orcid.org/0000-0002-7392-1340>

D. R. NESTULAYEVA¹¹ Kazan State Power Engineering University

REMOTE LEARNING MODEL — AS AN INNOVATIVE FORM OF MODERN RUSSIAN EDUCATION

Abstract

Objective: to consider new learning models in higher education system in the course of training of highly qualified personnel; to detect advantages and disadvantages of remote learning system for students.

Methods: in this work we used general scientific methods of theoretical learning, which allowed us to examine new forms and models of learning, used in the modern educational process.

Results: we revealed directions of learning methods in higher educational institutions and estimated contribution of intellectual capital into economic growth of the country.

Scientific novelty: we estimated the contribution of remote learning model in the training of highly qualified personnel; this model will allow to increase the return of investments into education and to positively affect the economic growth of the country.

Practical relevance: fundamental provisions of the article may be used in preparation of “the road map” of development of higher educational institutions and training of personnel for modernized economy.

Keywords: education technologies, electronic learning, remote model, education reform.

In contemporary realities, when rapid development of information technologies and constant increase of information volume take place, new professional requirements are imposed on educational institutions producing highly qualified specialists. Today the professionals' motto is as follows — “Study, study and study” — continuous education throughout the whole life. The capacity for continuous improvement, training and development becomes one of the important qualities that determine competitiveness of a person on the labor market. The country's orientation on the innovative development path and modernization of the Russian economy determine the necessity for reformation of the existing system of higher education (HE), which must be focused on changing the content and quality of training of future specialists [1–4]. These changes relate not only to the methodological framework of higher education, what is conditioned by active use of information technologies, emergence of electronic learning environments, remote educational innovations and on-line learning, but also to transformation of its internal structure — combination of two functions in a higher educational institution: “temple of knowledge” and commercial enterprise [5–6]. The Ministry of education and science of the Russian Federation has been conducting a

general reform of educational institution (from general education schools to higher educational institutions) for several years already.

Changes in the educational process, specifically in a higher education, are predetermined not only by requirements of employers for future graduates, but also by contemporary realities — globalization, erasing boundaries between countries, increases competition among educational institutions and among graduates of higher educational institutions [7]. Annual efficiency rating of Russian higher educational institutions, in which many indicators are taken into account — from availability of material and technical base to cooperation with potential employers, unification of higher educational institutions into federal universities or national institutes, annual introduction of new federal state educational standards etc. are the main stimulus in solving the task that faces the institute of education in training of highly-sought, skilled professionals. Another current necessity for retraining and professional development of the personnel, as well as for provision of education to everyone (regardless of age, health restrictions, territorial remoteness, basic training, financial status) imposes new requirements for forms and methods of training, aimed at obtaining qualitative and fundamental education [8].

All these features lead to emergence of previously unknown innovative forms and learning technologies, for example, technologies of remote learning or electronic education (e-Learning). According to article 16 of the Federal law No. 273-FZ “About education in the Russian Federation” as of December 29, 2012, “remote learning technologies” mean educational technologies, implemented mainly with use of information-telecommunication networks in indirect (at a distance) interaction between students and teaching employees. This federal law also gives definition of “e-learning”, which means organization of educational activities with use of information, contained in databases and applied in implementation of educational programs, and information technologies, which ensure its processing, technical means, as well as information-telecommunication networks, which allow transmission of this information on communication lines, interaction between students and teaching employees [9]. Thus, the concept of “e-learning”, or as it is also called “remote learning”, is finally fixed in the Russian legislation. E-learning is a new phenomenon for Russia, although in world practice of higher education institutions the information technologies are applied for more than one decade. People began to speak about the remote learning technology for the first time in Europe and the United States in the 1960s. The world’s first university of remote education was founded in the Great Britain; it was called “Open University”. Exactly this university developed academic plans, programs, training manuals and educational technologies for the first time. Today “Open University” is a world leader in remote education. Other earliest centers of remote education in Europe are as follows: National Centre for Remote Learning (CEND) in France (founded in 1969); National University of Remote Education (Universidad Nacional de Educacion a Distancia) in Spain (1972); Baltic University (BU) with the headquarters in Stockholm, which unites 10 countries of the Baltic region. The analog of such universities in the USA was the National Technological University, founded in 1984, which by the early 90-s turned into consortium of 40 universities. Today in order to acquire new knowledge, millions of people in the world use e-learning resources. The rapid growth of their popularity is connected with the fact that they allow a learner to choose on his own a training program, amount of time for lecture-listening, and also to opt for popular, high-rated programs and seminars of the best professors around the world.

The learning process becomes flexible and adjusts to the student’s capabilities and desires, what increases the level of motivation for studying the training material. Another not insignificant and for someone the main factor is that the cost of e-learning is much lower in comparison with full-time and even extramural form of study. Most of Russian citizens have income just above the living wage, and getting a higher education is regarded by us as something obligatory, for example in 2012 Russia took the first place in the world in amount of citizens aged from 26 to 64 with high education — 54% [10]; this is a catalyst that accelerates the development of remote learning in our country, as the demand for this service will only increase in course of time because of crisis processes in the world. Apart from low cost of learning, electronic educational recourses erase geographical boundaries and equalize the opportunities of getting education for residents of remote areas, who for gaining new knowledge do not have to bear transport costs for going to University. But, despite these mentioned advantages, e-learning has a number of disadvantages, which in terms of weight can be attributed to technical flaws — these are the necessity for access to modern computer technology and different level of distribution of information-telecommunication networks. This problem can be solved through possibility of connection to electronic educational resources in public institutions such as schools, universities, libraries. Another disadvantage may be that work in electronic educational space is unfamiliar and new for most of the Russians; therefore it is necessary to give an initial training on the basics of work in the system. Another problem in implementation of e-learning is that the development of a high-quality, elaborated and comprehensible web course requires much time and financial costs. Therefore, many courses may be superficial and do not give the volume and fullness of knowledge that correspond to the level of education received within the walls of educational institutions. Many experts in the field of remote learning say that nothing can fully replace communication with a real teacher or atmosphere that develops during classroom lessons between students. It is believed that e-learning is most effective when it is used as an addition that enriches traditional educational process and replaces 40–60% of the academic material [11]. However, no one insists on replacing the traditional learning with its online alternative; e-learning is one of the existing forms of education that gives opportunity to make education really popular

and continuous. Still, these mentioned disadvantages do not diminish the importance of electronic educational resources, as world experience of using this learning method demonstrates their efficiency. The Republic of Korea may serve as a vivid example, which in the 1990s and the 2000s faced the task of transformation of the economy and its transition to the postindustrial footing. One of key projects of this transition was the legislative equalization in the rights of traditional and electronic education. For example, Cyber Home Learning System, that allows us to get education at home, is integrated into 3/4 of Korean schools. 19 electronic universities function in the country, and the result of transformation of the South Korea's economy, as I think, is evident almost for everyone [12]. Today Russia faces the same problems — transformation of sectors of the national economy and transition from raw orientation of the country towards high-tech economy; and performance of such large-scale reforms requires skilled personnel that can receive in-service training and retraining by using elec-

tronic (remote) education. Mass implementation of this system (let us stipulate once again that it should not replace other forms of learning, e-learning should exist along with them) would give positive results in the following areas:

1. Graduate: satisfaction with training and fullness of the obtained knowledge at the expense of individual approach to study of material and time for its examination.
2. Higher educational institution: increase of financial figures at the expense of expanding the range of educational services for citizens of their country, as well as for export of these services abroad. Moreover, higher educational intuition acquires new experience, knowledge in this area, and on this basis the educational system improves.
3. Society: growth of general cultural level of the population and reduction of social tensions.
4. State: increase of return on investments into education.

References:

1. Shlychkov V.V. Ob otdelnykh aspektakh protsessa modernizatsii rossiyskoy ekonomiki // Vestnik ekonomiki, prava i sotsiologii. 2015. № 1. S. 78–82.
2. Kadyshchev Ye. N., Petrova I. V. Kadrovoye obespecheniye sovremennogo upravleniya sotsialno-ekonomicheskimi razvitiyem territorii na munitsipalnom urovne // V sb.: Sostoyaniye i perspektivy razvitiya innovatsionnykh tekhnologiy v Rossii i za rubezhom. Yoshkar-Ola, 2016. S. 102–105.
3. Aleksandrov A.Yu. Problemy sistematizatsii rossiyskogo obrazovatel'nogo zakonodatel'stva // V sb.: Problemy kachestva rossiyskogo zakonodatel'stva. Vserossiyskoy nauchno-prakticheskoy konferentsii. – Yoshkar-ola, 2016. S. 3–8.
4. Vedin N. V., Shlychkov V. V., Khasanova A. Sh. Discursive Practices in Cooperative Structures // Indian Journal of Science and Technology. December 2015. Vol 8 (S10). DOI: 10.17485/ijst/2015/v8iS10/84877
5. Aleksandrov A.Yu. Mnogoprofilnyye universitety v innovatsionnom razvitii regional'noy ekonomiki // V sb.: Sostoyaniye i perspektivy razvitiya innovatsionnykh tekhnologiy v Rossii i za rubezhom. – Yoshkar-ola, 2016. S. 14–20.
6. Aleksandrov A.Yu. Zakonomernosti i printsipy razvitiya obrazovatel'nogo prostranstva regiona // Vestnik ekonomiki, prava i sotsiologii. 2016. № 2. S. 7–11.
7. Aleksandrov A.Yu. Obrazovatel'naya uslugi v formirovaniye proizvoditel'nykh sil obshchestva // Vestnik Povolzhskogo gosudarstvennogo universiteta servisa. Seriya: Ekonomika. 2016. № 2 (44). S. 113–117.
8. Shlychkov V.V., Timofeyev R. A. Aktualnye voprosy podgotovki spetsialistov v oblasti energeticheskogo menedzhmenta // Energetika Tatarstana. 2012. № 2. S. 75–79.
9. Federal'nogo zakona ot 29.12.2012 g. № 273-FZ "Ob obrazovanii v Rossiyskoy Federatsii" // SPS "Garant".
10. Rossiya okazalas pervoy v mire po chislu obrazovannykh lyudey. – URL: <http://newsland.com/news/detail/id/1035205/>
11. Prokofyeva T.Yu. Stanovleniye i razvitiye distantsionnogo obucheniya v mire. – URL: <http://www.samoupravlenie.ru/29-09.php>
12. Yapparov T. Elektronnoye obrazovaniye kak bazis "umnogo" obshchestva. – URL: http://www.it.ru/press_center/publications/4252

Information about the authors

Nestulaeva Diana Rustamovna, candidate of economic sciences, associate professor of Department “Management” of Kazan State Power Engineering University
420066, Kazan, st. Krasnoselskaya, 51, tel.: +7 (843) 519-42-91
E-mail: diana_n_r@mail.ru
ORCID: <http://orcid.org/0000-0002-4885-449X>

E. A. RYBKINA¹¹ Kazan State Power Engineering University

DISCOUNT RATE: CONCEPT AND SPECIFIC THEORETICAL AND METHODOLOGICAL APPROACHES TO ITS CALCULATION

Abstract

Objective: to analyze different definitions of the concepts that describe a minimum level of income amount, expressed in percentage terms, found in scientific articles of domestic and foreign periodical publications, textbooks, monographs, manuals and normative-legal acts.

Methods: in this study we used theoretical research methods for evaluation of data collected during examination of the literary sources. Examination of references gave the opportunity to find out which aspects and issues on the announced subject are already sufficiently well-studied and which of them are still under scientific discussions and which issues remain unsolved.

Results: this study actualizes the problem of textual discrepancies and interpretation of the essence of the concept “discount rate”, investigates the correct use of its interpretations by authors in different contexts. Special attention is paid to the results of analysis of approaches to the term in view of economic and mathematical (technical) senses.

Scientific novelty: the author systematized and analyzed topical interpretations of the essence “discount rate” and revealed the obtained results from economic and mathematical points of view. Economic sense of discount rate means the minimum interest rate, below which the amount of relative income is not acceptable (allowable) for the potential investor; mathematical sense is revealed in the instruments that define its value (amount of interest).

Practical value: fundamental propositions of this work can be used in research activities on the issue of calculation and application of the discount rate; the work may be of interest for practicing economists.

Key words: discount rate, investments, risk, discounting, rate, per cent, coefficient.

References:

1. Rimer M. I., Kasatov A. D., Matiyenko N. N. Ekonomicheskaya otsenka investitsy [Tekst]. 2-e izd./Pod obshch. red. M. I. Rimer – SPb.: Piter. – 2008. 480 s.
2. Shlychkov V. V. Teoreticheskaya sushchnost riska kak negativnogo faktora investirovaniya // Vestnik ekonomiki, prava i sotsiologii. 2007. № 1. S. 54–58.
3. Bataykin P. A. Teoreticheskiye osnovy issledovaniya osobennostey opportunisticheskogo povedeniya potrebitel'ey // Gorizonty ekonomiki. 2013. № 1 (6). S. 17–19.
4. Kulish S. M. Determinirovanny faktorny analiz resursnogo potentsiala subyekta predprinimatelstva // Kazansky pedagogichesky zhurnal. 2015. № 3 (110). S. 176–179.
5. Zhevnyak A. V. Matematicheskaya teoriya diskontirovaniya denezhnykh potokov. Matematicheskaya teoriya kredita [Tekst] / A. V. Zhevnyak Matematicheskaya teoriya kredita Ryazan: Rinfo. – 2010. 384 s.
6. Chetyrkin Ye. M. Finansovaya matematika [Tekst]: Uchebnik. – 4-e izd. – M.: Delo. – 2004. 400 s.
7. Kovalev V. V. Metody otsenki investitsionnykh proyektov [Tekst]. – M.: Finansy i statistika. 2000. 144 s.
8. Lavrukhina N. V. Sravnitelny analiz metodov otsenki ekonomicheskoy effektivnosti investitsy // Teoriya i praktika obshchestvennogo razvitiya. – 2014. – № 16. – s. 82–86.
9. Shlychkov V. V., Kulish S. M. Metodicheskiye rekomendatsii po organizatsii rabot po upravleniyu resursnym potentsialom promyshlennogo predpriyatiya // Ekonomicheskiye nauki. 2009. № 54. S. 277–281.
10. Managarov R. Obzor metodov rascheta stavki diskontirovaniya. URL: http://www.cfin.ru/finanalysis/math/discount_rate.shtml.

11. Kurakina Yu. G. Otsenka riskov v investitsionnom analize // Vestnik FA. – 1997. – № 1. – s. 76–83.
12. Anshin V. M. Investitsionny analiz: Ucheb.-prakt. posobiye. – 3-e izd., ispr. – M.: Delo. – 2004. – 280 s.
13. Mikhaylova E. A., Orlova L. N. Ekonomicheskaya otsenka investitsy: Uchebnoye posobiye. – Rybinsk: RGATA. – 2008. – 176 s.
14. Lukashov N. V. Obobshchyonny analiz metodov adekvatnogo vystavleniya stavki diskontirovaniya pri investitsionnom proyektirovanii // Innovatsii. – 2007. – № 5 (103). – s. 76–79.
15. Spiridonova Ye. A. O nekotorykh metodologicheskikh problemakh pri opredelenii stavki diskontirovaniya // Yevrazysky soyuz uchenykh (ESU). – 2015. – № 7 (16). – s. 141–144.
16. Staroverova G. S. Ekonomicheskaya otsenka investitsy: Ucheb. posobiye / G. S. Staroverova, A. Yu. Medvedev, I. V. Sorokina. – M.: KNORUS. – 2006. – 312 s.
17. Smolyak S. A. O norme diskonta dlya otsenki effektivnosti investitsionnykh proyektov v usloviyakh riska [Elektronnyy resurs] // Audit i finansovy analiz. – 2000. – № 2. <http://www.valmaster.ru/download/archive/Smoliak1.pdf>
18. Vilensky P. L., Livshits V. N., Smolyak S. A. Otsenka effektivnosti investitsionnykh proyektov. Teoriya i praktika. – 4-e izd. – M.: Delo. – 2009. – 1104 s.
19. Basovsky L. E., Basovskaya Ye. N. Ekonomicheskaya otsenka investitsy: Ucheb. posobiye. – M.: INFRA-M. – 2007. – 241 s.
20. Kamnev I. M., Zhulina A. Yu. Metody obosnovaniya stavki diskontirovaniya // Problemy ucheta i finansov. – 2012. – № 2. – s. 30–35.
21. Baryshev M. A. Stavka diskontirovaniya dlya otsenki investitsionnogo proyekta: ponyatiye, neobkhodimost primeneniya i metody raschyota // Vestnik Belgorodskogo universiteta kooperatsii, ekonomiki i prava. – 2011. – № 2 – s. 284–287.
22. Keyns J. M. Obshchaya teoriya zanyatosti, protsenta i deneg. Izd. Gelios ARV. – 2015. – 325 s.
23. Esipov V. E., Makhovikov G. A., Terekhova V. V. Otsenka biznesa. 2-e izd. – SPb.: Piter. – 2006. – 464 s.
24. Gryaznova A. G., Fedotova M. A. Otsenka biznesa Uchebnik. Pod red. A. G. Gryaznovoy, M. A. Fedotovoy. 2-e izdaniye, pererab. i dop. M. – 2008 g. – 736 s.
25. Kacheyants M. B., Kolesnikova Ye. N. Opredeleniye stavki diskontirovaniya pri otsenke biznesa // Gornyy informatsionno-analitichesky byulleten (nauchno-tekhnichesky zhurnal). – 2010. – № 1. – s. 154–158.
26. Yamaletdinova G. Kh. Metody otsenki stavki diskontirovaniya v investitsionnom analize // Sovremennyye tendentsii v ekonomike i upravlenii. – 2011. – № 7. – s. 300–304.
27. Yamaletdinova G. Kh. Stavka diskontirovaniya v otsenke biznesa i investitsionnom analize // Vestnik Bashkirskogo universiteta. – 2010. – T. 15. – № 4. – s. 1290–1293.
28. Grafova G. F. Diskontirovanny ekonomichesky effekt kak osnovnoy pokazatel dlya otsenki investitsionnykh proyektov // Innovatsii. – № 3 (90). – 2006. – s. 106–108. Kolmykova T. S. Investment analysis [Text]: Manual – M.: Infra-M, – 2009. – 204 p.
29. Kolmykova T. S. Investitsionny analiz [Tekst]: Uchebnoye posobiye – M.: Infra-M, – 2009. – 204 s.
30. Garbuzov D. O., Sterkhov A. V. Modelirovaniye stavki diskontirovaniya pri otsenke kommercheskoy nedvizhimosti metodom diskontirovannykh denezhnykh potokov // Aktualnye voprosy menedzhmenta i marketinga. – 2014. – № 38. – s. 36–46.
31. Kamnev I. M. Kontseptualnye podkhody k obosnovaniyu stavki diskontirovaniya // Finansovaya analitika; problemy i resheniya. – 2012. – № 20. – s. 8–15.
32. Vankhorn James S., Vakhovich Jr, John M. Osnovy finansovogo menedzhmenta. 12-e izd.: Per. s angl. – M.: I. D. Vilyame. – 2008. – 1232 s.
33. Blank I. A. Investitsionny menedzhment. Uchebny kurs – K.: Elga-N, Nika-Tsentr. – 2001. – 448 s.
34. Shabalin A. N. Investitsionnoye proyektirovaniye. Uchebno-metodichesky kompleks. – M.: Izd. Tsentr EAOI. – 2008. – 184 s.
35. Esipov V. E., Makhovikov G. A., Terekhova V. V. Otsenka biznesa. 2-e izd. – SPb.: Piter. – 2006. – 464 s.
36. Sharp U., Aleksandr G., Beyli J. Investitsii: Per. s angl. – M.: INFRA-M, 2001. – VII, – 1028 s.

37. Fishmen D., Pratt Sh., Griffit K., Wilson K. Rukovodstvo po otsenke stoimosti biznesa [Tekst]: Rossyskoye izdaniye pod redaktsiyey V.M. Rutgayzera. ZAO "Kvinto-konsalting". – 2000. – 369 s.
38. Blinova Ye. A. Opredeleniye stavki diskontirovaniya dlya otsenki investitsionnykh proyektov v kompaniyakh realnogo sektora ekonomiki // Sotsialnye sistemy i pravo: sbornik nauchnykh trudov, posvyashchenny 15-letiyu kafedry sotsialnykh sistem i prava SGAU. – 2015. – s. 7–13.
39. Podlubny A. V., Slepukhina A. A., Buchayeva S. A. Investitsionny analiz: voprosy vybora stavki diskontirovaniya dlya otritsatelnykh denezhnykh potokov // Voprosy strukturizatsii ekonomiki. – 2013. – № 3. – s. 21–27.
40. Kurilova A. A., Kurilov K. Yu. Khedzhirovaniye valyutnykh i tovarnykh riskov s ispolzovaniyem optionov predpriyatiyami avtomobilnoy promyshlennosti // Audit i finansovy analiz. – 2011. – № 2. – s. 132–137.
41. Metodicheskiye rekomendatsii po otsenke effektivnosti investitsionnykh proyektov (vtoraya redaktsiya). Ofitsialnoye izdaniye. Utverzhdeno: Ministerstvo ekonomiki RF, Ministerstvo finansov RF, Gosudarstvennyy komitet RF po stroitelnoy, arkhitekturnoy i zhilishchnoy politike, № VK477. Ot 21.06.1999. M.: Ekonomika. – 2000. – 421 s.
42. Nepomnyashchy Ye. G. Investitsionnoye projektirovaniye: Uchebnoye posobiye – Taganrog: Izd-vo TRTU. – 2003. – 262 s.
43. Bataykin P. A. Osobennosti realizatsii funktsy gosudarstva v sisteme raspredeleniya dokhodov // Vestnik ekonomiki, prava i sotsiologii. 2011. № 3. S. 16–18.
44. Rybkina Ye. A. Investitsionnaya privlekatelnost proyekta: sushchnost i podkhody k otsenke // Vestnik PNIPU. Sotsialno-ekonomicheskkiye nauki. – 2016. – s. 269–281.

Information about the authors

Rybkina Elena Aleksandrovna, candidate of economic sciences, associate professor of Department "Management" of Kazan State Power Engineering University

420066, Kazan, st. Krasnoselskaya, 51, tel.: +7 (843) 519–42–91

E-mail: fishkarea@mail.ru

ORCID: <http://orcid.org/0000-0001-8932-8405>

Е. А. РЫБКИНА ¹

¹ Казанский государственный энергетический университет

СТАВКА ДИСКОНТИРОВАНИЯ: ПОНЯТИЕ И ОТДЕЛЬНЫЕ ТЕОРЕТИКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ПОДХОДЫ ЕЁ РАСЧЁТОВ

Аннотация

Цель: проанализировать различные определения понятий, описывающих минимальный уровень величины дохода, выраженного в процентах, встречающегося в научных статьях отечественных и зарубежных периодических изданиях, учебниках, монографиях, учебных пособиях и нормативно-правовых актах.

Методы: в работе использовались теоретические методы исследования для оценки собранных данных при изучении литературных источников. Изучение литературы дало возможность узнать, какие стороны и проблемы уже достаточно хорошо изучены по заявленной теме, а по каким ведутся научные дискуссии, какие вопросы еще не решены.

Результаты: в работе актуализируется проблема разночтений и интерпретации сущности понятия ставки дисконтирования, исследуется корректность употребления её трактовок авторами в различных контекстах. Особое внимание акцентируется на результатах анализа подходов к термину в разрезе экономического и математического (технического) смысла.

Научная новизна: автор систематизировал и проанализировал актуальные трактовки сущности ставки дисконтирования и полученные результаты раскрыл с экономической и математической точек зрения.

Экономический смысл ставки дисконтирования подразумевает минимальную процентную ставку, ниже которой величина относительного дохода не является приемлемой (допустимой) для потенциального инвестора; математический — раскрывается в инструментарии определения её значения (размера процента).

Практическая значимость: базовые положения настоящей работы могут быть использованы в рамках исследовательской деятельности по вопросу расчета и применения ставки дисконтирования; работа может представлять интерес для практикующих экономистов.

Ключевые слова: ставка дисконтирования, инвестиции, риск, дисконтирование, норма, процент, коэффициент.

Наличие в настоящее время некой суммы относительно свободных денежных средств у человека порождает желание обладать ими и в ближайшем или отдалённом будущем. При этом различная ценность денег во времени, трактуемая концепцией временной стоимости денег (TVM — Time Value of Money), порождает стремление сохранить их и/или преумножить. В тоже время понятие «сохранить» предполагает приобретение не меньшего количества благ на ту же сумму денежных средств, но завтра, через месяц, через год ... А «преумножить» — подразумевает приобретение большего количества благ на ту же сумму денежных средств, но в будущем. Первое, что оправдывает снижение стоимости денег во времени, это инфляция. Соответственно, требуется её учёт при решении вопросов сохранения денежных средств во времени. Владелец денежных средств (некого капитала), желающий их преумножить, становится инвестором. В таком случае, прирост денежных средств (капитала) в результате инвестирования должен быть достаточным, чтобы:

1. компенсировать инвестору отказ от использования имеющихся средств на потребление в текущем периоде в минимально приемлемом для него размере;
2. компенсировать обесценение денежных средств в связи с предстоящей инфляцией;
3. гарантировать возмещение возможных потерь в связи с наступлением инвестиционных рисков [1, с. 96–97; 2–4].

Следовательно, такая величина дохода на инвестированный капитал должна характеризовать её нижний уровень. Здесь перед инвестором возникает вопрос: при помощи какого инструмента (процента, коэффициента, формулы) количественно оценивать собственный экономический интерес (минимальный и приемлемый/нормальный уровень доходности) от вложения денежных средств, то есть норму дохода? При этом инструмент (процент, коэффициент, формула) должен быть прозрачным, объективным и общепризнанным.

В отечественной литературе под минимальным уровнем величины дохода, выраженным в процентах, подразумевается норма (ставка) дохода, ставка (коэффициент) дисконтирования, норма дисконта, ставка сравнения, требуемая норма доходности, стоимость капитала. В зарубежной же литературе под описанной величиной дохода подразумевается discount rate.

Чтобы выяснить, являются ли перечисленные термины синонимами, и/или какие отличительные особенности они имеют, автором было рассмотрено порядка 160 научных статей в отечественных и зарубежных периодических изданиях и около 80 учебников, монографий, учебных пособий и нормативно-правовых актов. Теоретические и методические подходы к ставке дисконтирования, изложенные в трудах таких авторов, как Дж. М. Кейнс, Ш. Пратт, Джеймс С. Ванхорн, Гр. Клиффорд, У. Кейт, У. Шарп и др., были обобщены и творчески переработаны. Промежуточные результаты исследования систематизированы в таблице 1, из которой следует, что:

- во-первых, отечественные учёные называют такую величину ставкой, нормой или коэффициентом.
- во-вторых, самым распространённым термином является ставка дисконтирования.
- в-третьих, Джон Мейнард Кейнс как исторически первый автор, подробно описавший ставку дисконтирования, назвал данную величину нормой процента.

В целях определения степени правомерности употребления терминов, в энциклопедических словарях найдены следующие определения:

- ставка — норма, зафиксированный размер какой-либо относительной величины, применяемая для определения относительно какой-либо базы абсолютной величины [5]
- коэффициент — число, на которое помножается другая величина.

Следовательно, правомерно употреблять все 3 перечисленные наименования. При этом понятие

Таблица 1. – Авторские подходы к терминам

Наименование	Ставка дисконтирования				Норма					
	Ставка дисконтирования	Стоимость капитала	Коэффициент дисконтирования	Капитализации	Сравнения	Дисконта	Про- цента			
		Требуемая ставка дохода						-	Rate of Discount	
Аншин В. М.	Ставка дисконтирования	Пратт Ш.	Лаврова Е.	Лукашев Н. В.	Савчук В. П.	Методические рекомендации по оценке эффективности инвестиционных проектов (вторая редакция) № ВК477. От 21.06.1999	Кейнс Дж. М.			
Барышев М.А.								Постановление Правительства РФ от 22.11.97 г. № 1470	Грязнова А. Г., Федотова М.А.	Непомнящий Е. Г.
Бланк И. А.								Ванхорн Джеймс С., Вахович мл., Джон М.	Михайлова Э.А.	
Блинова Е. А.								Манагаров Р.	Староверова Г. С.	
Виленский П.А., Лившиц В. Н., Смоляк С.А.										
Гарбузов А. О., Стерхов А. В.										
Дасковский В., Киселев В.										
Ендовицкий Д. А., Коробейников Л. С., Сысоев Е. Ф.										
Есипова В. Е., Маховикова Г.А., Терехова В. В.										
Замбрицкая Е. С., Мурикова А. Р., Тиханова Е. И.										
Камнев И. М., Жулина А. Ю.										
Касьяненко Т.Г., Маховикова Г.А.										
Качаянц М. Б., Колесникова Е. Н.										
Ковалев А.А.										
Колмыков Т. С.										
Куракина Ю.Г.										
Курилова А. А., Курилов А. Ю.										
Лаврухина Н. В.										
Липсиц И. В., Косов В. В.										
Подлубный А. В., Слепухина А. А., Бучаева С.А.										
Смоляк С.А.										
Спирidonova Е.А.										
Фишмен Джей, Прагт Шэннон, Гриффит										
Клиффорда, Уилсон Кейт.										
Шабалин А. Н.										
Шарп У., Александр Г., Бэйли Дж.										
Ямалетдинова Г.Х.										
Авторы, придерживающиеся данного наименования										

«коэффициент» более однозначное. Оно подразумевает математический знак, т. е. число, кем-то установленное или рассчитываемое по некой, будем подразумевать, объективной формуле. Понятие «ставка», подразумевающая норму, что носит некий субъективный характер, предполагая некую нормальность, то есть оптимальность, приемлемость.

В зарубежной литературе количество денег, которое инвестор желает получить при их вложении, определяется при помощи discount rate, что в переводе означает учётную ставку, учётный процент, ставку дисконта. Здесь возникает такая категория, как учётная ставка (процент). При этом в Большом бухгалтерском словаре при поиске определения «дисконтная ставка» автор нас отправляет к определению «учётная ставка» и трактует его как ставку, по которой коммерческие банки учитывают векселя. Правомерно ли ставить знак равенства между учётной ставкой и дисконтной ставкой? В минимальной или полной мере она компенсирует инвестору отказ расходования денежных средств в настоящее время, инфляцию и риски? И компенсирует ли?

Итак, в настоящее время помимо отсутствия единого подхода к определению экономического содержания и, следовательно, порядка расчёта ставки дисконтирования, отсутствует единое понимание сущности данного термина.

Тем не менее, процессы начисления сложных процентов, дисконтирования такие же древние, как и сам процесс кредитования, и используются финансовыми институтами с незапамятных времен. Так, практика взимания процентов за выданные в долг деньги существовала ещё до нашей эры. Например, в Древней Греции взымали от 10 до 36% суммы долга в год. В «Русской Правде» годовой рост на занятый капитал определялся в 40% [6, с. 17]. Содержание ставки дисконтирования же сформулировано ещё в тридцатые годы прошлого столетия в работах И. Фишера и Дж. М. Кейнса. В дальнейшем развитие этой проблемы освящено в работах Г. Марковица, У. Шарпа и других. Однако, в большинстве своём, современные авторы пересказывают, частично дополняя, частично искажая смысл классической ставки дисконтирования, описанный И. Фишером и Дж. М. Кейнсом. Далее автор систематизировал, проанализировал актуальные трактовки сущности ставки дисконтирования и полученные результаты раскрыл с экономической и математической точек зрения.

Экономический смысл ставки дисконтирования

Самой распространённой трактовкой ставки дисконтирования является определение, описывающее её экономический смысл. А именно, ставка дисконтирования — это норма доходности на вложенный капитал (инвестиционные вложения), требуемая инвестором. Другими словами, это некий процент, характеризующий стоимость денег, при котором владелец капитала согласен инвестировать, т. е. желаемый процент (Opportunity Rate of Return). Такого подхода придерживаются Ковалев А. А., Лаврухина Н. В. [7, с. 32; 8, с. 84].

Стоит отметить, что согласие инвестировать капитал предопределяется, в первую очередь, минимальной нормой доходности капитала, ниже которой собственник капитала не пожелает расстаться с ним [9]. То есть процесса инвестирования не произойдёт. А выбор объекта инвестиций предопределяется его максимальной нормой доходности из рассматриваемых альтернативных проектов (объектов). Основываясь на данном рассуждении, авторы трактуют ставку дисконтирования как:

- минимальную норму доходности, ожидаемую инвестором от данного проекта [11, с. 77];
- минимальную пороговую величину относительного дохода от инвестиций в годовом измерении, т. е. ставка дисконтирования есть некоторая минимальная процентная ставка, ниже которой величина относительного дохода не является приемлемой для данного предприятия [12, с. 174];
- минимально допустимую для инвестора величину дохода, приходящуюся на 1 единицу капитала, вложенного в проект [13, с. 60];
- минимально приемлемую доходность доступной и сопоставимой по рискам инвестиционной альтернативы [14, с. 76; 15, с. 142];
- минимальную доходность инвестиций, которая устраивает инвестора, т. е. минимальный размер прибыли на 1 руб. инвестиций, при котором инвестиции считаются инвестором прибыльными (ниже этого уровня инвестиции считаются невыгодными) [16, с. 161].

Слова «допустимая», «приемлемая» говорят об индивидуальности стоимости капитала для инвестора, которая основывается на собственных возможностях и ограничениях, а также целях инвестирования.

Однако Смоляк С. А., Виленский П. Л., Лившиц В. Н. под ставкой дисконтирования подразумевают:

– максимальную доходность альтернативных и доступных для инвестора направлений инвестирования с тем же (или сопоставимым) риском, что и у оцениваемого проекта [17].

– экзогенно задаваемый основной экономической норматив, используемый при оценке эффективности проекта, и отражающий максимальную доходность альтернативных и доступных направлений инвестирования и темп падения ценности денег [18; 19].

Таким образом, трактовки, подразумевающие минимальную приемлемую для инвестора доходность капитала, первичны, т. к. если для собственника капитала норма дохода ниже минимального порога, то процесса инвестирования не произойдет, а следовательно, нет смысла выбирать направление инвестирования с максимальным уровнем доходности, но неприемлемым для инвестора. Вопросы выбора по максимальной доходности направления инвестирования из существующих альтернатив вторичны по своей природе и имеют место после соотнесения его с минимально допустимым для инвестора уровнем доходности. Поэтому, по мнению автора данной статьи, трактовки ставки дисконтирования с позиции максимальной доходности не корректны.

Дж. М. Кейнс в своих работах писал, что при помощи ставки дисконтирования можно определить сумму, которую инвестору придется заплатить сегодня за право получить предполагаемый доход в будущем. Поэтому от её значения зависит принятие ключевых решений, в том числе при выборе объекта инвестирования. Также писал о необходимости дисконтирования¹, согласования её значения (с банком, например) и учёта потенциальных рисков по аналогичным проектам (объектам). В формулировках ставки дисконтирования современных авторов можно встретить всё, о чём писал Дж. М. Кейнс. Например:

Камнев И. М. и Жулина А. Ю. основным назначением ставки дисконта признают определение суммы, которую заплатил бы инвестор сегодня за право присвоения будущих денежных потоков [20, с. 30].

¹ Процесс нахождения величины денежных средств на текущий момент времени по её известному или предполагаемому значению в будущем, исходя из заданной процентной ставки [22].

Одновременно с упоминанием о будущих денежных потоках возникает мысль о рисках и факторе времени. Данные категории включают в формулировки ставки дисконтирования в своих работах Барышев М. А. [21, с. 284].

Есипов В. Е., Маховиков Г. А. и Терехова В. В. уточняют экономический смысл ставки дисконтирования, подразумевая под требуемую инвесторами ставку дохода на вложенный капитал в сопоставимые по уровню риска объекты инвестирования [23, с. 224; 24, с. 500; 20, с. 30]. Данного подхода придерживаются также Качеянц М. Б. и Ямалетдинова Г. Х. [25, с. 154; 26, с. 300–301; 27]. Трактовка ставки дисконтирования подразумевает сопоставление ставки дисконта и уровня рентабельности, однако значения данных показателей не являются эквивалентными. Величина ставки дисконтирования отражает минимальный порог рентабельности, при котором инвестор готов вкладывать средства в проект при уровне риска, соответствующем уровню риска аналогичных вариантов инвестирования [27, с. 1290]. Однако на практике поиск объективно сопоставимых объектов инвестирования (инвестиционных проектов) весьма затруднителен, особенно если проекты носят инновационную направленность.

Следующая группа авторов, формулируя ставку дисконтирования, делает акцент на доходности альтернативных вложений и соизмерении ценности денег во времени [28]. Здесь более конкретное определение ставки дисконтирования даёт Спиридонова Е. А. — доходность альтернативы, сопоставимой с оцениваемой по инвестиционным условиям: сроку вложения, уровню риска, размеру инвестиций [15, с. 142; 26, с. 300–301]. Колмыкова Т. С. к перечню инвестиционных условий (качественных характеристик) добавляет степень ликвидности [29, с. 62].

Итак, экономический смысл ставки дисконтирования подразумевает минимальную процентную ставку, ниже которой величина относительного дохода не является приемлемой (допустимой) для потенциального инвестора. При данном уровне ставки дохода он принимает решение инвестировать собственный капитал, и только потом задаётся поиском альтернатив с максимальным уровнем дохода. Другими словами, экономический смысл заключается больше в словах «выгодно»/«не выгодно», а на сколько «выгодно» (в стоимостных измерителях, в процентах) говорит математический смысл.

Математический смысл ставки дисконтирования

В литературе довольно часто математический смысл ставки дисконтирования ассоциируют с техническим смыслом. Это связано с технологией расчёта самой ставки дисконтирования.

Самым простым в математическом смысле определением ставки дисконтирования является инструмент:

– с помощью которого мы можем увидеть текущую стоимость будущих денежных потоков [30, с. 38].

– используемый для перевода ожидаемых денежных потоков, генерируемых активом, в текущую стоимость этого актива [31, с. 8, 29].

Несмотря на различную комбинаторику слов в трактовках, их смысл тождествен. В самом распространённом определении ставки дисконтирования «инструмент» определяется процентной ставкой, по которой осуществляется процесс дисконтирования стоимости денежных средств (находится их настоящая (текущая) стоимость) [5; 18, с. 28; 31, с. 8–9; 32, с. 111; 33, с. 184; 34, с. 224; 35, с. 971, 979; 36, с. 126]. Здесь стоит упомянуть, что текущая стои-

мость есть база для определения рыночной стоимости объекта (бизнеса и т. д.).

Полное и обоснованное определение дают Фишмен Джей, Пратт Шэннон, Гриффит Клиффорд и Уилсон Кейт: ставка дисконтирования — это общая ожидаемая ставка дохода (в процентах к цене покупки), на которую покупатель или инвестор вправе рассчитывать, приобретая в собственность некий актив, с учётом риска, присущего этой доле собственности [37]. Ямалетдинова Г. Х., например, ставку дисконтирования определяет мерой риска, принимаемого инвестором на инвестируемый капитал [27, с. 1290].

При этом у авторов нет единства в понимании категории «риск» как составляющей ставки дисконтирования. Так, например, Блинова Е. А. под ставкой дисконтирования подразумевает процентную ставку, складывающуюся из ставки альтернативного объекта инвестирования и факторов (табл. 2), требующих компенсации. В таблице 2 представлена краткая сравнительная характеристика факторов, требующих компенсации, с позиции Блиновой Е. А., с позиции Подлубного А. В. и с позиции Куриловой А. А.

Таблица 2. – Сравнение перечня составляющих ставки дисконтирования

Блинова Е. А. [38]	Подлубный А. В. [39, с. 22]	Курилова А. А. [40, с. 135]
упущенная выгода (инвестор может положить свои средства, например, в банк под процент)	стоимость альтернативного вложения (безрисковая ставка)	средняя реальная депозитная или кредитная ставка
		альтернативные нормы доходности по другим возможным видам инвестиций
		нормы доходности по текущей хозяйственной деятельности
инфляция (в течение периода планирования процент инфляции в стране может измениться)	риск обесценивания денежных средств (иногда не учитывается, так как учтен в расчетах финансового плана)	темпы инфляции
риск	риски, связанные с некачественным управлением предприятием	премии за риск и др.
	риски предпочтений инвестора	
	территориальные риски и др.	

Из таблицы следует, что Блинова Е. А. придерживается классического подхода, а Подлубный А. В. и Курилова А. А. детализируют понятие «риск» и «упущенная выгода» соответственно. Подобная детализация в большинстве своём носит субъективный характер, что в большинстве своём вводит в заблуждение читателей. Поэтому подход Блиновой Е. А.

имеет обобщённый, общепринятый и логически обоснованный характер.

Методические рекомендации по оценке эффективности инвестиционных проектов, утверждённые Министерством экономики Российской Федерации и Министерством финансов Российской Федерации описывают единицы измерения и периодичность: став-

ка дисконтирования — это основной экономический норматив, используемый при дисконтировании, и выражаемый в долях единицы или в процентах в год [41; 42, с. 65]. Положение об оценке эффективности инвестиционных проектов при размещении на конкурсной основе централизованных инвестиционных ресурсов бюджета развития Российской Федерации дополняет ставку дисконтирования без учета риска проекта как отношение ставки рефинансирования [43], установленной Центральным банком Российской Федерации, и объявленного Правительством Российской Федерации на текущий год темпа инфляции¹.

Таким образом, математический смысл ставки дисконтирования раскрывается в инструментарии

¹ В соответствии с Постановлением Правительства РФ от 08.12.2015 N 1340 к отношениям, регулируемым актами Правительства РФ, в которых используется ставка рефинансирования Банка России, с 1 января 2016 года вместо ставки рефинансирования применяется ключевая ставка Банка России.

определения её значения (размера процента). При этом данный инструмент следует применять с осторожностью и чётким пониманием ситуаций и допущений, при которых он работает. Следовательно, одной из наиболее сложных задач является определение ставки дисконтирования, используемой для расчёта показателей экономической эффективности инвестиций [44, с. 279]. Следует также помнить, что ставка дисконтирования выражается в процентах или долях и всегда положительна. Она отображает минимально допустимый уровень величины дохода инвестора. При этом, чем больше ставка дисконтирования, тем меньше дисконтированная стоимость. Последнее означает, что, если бы норма процента была ниже, т.е. вознаграждение за расставание с наличностью понизилось, совокупное количество наличных денег, которое публика хотела бы иметь на руках, превысило бы имеющееся предложение, а если бы норма процента повысилась, образовался бы излишек наличных денег, которые никто не хочет держать [22, с. 63].

Список литературы:

1. Ример М. И., Касатов А. Д., Матиенко Н. Н. Экономическая оценка инвестиций [Текст]. 2-е изд./Под общ. ред. М. И. Римера – СПб.: Питер. – 2008. 480 с.
2. Шлычков В. В. Теоретическая сущность риска как негативного фактора инвестирования//Вестник экономики, права и социологии. 2007. № 1. С. 54–58.
3. Батайкин П. А. Теоретические основы исследования особенностей оппортунистического поведения потребителей//Горизонты экономики. 2013. № 1 (6). С. 17–19.
4. Кулиш С. М. Детерминированный факторный анализ ресурсного потенциала субъекта предпринимательства//Казанский педагогический журнал. 2015. № 3 (110). С. 176–179.
5. Жевняк А. В. Математическая теория дисконтирования денежных потоков. Математическая теория кредита [Текст]/А. В. Жевняк Математическая теория кредита Рязань: Ринфо. – 2010. 384 с.
6. Четыркин Е. М. Финансовая математика [Текст]: Учебник. – 4-е изд. – М.: Дело. – 2004. 400 с.
7. Ковалев В. В. Методы оценки инвестиционных проектов [Текст]. – М.: Финансы и статистика. 2000. 144 с.
8. Лаврухина Н. В. Сравнительный анализ методов оценки экономической эффективности инвестиций//Теория и практика общественного развития. –2014. – № 16. – С. 82–86.
9. Шлычков В. В., Кулиш С. М. Методические рекомендации по организации работ по управлению ресурсным потенциалом промышленного предприятия//Экономические науки. 2009. № 54. С. 277–281.
10. Манагаров Р. Обзор методов расчета ставки дисконтирования. URL: http://www.cfin.ru/finanalysis/math/discount_rate.shtml.
11. Куракина Ю. Г. Оценка рисков в инвестиционном анализе//Вестник ФА. –1997. – № 1. – С. 76–83.
12. Аньшин В. М. Инвестиционный анализ: Учеб.-практ. пособие. – 3-е изд., испр. – М.: Дело. – 2004. –280 с.
13. Михайлова Э. А., Орлова Л. Н. Экономическая оценка инвестиций: Учебное пособие. – Рыбинск: РГАТА. – 2008. – 176 с.
14. Лукашев Н. В. Обобщённый анализ методов адекватного выставления ставки дисконтирования при инвестиционном проектировании//Инновации. –2007. – № 5 (103). – С. 76–79.
15. Спиридонова Е. А. О некоторых методологических проблемах при определении ставки дисконтирования//Евразийский союз ученых (ЕСУ). – 2015. – № 7 (16). – С. 141–144.

16. Староверова Г. С. Экономическая оценка инвестиций: Учеб. пособие / Г. С. Староверова, А. Ю. Медведев, И. В. Сорокина. – М.: КНОРУС. – 2006. – 312 с.
17. Смоляк С. А. О норме дисконта для оценки эффективности инвестиционных проектов в условиях риска [Электронный ресурс] // Аудит и финансовый анализ. – 2000. – № 2. <http://www.valmaster.ru/download/archive/Smoliak1.pdf>.
18. Виленский П. Л., Лившиц В. Н., Смоляк С. А. Оценка эффективности инвестиционных проектов. Теория и практика. – 4-е изд. – М.: Дело. – 2009, – 1104 с.
19. Басовский Л. Е., Басовская Е. Н. Экономическая оценка инвестиций: Учеб. пособие. – М.: ИНФРА-М. – 2007. – 241 с.
20. Камнев И. М., Жулина А. Ю. Методы обоснования ставки дисконтирования // Проблемы учета и финансов. – 2012. – № 2. – С. 30–35.
21. Барышев М. А. Ставка дисконтирования для оценки инвестиционного проекта: понятие, необходимость применения и методы расчёта // Вестник Белгородского университета кооперации, экономики и права. – 2011. – № 2 – С. 284–287.
22. Кейнс Дж. М. Общая теория занятости, процента и денег. Изд. Гелиос АРВ. – 2015. – 325 с.
23. Есипов В. Е., Маховиков Г. А., Терехова В. В. Оценка бизнеса. 2-е изд. – СПб.: Питер. – 2006. – 464 с.
24. Грязнова А. Г., Федотова М. А. Оценка бизнеса Учебник. Под ред. А. Г. Грязновой, М. А. Федотовой. 2-е издание, перераб. и доп. М. – 2008 г. – 736 с.
25. Качеянц М. Б., Колесникова Е. Н. Определение ставки дисконтирования при оценке бизнеса // Горный информационно-аналитический бюллетень (научно-технический журнал). – 2010. – № 1. – С. 154–158.
26. Ямалетдинова Г. Х. Методы оценки ставки дисконтирования в инвестиционном анализе // Современные Тенденции в экономике и управлении. – 2011. – № 7. – С. 300–304.
27. Ямалетдинова Г. Х. Ставка дисконтирования в оценке бизнеса и инвестиционном анализе // Вестник Башкирского университета. – 2010. – Т. 15. – № 4. – С. 1290–1293.
28. Графова Г. Ф. Дисконтированный экономический эффект как основной показатель для оценки инвестиционных проектов // Инновации. – № 3 (90). – 2006. – С. 106–108.
29. Колмыкова Т. С. Инвестиционный анализ [Текст]: Учебное пособие – М.: Инфра-М, – 2009. – 204 с.
30. Гарбузов Д. О., Стерхов А. В. Моделирование ставки дисконтирования при оценке коммерческой недвижимости методом дисконтированных денежных потоков // Актуальные вопросы менеджмента и маркетинга. – 2014. – № 38. – С. 36–46.
31. Камнев И. М. Концептуальные подходы к обоснованию ставки дисконтирования // Финансовая аналитика; проблемы и решения. – 2012. – № 20. – С. 8–15.
32. Ванхорн Джеймс С., Вахович мл., Джон М. Основы финансового менеджмента. 12-е изд.: Пер. с англ. – М.: И. Д. Вильямс. – 2008. – 1232 с.
33. Бланк И. А. Инвестиционный менеджмент. Учебный курс – К.: Эльга-Н, Ника-Центр. – 2001. – 448 с.
34. Шабалин А. Н. Инвестиционное проектирование. Учебно-методический комплекс. – М.: Изд. Центр ЕАОИ. – 2008. – 184 с.
35. Есипов В. Е., Маховиков Г. А., Терехова В. В. Оценка бизнеса. 2-е изд. – СПб.: Питер. – 2006. – 464 с.
36. Шарп У., Александр Г., Бэйли Дж. Инвестиции: Пер. с англ. – М.: ИНФРА-М, 2001. – VII, – 1028 с.
37. Фишмен Д., Пратт Ш., Гриффит К., Уилсон К. Руководство по оценке стоимости бизнеса [Текст]: Российское издание под редакцией В. М. Рутгайзера. ЗАО «Квинто-консалтинг». – 2000. – 369 с.
38. Блинова Е. А. Определение ставки дисконтирования для оценки инвестиционных проектов в компаниях реального сектора экономики // Социальные системы и право: сборник научных трудов, посвященный 15-летию кафедры социальных систем и права СГАУ. – 2015. – С. 7–13.
39. Подлубный А. В., Слепухина А. А., Бучаева С. А. Инвестиционный анализ: вопросы выбора ставки дисконтирования для отрицательных денежных потоков // Вопросы структуризации экономики. – 2013. – № 3. – С. 21–27.

40. Курилова А. А., Курилов К. Ю. Хеджирование валютных и товарных рисков с использованием опционов предприятиями автомобильной промышленности // Аудит и финансовый анализ. – 2011. – № 2. – С. 132–137.
41. Методические рекомендации по оценке эффективности инвестиционных проектов (вторая редакция). Официальное издание. Утверждено: Министерство экономики РФ, Министерство финансов РФ, Государственный комитет РФ по строительной, архитектурной и жилищной политике, № ВК477. От 21.06.1999. М.: Экономика. – 2000. – 421 с.
42. Непомнящий Е. Г. Инвестиционное проектирование: Учебное пособие – Таганрог: Изд-во ТРТУ. – 2003. – 262 с.
43. Батайкин П. А. Особенности реализации функций государства в системе распределения доходов // Вестник экономики, права и социологии. 2011. № 3. С. 16–18.
44. Рыбкина Е. А. Инвестиционная привлекательность проекта: сущность и подходы к оценке // Вестник ПНИПУ. Социально-экономические науки. – 2016. – С. 269–281.

Информация об авторе

Рыбкина Елена Александровна, кандидат экономических наук, доцент кафедры менеджмент Казанского государственного энергетического университета
420066, Казань, ул. Красносельская, 51; Тел.: +7 (843) 519–42–91
E-mail: fishkarea@mail.ru
ORCID: <http://orcid.org/0000-0001-8932-8405>

V. V. SMIRNOV¹
E. N. KADYSHEV¹

¹ Chuvash State University named after I. N. Ulyanov, Cheboksary City

THE CONCEPT OF BUILDING THE INTERREGIONAL ECONOMIC SPACE

Abstract

Objective. The main objective of the study is to form the concept of building the interregional economic space. In order to achieve the objectives of this study we set and solved the following tasks: to reveal the process of building the interregional economic space, to show feasibility for implementation of the concept of building the interregional economic space.

Methodology. The methodology of the research is based on fundamental regulations of regional and spatial economics, the applied aspects of theory and methodology of system analysis, scientific researches in the field of enhancing the innovative activity of territorial economy.

Results. We discovered the process of initiation of the region into the interregional economic space through implementation of the level system. We held the land zoning of using the potential of interregional economic space by the Russian Federation subject.

Scientific novelty. We identified the initiating onset of the process of building the interregional economic space.

Practical relevance. Necessity for building the inter-regional economic space is caused by natural stage of economic development of federal subjects, and also by necessity to ensure the qualitative growth of material wealth production, reproduction of productive factors and to improve quality of life of population in the local region and in the whole country. Size and structure of interregional economic space depends on a positive action of the scale effect, which is to a considerable degree determined by innovative activity of regions.

Keywords: interregional economic space, process, region, level system, economy

References

1. Kheyne P. Ekonomichesky obraz myshleniya; per. s angl. pod obshch. red. Pinskera B. – 2-e izd., ster. – M.: Delo, 1993. – 702 s.
2. Seriyx H. Boucher ou boulanger//Futuribles. – P., 2006. No 318. – P. 5–11.
3. Perrow Ch. The Analysis of Goals in Complex Organizations//American Sociological Review, 1961. – P. 26, P. 688–699.
4. Yuchtman E., Seashore S. A System Resource Approach to Organizational Effectiveness//American Sociological Review, 1967. – P. 32, P. 891–903.
5. Seashore S., Yuchtman E. Factorial Analysis of Organizational Performance//Administrative Science Quarterly, 1967. – P. 12, P. 377–395.
6. Khol R. X. Organizatsii: struktury, protsessy, rezultaty. – SPb: Piter, 2001. – 512 s.
7. Chaplina A., Voytsekhovskaya I. Konkurentosposobnost kak integralny pokazatel effektivnosti predpriyatiya//Problemy teorii i praktiki upravleniya, 2006. № 3. – S. 108–113.
8. Timofeyev R. A., Shlychkov V. V., Alafuzov I. G. Aktualnye voprosy funktsio-nirovaniya regiona kak sotsialno-ekonomicheskoy sistemy//Aktualnye problemy ekonomiki i prava. – 2015. – № 3. – S. 63–70.
9. Shlychkov V. V. Ob otdelnykh aspektakh protsessa modernizatsii rossyskoy ekonomiki//Vestnik ekonomiki, prava i sotsiologii. – 2015. – № 1. – S. 78–82.
10. Kachalov R. Upravleniye khozyaystvennym riskom – osnova ekonomicheskoy bezopasnosti regiona//Problemy teorii i praktiki upravleniya, 2006. № 4. – S. 45–52.
11. Porter M. E. Konkurentsia: Perevod s angl., 2002. – 496 s.

12. Derhy A. Fusions-acquisitions: la logique sectorielle // *Rev. fr. de gestion*. P., 1997. No 112. – P. 39–51.
13. Chub B. A., Bandurin A. V. Sistema investitsionnykh vzaimootnosheny v regione na primere Respubliki Tatarstan. Izdaniye vtoroye ispravlennoye i dopolnennoye. – M.: «TDDS – Stolitsa-8», 1999. – 272 s.
14. Chub B. A. Upravleniye investitsionnymi protsessami v regione. – M.: Izd-vo «BUKVITSA», 1999. – 186 s.
15. Shlychkov V. V. Teoriya i metodologiya upravleniya resursnym potentsialom: diss. ... dok-ra ekonom. nauk. – Yoshkar-Ola, 2007.
16. Perroux F. Economic space: theory and applications // *Quarterly Journal of Economics*. – 1950. Vol. 64.
17. Shlychkov V. V. Teoriya i metodologiya upravleniya resursnym potentsialom: diss. ... dok-ra ekonom. nauk. – Yoshkar-Ola, 2007.
18. Shvetsov A. Sootnosheniye tsentralizatsii i detsentralizatsii v gosudarstvennoy regionalnoy politike: o slozhivsheysya situatsii, neobkhodimosti i putyakh ee izmeneniya // *Rossysky ekonomicheskyy zhurnal*, 2006. № 5–6. – S. 14–35.
19. Naisbitt J. Global paradox: The bigger the world economy, the more powerful its smallest players. – N. Y.: Morrow, 1994. – 304 p.
20. Saralidze A. M. Metodika otsenki i prognozirovaniya pokazateley razvitiya mezhregionalnogo ekonomicheskogo prostranstva // *Ekonomika, statistika i informatika. Vestnik UMO*, 2014. № 1. – S. 162–166.
21. Tamov A. A., Dobrovolsky A. G. Teoretiko-metodologicheskiye aspekty issledovaniya mezhregionalnoy sotsialno-ekonomicheskoy differentsiatsii v prostranstve makroregiona // *Vestnik Adygeyskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 5: ekonomika*, 2013. № 1 (115). – S. 75–79.
22. Gasparyan N. A. Mezhhregionalnaya integratsiya kak usloviye dvizheniya ot obshchego – k edinomu natsionalnomu ekonomicheskomu prostranstvu // *Ekonomika ustoychivogo razvitiya*, 2012. № 11. – S. 48–53.
23. Dombrovsky M. A. Strategicheskoye planirovaniye mezhregionalnogo ekonomicheskogo prostranstva // *European Social Science Journal*, 2011. № 11 (14). – S. 410–418.
24. Mirzoyev R. S. Mezhhregionalnye vzaimodeystviya v rossyskom ekonomicheskoy prostranstve // *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 3: Ekonomika. Ekologiya*. 2011. Tom 1. № 1. – S. 96–101.
25. Berezova Z. K. Sistemnye kharakteristiki ekonomicheskogo prostranstva v ramkakh mezhregionalnoy integratsii // *Terra Economicus*, 2011. Tom 9. № 3–3. – S. 147–150.
26. Bozharenko D. Yu. Preodoleniye mezhregionalnoy differentsiatsii v novykh protsessakh strukturizatsii ekonomicheskogo prostranstva // *Terra Economicus*, 2011. Tom 9. № 4–2. – S. 164–167.
27. Khodyrevskaya V. N., Krivoshlykov V. S. Formirovaniye rynochnogo prostranstva regiona: mezhregionalnaya trgovlya i novaya ekonomicheskaya geografiya // *Sovremennyye tendentsii v ekonomike i upravlenii: novyy vzglyad*. 2010. № 5–1. – S. 204–213.
28. Karachurina L. B. Mezhhregionalnaya migratsiya i sotsialno-ekonomicheskaya differentsiatsiya prostranstva sovremennoy Rossii // *Problemy prognozirovaniya*, 2006. № 3. – S. 96–115.
29. Alafuzov I. G., Timofeyev R. A. Klasterizatsiya kak faktor povysheniya effektivnosti regionalnoy ekonomicheskoy sistemy // *Aktualnye voprosy ekonomicheskikh nauk*. – 2010. – № 15–2. – S. 96–101.

Information about the authors

Smirnov Valery Vladislavovich, candidate of economic sciences, associate professor of Department of Intersectoral Economics, Faculty of Management and Social Technologies, Chuvash State University named after I. N. Ulyanov, Cheboksary City

428015, Чебоксары, проспект Московский, д. 15; Тел.: +7 (8352) 58–30–36

E-mail: walera712006@mail.ru

Kadyshev Evgeny Nikolayevich, candidate of economic sciences, vice rector for research, Chuvash State University named after I. N. Ulyanov, Cheboksary City

428015, Чебоксары, проспект Московский, д. 15; Тел.: +7 (8352) 58–30–36

E-mail: kadyshev_en@mail.ru

ORCID: <http://orcid.org/0000-0002-9620-0327>

В. В. СМІРНОВ¹Е. Н. КАДЫШЕВ¹¹ Чувашский государственный университет имени И. Н. Ульянова, г. Чебоксары

КОНЦЕПЦИЯ ПОСТРОЕНИЯ МЕЖРЕГИОНАЛЬНОГО ЭКОНОМИЧЕСКОГО ПРОСТРАНСТВА

Аннотация

Цель. Основная цель исследования — формирование концепции построения межрегионального экономического пространства. Для достижения цели исследования были поставлены и решены следующие задачи: раскрыть процесс построения межрегионального экономического пространства, показать практическую возможность реализации концепции построения межрегионального экономического пространства.

Методология. Методология исследования опирается на фундаментальные положения региональной и пространственной экономики, прикладные аспекты теории и методологии системного анализа, научные исследования в области повышения инновационной активности территориальной экономики.

Результаты. Раскрыт процесс инициации региона в межрегиональное экономическое пространство, посредством реализации уровневой системы. Проведено территориальное зонирование использования субъектом Российской Федерации потенциала межрегионального экономического пространства.

Научная новизна. Выявлено иницирующее начало процесса построения межрегионального экономического пространства.

Практическая значимость. Необходимость построения межрегионального экономического пространства обусловлена естественным этапом развития экономики субъектов федерации, а также потребностью обеспечить качественный рост производства материальных благ, воспроизводство факторов производства и повысить качество жизни населения как локального региона, так и страны в целом. Размер и структура межрегионального экономического пространства зависит от положительного действия эффекта масштаба, который в большей мере определяется инновационной активностью регионов.

Ключевые слова: межрегиональное экономическое пространство, процесс, регион, уровневая система, экономика.

Системный анализ проблем теорий развития экономического пространства и региональной экономики обусловил необходимость рассматривать развитие экономики региона как процесс усиления взаимной и кумулятивной обусловленности различных по локализации структурных образований, объединяющихся в единую функциональную совокупность. При анализе проблем построения межрегионального экономического пространства необходимо акцентировать внимание на выявление системных инструментов, позволяющих корректно воздействовать на различные варианты его развития.

Процесс построения межрегионального экономического пространства определяется условиями его развития и спецификой реализации экономических отношений. Межрегиональное экономическое пространство есть уровневая конструкция, вбирающая в себе нижележащие уровни — межрегиональ-

ную ассоциацию экономического взаимодействия и межрегиональное сотрудничество. Иницирующим началом процесса построения межрегионального экономического пространства является уровневая система развития экономики региона.

Процесс инициации региона в межрегиональное экономическое пространство, посредством реализации уровневой системы, выглядит следующим образом. Первый уровень состоит из независимо структурированных предприятий как базовых элементов уровневой системы.

На первом уровне формируется локальный процесс обеспечения развития экономики региона за счет оптимизации системных взаимосвязей производителя продукции и потребителя; процесса, в сравнении с затратами на достижение указанного результата [1, с. 186], в рамках стратегий повышения эффективности предприятия по Х. Серби [2, р.

7]. Процесс обеспечения развития на первом уровне рассматривается как направленность на эффективное рыночное поведение: на основе моделей организационной эффективности — целевой модели Ч. Перроу [3], системно-ресурсной модели Э. Юхтмана [4] и С. Сишора [5] и противоречивой модели Р. Х. Холла [6, с. 399–401].

Стратегическая деятельность предприятия должна быть ориентирована как на развитие потенциала для обеспечения самоорганизации так и на углубление и расширение методов управления, а тактическая деятельность — на самоорганизацию элементов предприятия, нацеливается на оперативное (ситуационное) использование определенных свойств в конкурентной обстановке [7, с. 113], [8, с. 66] в многообразном взаимодействии с внешней средой [9, с. 45–46].

Второй уровень рассматривается как комплекс из структурированных по отраслевому признаку совокупности предприятий (результат интеграции целей и задач). Для устойчивого развития совокупности предприятий (отрасли) необходимо, выполнение условия соответствия целеполаганию отдельной организации и ведущей отрасли [10, с. 79]. Внутренние факторы систематизируются и адаптируются к меняющимся условиям в соответствии с первым уровнем развития экономики региона. Внешние факторы можно представить в соответствии с пятью силами конкуренции по М. Портеру [11]. Необходимо в фазе роста предприятия и достижения высоких темпов его развития осуществлять политику внешней экспансии, приобретая действующие на том же рынке фирмы, в основном в рамках горизонтальной и вертикальной интеграции [12].

При согласовании целеполагания отдельного предприятия и ведущей отрасли проявляется потребность в разработке эффективного инвестиционного плана (проекта), оценке объемов ресурсов для реализации заданного уровня качества продукции проекта, формировании инвестиционной привлекательности объектов инвестирования [13, с. 4], [14, с. 30], [15]

Третий уровень обуславливается интегрированием целей и задач группы пропульсивных отраслей («полюса роста» — механизмы, которые не только привлекают, но и создают специализированные факторы) [16], объединяемых на партнерских отношениях для достижения взаимоудовлетворяющих результатов на региональном уровне. Иллюстрацией группы

пропульсивных отраслей третьего уровня служат различные виды отраслевых комплексов, холдингов и финансово-промышленных групп, а также государственные меры по стимулированию роста отдельных отраслей. Ключевым критерием третьего уровня является устойчивое инновационное развитие, затрагивающее как региональные, так и федеральные организационно-правовые и политико-правовые условия морфогенеза экономики региона.

Четвертый уровень необходимо рассматривать в статусе субъекта межрегионального экономического пространства. Регион рассматривается в виде качественно новой экономической формы — инициатора, способного не только к саморазвитию, но и формированию межрегионального экономического пространства, консолидируя потенциал относительно независимых территорий [17]. Межрегиональное экономическое пространство необходимо рассматривать как возможность в полной мере использовать синергетический потенциал Федерации для реализации интересов отдельных территорий, имеющих собственные органы власти и управления [18, с. 15].

В современных условиях учет региональных интересов в деятельности органов управления разных уровней, укрепление самостоятельности регионов являются базовыми принципами построения рациональной и эффективной системы государственного управления. Неграмотное использование данных принципов в деятельности органов управления разных уровней может привести к развитию региональной автаркизации и регионального монополизма, имеющие опасные последствия для государства [19, р. 43–44].

Среди научных направлений, раскрывающих концепцию построения межрегионального экономического пространства, можно выделить: экономико-математические и статистические методы оценки и разработки прогноза развития межрегионального экономического пространства (А. М. Саралидзе) [20]; сглаживание межрегиональных социально-экономических различий (А. А. Таммов, А. Г. Добровольский) [21]; классификация форм и типов межрегиональной интеграции (Н. А. Гаспарян) [22]; формирование эффективного межрегионального пространства (М. А. Домбровский) [23]; сущность и специфика межрегиональных взаимодействий (Р. С. Мирзоев) [24]; диалектика целостности экономического пространства и роль межрегиональ-

ной интеграции (З. К. Березова) [25]; изменения административно-территориального деления страны (слияния регионов) (Д. Ю. Божаренко) [26]; формирование рыночного пространства региона (В. Н. Ходыревская, В. С. Кривошлыков) [27]; масштабы и направления межрегиональной миграции (Л. Б. Карачурина) [28].

Реализацию концепции построения межрегионального экономического пространства необходимо осуществлять посредством стимулирования инновационной активности регионов. Основным индикатором инновационной активности региона является динамика инновационной активности совокупности организаций на данной территории в результате изменения объема инвестиций в основной капитал

$$I_t = \frac{I_{\text{иннов}}}{I_{\text{инв}}},$$

где I_t — инновационная активность региона в t году, $I_{\text{иннов}}$ — инновационная активность организа-

ций в t году, %¹; $I_{t-1}^{\text{инв}}$ — индекс физического объема инвестиций в основной капитал в $t-1$ году, %².

Необходимым условием построения межрегионального экономического пространства является выбор его исходного положения в качестве определенного субъекта Российской Федерации. Определим этот субъект как Чувашская Республика (Чувашия). Проведем территориальное зонирование использования Чувашией потенциала межрегионального экономического пространства, посредством выделения наиболее приемлемых субъектов федерации со стабильно высокими показателями инновационной активности.

¹ Регионы России. Социально-экономические показатели. 2015: Стат. сб./Росстат. – М., 2015. – С. 1010–1011.

² Регионы России. Социально-экономические показатели. 2015. – С. 1180–1181; Федеральная служба государственной статистики [Электронный ресурс]: официальный сайт. – Режим доступа: <http://www.gks.ru> [Дата обращения 08.12.2016]

Таблица 1. – Территориальное зонирование использования Чувашией потенциала межрегионального экономического пространства

Федеральный округ	Ассоциация	Регионы
Приволжский федеральный округ (0,107)	«Большая Волга»	– Республика Татарстан (0,193); – Республика Мордовия (0,180); – Нижегородская область (0,142)
Центральный федеральный округ (0,104)	«Центрально-Черноземная Россия»	– Липецкая область (0,180); – г. Москва (0,176); – Тульская область (0,133)
Северо-Западный федеральный округ (0,114)	Ассоциация экономического взаимодействия территорий Северо-Запада РФ	– г. Санкт-Петербург (0,148); – Ленинградская область (0,116); – Вологодская область (0,114)
Южный федеральный округ (0,067)	«Юг»	– Астраханская область (0,085); – Ростовская область (0,081); – Республика Адыгея (0,074);
Северо-Кавказский федеральный округ (0,06)	«Северный Кавказ»	– Республика Ингушетия (0,182); – Республика Дагестан (0,112); – Ставропольский край (0,078)
Уральский федеральный округ (0,088)	«Большой Урал»	– Свердловская область (0,114); – Тюменская область (0,082); – Челябинская область (0,081)
Сибирский федеральный округ (0,094)	«Сибирское соглашение»	– Томская область (0,160); – Алтайский край (0,108); – Красноярский край (0,097)
Дальневосточный федеральный округ (0,107)	Межрегиональная ассоциация экономического взаимодействия субъектов Дальнего Востока и Забайкалья	– Чукотский автономный округ (0,44); – Приморский край (0,156); – Камчатский край (0,136)

Инструментами использования потенциала межрегионального экономического пространства являются экономические агенты (государство, фирмы и домохозяйства), а также формируемые в процессе их взаимодействия экономические отношения в форме межрегионального сотрудничества в контексте обеспечения качественного роста производства материальных благ, воспроизводства факторов производства и повышения качества жизни населения региона. Используя потенциал межрегионального пространства необходимо учитывать результативность воздействия экономических агентов в зависимости от протяженности коммуникационных связей. Домохозяйства будут оказывать наиболее результативное воздействие на близком расстоянии, а государство — на дальнем.

Выводы. Естественным этапом развития межрегионального сотрудничества, в том числе и образования межрегиональных ассоциаций, является

формирование межрегионального экономического пространства как возможность институционализации экономических отношений субъектов федерации [29].

Размер и структура межрегионального экономического пространства зависит от положительного действия эффекта масштаба, который в большей мере определяется применением инновационной техники и технологии, а именно инновационной активностью субъектов федерации. Деятельность по повышению инновационной активности субъектов федерации сводится к организации многообразия связей территориально воспроизводственного процесса через достаточную совокупность инструментов как уровневой системы обеспечения развития экономики региона, так и государства, фирм, домохозяйств, а также экономических отношений формируемых в процессе их взаимодействия.

Список литературы

1. Хейне П. Экономический образ мышления; пер. с англ. под общ. ред. Пинскера Б. – 2-е изд., стер. – М.: Дело, 1993. – 702 с.
2. Seriyx H. Boucher ou boulanger // Futuribles. – P., 2006. No 318. – P. 5–11.
3. Perrow Ch. The Analysis of Goals in Complex Organizations // American Sociological Review, 1961. – P. 26, P. 688–699.
4. Yuchtman E., Seashore S. A System Resource Approach to Organizational Effectiveness // American Sociological Review, 1967. – P. 32, P. 891–903.
5. Seashore S., Yuchtman E. Factorial Analysis of Organizational Performance // Administrative Science Quarterly, 1967. – P. 12, P. 377–395.
6. Холл Р.Х. Организации: структуры, процессы, результаты. – СПб: Питер, 2001. – 512 с.
7. Чаплина А., Войцеховская И. Конкурентоспособность как интегральный показатель эффективности предприятия // Проблемы теории и практики управления, 2006. № 3. – С. 108–113.
8. Тимофеев Р.А., Шлычков В.В., Алафузов И.Г. Актуальные вопросы функционирования региона как социально-экономической системы // Актуальные проблемы экономики и права. – 2015. – № 3. – С. 63–70.
9. Шлычков В.В. Об отдельных аспектах процесса модернизации российской экономики // Вестник экономики, права и социологии. – 2015. – № 1. – С. 78–82.
10. Качалов Р. Управление хозяйственным риском – основа экономической безопасности региона // Проблемы теории и практики управления, 2006. № 4. – С. 45–52.
11. Портер М.Э. Конкуренция: Перевод с англ., 2002. – 496 с.
12. Derhy A. Fusions-acquisitions: la logique sectorielle // Rev. fr. de gestion. P., 1997. No 112. – P. 39–51.
13. Чуб Б.А., Бандурин А.В. Система инвестиционных взаимоотношений в регионе на примере Республики Татарстан. Издание второе исправленное и дополненное. – М.: «ТДДС – Столица-8», 1999. – 272 с.
14. Чуб Б.А. Управление инвестиционными процессами в регионе. – М.: Изд-во «БУКВИЦА», 1999. – 186 с.
15. Шлычков В.В. Теория и методология управления ресурсным потенциалом: дисс. ... док-ра экон. наук. – Йошкар-Ола, 2007.
16. Perroux F. Economic space: theory and applications // Quarterly Journal of Economics. – 1950. Vol. 64.
17. Шлычков В.В. Теория и методология управления ресурсным потенциалом: дисс. ... док-ра экон. наук. – Йошкар-Ола, 2007.

18. Швецов А. Соотношение централизации и децентрализации в государственной региональной политике: о сложившейся ситуации, необходимости и путях ее изменения // Российский экономический журнал, 2006. № 5–6. – С. 14–35.
19. Naisbitt J. Global paradox: The bigger the world economy, the more powerful its smallest players. – N. Y.: Morrow, 1994. – 304 p.
20. Саралидзе А. М. Методика оценки и прогнозирования показателей развития межрегионального экономического пространства // Экономика, статистика и информатика. Вестник УМО, 2014. № 1. – С. 162–166.
21. Тамов А. А., Добровольский А. Г. Теоретико-методологические аспекты исследования межрегиональной социально-экономической дифференциации в пространстве макрорегиона // Вестник Адыгейского государственного университета. Серия 5: экономика, 2013. № 1 (115). – С. 75–79.
22. Гаспарян Н. А. Межрегиональная интеграция как условие движения от общего – к единому национальному экономическому пространству // Экономика устойчивого развития, 2012. № 11. – С. 48–53.
23. Домбровский М. А. Стратегическое планирование межрегионального экономического пространства // European Social Science Journal, 2011. № 11 (14). – С. 410–418.
24. Мирзоев Р. С. Межрегиональные взаимодействия в российском экономическом пространстве // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 3: Экономика. Экология. 2011. Том 1. № 1. – С. 96–101.
25. Березова З. К. Системные характеристики экономического пространства в рамках межрегиональной интеграции // Terra Economicus, 2011. Том 9. № 3–3. – С. 147–150.
26. Божаренко Д. Ю. Преодоление межрегиональной дифференциации в новых процессах структуризации экономического пространства // Terra Economicus, 2011. Том 9. № 4–2. – С. 164–167.
27. Ходыревская В. Н., Кривошлыков В. С. Формирование рыночного пространства региона: межрегиональная торговля и новая экономическая география // Современные тенденции в экономике и управлении: новый взгляд, 2010. № 5–1. – С. 204–213.
28. Карачурина Л. Б. Межрегиональная миграция и социально-экономическая дифференциация пространства современной России // Проблемы прогнозирования, 2006. № 3. – С. 96–115.
29. Алафузов И. Г., Тимофеев Р. А. Кластеризация как фактор повышения эффективности региональной экономической системы // Актуальные вопросы экономических наук. – 2010. – № 15–2. – С. 96–101.

Информация об авторах

Смирнов Валерий Владиславович, кандидат экономических наук, доцент кафедры отраслевой экономики факультета управления и социальных технологий, Чувашский государственный университет имени И. Н. Ульянова, г. Чебоксары
428015, Чебоксары, проспект Московский, д. 15; Тел.: +7 (8352) 58–30–36
E-mail: walera712006@mail.ru

Кадышев Евгений Николаевич, доктор экономических наук, профессор, проректор по научной работе, Чувашский государственный университет имени И. Н. Ульянова, г. Чебоксары
428015, Чебоксары, проспект Московский, д. 15; Тел.: +7 (8352) 58–30–36
E-mail: kadyshev_en@mail.ru
ORCID: <http://orcid.org/0000-0002-9620-0327>

V. V. SHLYCHKOV¹¹ *Kazan National Technical University named after A. N. Tupolev*

ABOUT SOME ASPECTS OF INCREASING EFFICIENCY OF THE RUSSIAN ECONOMY

Abstract

Objective: to examine historical and social-economic reasons for choosing a raw way of development of the Russian economy; to analyze the results of structural reforms in Russia.

Methods: methodological framework of the research was based on ensuring the unity of logic and historical approaches; the authors have used methods, which are widely employed in research activity: descriptive, analysis and synthesis, deduction and induction, generalization, observation, forecasting and etc., as well as methods of inter-industry analysis, expert judgments; combination of these methods allowed the authors to ensure accuracy of the research and validity of its conclusions.

Results: this work demonstrates historical transformations in Russian economic system and also illustrates comprehension of necessity to modernize national economy, as well as lack of consensus among economists, experts and scientific society in finding ways and methods of solving this problem.

Scientific novelty: analysis of different sources and expert opinions, which was performed in this work, allowed us to determine that, the main vector of modernization in the Russian economy is to carry out a large-scale industrialization of industrial production and to create new work places related to the VI technological way.

Practical relevance: According to research results, the author forecasts possible consequences of emerging trends in modernization of Russian economy in a medium and long-term perspective.

Keywords: economic restructuring, VI technological way, modernization of industry, social assistance, strategy of national economic development.

Thanks to specific character of its geopolitical location, presence of vast territories and world's greatest stocks of natural resources, Russia has been developing over centuries primarily as agricultural state, economic system of which was based on agricultural production and extraction of mineral resources. Taxes and incomes, which were collected from export of raw material, for a long time allowed to replenish treasury and to a greater or lesser extent of efficacy to perform state duties in the field of defense, foreign policy, maintenance of public order and etc. And if Russian state always played an important role on a political stage of Europe, it could never objectively claim the status of being the world center of economic growth in matters of running the national economy.

Presence of considerable labor supplies and relevant availability of huge natural resources created natural competitive advantages for Russian economy on the 19th century emerging international market, but at the same time it reduced motivation for developing its own industrial production. While the leading Europe-

an countries in conditions of increasing competition strived to improve technologies, raise labor productivity and deploy every piece of land in economic turnover, Russia dynamically developed thanks to acquisition of new territories in Ural, Siberia and the Far East. Investments into agricultural production, trade and export of raw materials brought the guaranteed considerable incomes for investors during a short period of time, what allowed without much effort to attract circulating assets for financing of similar projects. At the same time, building of new industrial enterprises was connected with considerable risks and demanded other approaches for estimation of economic development perspectives and presence of qualified engineering personnel, and most significantly — quite large-scale and long-term investments. In these conditions Russian capital chose a less expensive “raw” variant of national economic development, concentrating its resources on the branches that are typical for the agrarian society. Foreign investors were guided by the same

reasoning, profitably investing their capital into trade, development of mineral recourses and construction of transport infrastructure for their export.

Russian industrial enterprises, which were constructed since the end of the 19th century within the framework of industrialization, performed manufacturing process generally on the basis of borrowed European technologies, and were almost fully targeted at domestic consumption and did not provoke strong competition for West European manufacturers on the international market. Consequently, until the second half of the twentieth century Russians seldom were at the cutting edge of scientific-technological revolutions that occurred in the world; and certain achievements in some fields of science and industry did not influence the general level of development of national economy that prior to socialist industrialization in the 30-s developed within the framework of the second technological way and on the eve of the Second World War was in need of urgent modernization and structural reformation.

All economic reforms in Russia were commonly carried out “from above” not so much under strong pressure of internal contradictions as that of external factors. As a rule, invited foreign specialists acted as change agents, and their aim was to implement the cutting-edge European scientific and technological achievements into Russian economy. At the same time, since the beginning of the 17th century European governments consecutively began to carry out the policy of economic growth containment in regard to Russia, regarding it solely as a supplier of raw material recourses; and they were interested in technological weakness of the potential competitor and probable military adversary.

The fundamental social and political changes, which occurred in the world during the last 300 years, did not fundamentally change attitude of leading and now world economies towards Russia, which, the same as at the time of Peter I, they wanted to see primarily as raw source of its own economic development. In conditions of globalization of world economy, a famous status “Great energetic power” that was assigned to Russia at the beginning of the 21st century, although in a seemingly attractive form for Russians, actually confirms its role as an appendage of the world economy, and the policy of economic sanctions and technological restrictions, performed by USA and Western European governments in relation to our country, clearly demonstrates their actual goals and true intentions.

The contemporary Russian economy, a historical path of which began in 1991, already has a considerable experience in reformation and modernization. The independent Russian state, which emerged within the former RSFSR's boundaries, laid in the basis of its economic model a heritage of the Soviet administrative system in the form of worn-out basic production assets, largely outdated technologies, lack of resources for capital contributions (investments), considerable external debts and etc. The only liquid assets of the Soviet heritage were Russian land, forests, water and world's largest explored reserves of natural resources, including “blood” of the modern economy — hydrocarbons. At the time when the possibility of existence of Russia as an independent and sovereign state remained doubtful, “energy and raw materials” scenario and use of natural competitive advantages of the gas-and-oil power again became an optimal way for the national economy development. The transition to a foreground development of the oil-and-gas sector, which was forced under these circumstances, only intensified a raw orientation of the Russian economy, however, the revenues, which were obtained on foreign markets, could ensure that the social obligations towards population were performed by authorities and a political situation was stabilized.

Transformation of the Russian economic system was inseparable from transformation of the country's socio-political structure, refusal from dominance of Communist ideology in society, including the Marxist economic dogmas and tenets, existing both in scientific theory and economic practice. The economic bloc of Russian Government under the leadership of E. T. Gaidar, selecting “Westernization” as a strategic development direction [1, p. 54], transferred the Russian economy to market basis, introduced the institution of private property, carried out privatization of state property, created a fundamentally new banking system and independent financial institutions and etc. The economic model, which was created for a short period of time and involved great expenses, allowed to stabilize a socio-economic situation in the country and to stop the processes of state decentralization, however, because of initially limited capacities it could not provide a further progressive development, and most of reforms (energy, pension system, small business support, antimonopoly policy, etc.), which are traditionally held in Russia “from above”, depleted their positive inner message by the early 2000-s and did not achieve the stated goals.

The change of the country's head, which happened in 2000, resulted in a review of national development priorities and a significant adjustment of socio-economic policy. Since 1991 both society and political elite gradually developed the understanding that rejection of ideological and military confrontation with the West did not automatically made Russia an equal partner of the leading economically developed countries, geopolitical interests of which are a priori aimed at achieving the superiority over any potential competitor. In fact, this confrontation was only transformed into new forms of competition, since the Russian economy, which took the market path of development, turned into a serious opponent for the West, whose behavior on the global international market is no longer burdened by Marxist-Leninist dogmas and is defined by pragmatic understanding of its own economic and political interests. At the same time, economy of the new Russia, not fully using its potential, already began to demonstrate a positive development trend and a growing influence on the global economy, what caused a response of "partners" in the form of activation of the containment policy, financial sanctions and restrictions on economic activities. Moreover, having estimated the results of the cold war in their own way, Western countries on the rights of the "winners" tried to assign to Russia the role of "regional state" and source of raw materials for international economy, as well as to take a full control over the Russian domestic market, having reached in this way a significant progress.

The situation when "share of imported equipment and technologies in metallurgy — 75%, in fuel-and-energy complex and timber industry — 70%" and "agriculture almost entirely depends on imports of seeds, pesticides, veterinary products, equipment for poultry farms and livestock breeding complexes" [2] clearly demonstrates success of our "partners" in struggle for the Russian market and failure of the current model of the national economy to ensure economic and thus, as a final result, political sovereignty.

Economic sanctions, which were imposed on Russia in 2014, undoubtedly played a negative role in slowdown of the national economy, restricting the direct access to external investment resources and the latest technologies for Russian economic agents [3; 4]. However, sanctions would not be so painful, if the current economic model did not initially involve system internal contradictions, and if it would have necessary immunity against negative external influences and large adaptive

capacities, which can be ensured only by a high degree of economic and technological self-sufficiency.

Nowadays authorities and most of Russians have full understanding of necessity for national economic modernization, but in our society there is no consensus in finding ways and methods of solving this task, in establishment of priorities and determination of strategic reformation vector. In addition, there are no common approaches to this problem within Russian economic society, where contradictory and sometimes mutually exclusive viewpoints in regard to prospects for state economic development exist simultaneously. At the same time, the idea of restructuring the Russian economy and releasing it from raw and, first of all, oil-and-gas dependence is supported by most of experts and scientists, regardless of their commitment to any given scientific schools and movements.

Russian economic science, despite existing contradictions (maybe thanks to them), continues to develop and is ready to offer alternative models of economic growth. The economic community has been discussing over the last years "Strategies of interactive modernization" by academician of Russian Academy of Sciences V. M. Polterovich, "Strategies of advanced development of Russia in conditions of global crisis" by academician of Russian Academy of Sciences S. U. Glazyev, the development strategies developed by academician R. I. Nigmatullin and etc. We think that, after discussion and certain adjustments, each of the above-mentioned scientific concepts can constitute at least a part of the scientific foundation of the new economic development strategy of the country, and collective efforts of Russian economists will allow consequently to formulate the unified theoretical and methodological approaches to reformation of national economy. However, lack of any real public demand and political will of the country's leadership does not allow to transfer this process from the realm of scientific debate to practical implementation.

Nowadays the strategy "Innovative Russia-2020" and its slightly modified version "New strategy 2020", assumed as a basis of the economic policy, do not quite adequately reflect the economic realities and need at least a serious correction with account of changed external economic and political factors. Moreover, it is necessary to invite for this work the widest possible range of scientists and experts, who deal with problems of economy not only at the federal level, but also in regions and mu-

nicipal entities, because exactly here the vast majority of economic agents conduct their business activity.

However, it must be born in mind that the Government's economic policy does not quiet effectively stimulate regions for conduct of structural reforms and modernization of industry, giving them a relative freedom of behavior in this, as a matter of fact, non-alternative process. Today the economically weak subjects successfully compensate their economic inactivity at the expense of considerable financial subsidies from federal centre and sometimes harmfully for development of real sector of their economy direct the lobbying efforts towards increasing this assistance in the future. At the same time, systematic and diligent work on modernization of economy of foremost regions leads just to the increase of their tax base and, thus, the amount of payments towards federal center, because the current budget mechanism does not provide them with any preferences in the course of replenishing the treasury with additional incomes, obtained through improving the "quality" of economy [5; 6].

As for municipal authorities, the existing fiscal and tax systems almost do not motivate them for introduction of innovations; and the amount of tax revenues to local budgets does not have any direct connection with the technological level of enterprises that run economic activities on their territories. Moreover, development of production with a large amount of manual labor in a small Russian town has more economical advantages for local authorities than creation of a small innovative enterprise, as it allows to employ more workers and to reduce the unemployment rate in this municipal entity. The land tax, collected nowadays, is the basis for local budget formation and its volume is calculated on the cadastral value of land; however, the existing correction coefficients to business activities of economic agents significantly affect its final amount. So, if in the city of Kazan the land will be allocated for organization of trade or public catering, its owner will annually pay 0.4% of its cadastral value as a tax. At the same time, if any production will be created on the land of similar location and size, its owners will pay to the local budget the standard rate — 1.5% of its cadastral value, what obviously does not motivate economic agents for the production activity.

After comprehensive analysis of socio-economic situation in the country, the invited experts must submit two papers to the society's approval — the new "Economic strategy of Russia for the period up to 2040"

and the document elaborated on its basis "Program of development of Russian economy" for the same period. "Strategy" must be removed from false economic recipes and become a scientific-theoretical justification for practical steps of participants of modernization process of the existing economic model, distinguishing a special role of the state as the main coordinator and moderator of socio-economic transformations. The strategy should clearly and specifically determine goals and tasks of reforms, methods and mechanisms for their achievement, as well as a strategic vector of the Russian economic development and establish target values that allow an objective monitoring of the process. Under conditions of limited resources, it is extremely important to correctly set priorities of development, understanding in advance that "desire to preserve all industries will lead to decrease of national standards of living" [7].

The fundamental provisions of the new economic strategy, coordinated at the level of expert community, should be submitted for nationwide discussion and undergo the procedure of public hearings with subsequent legal registration not in the form of RF President's Decree (as it was in 2012), but in the form of a full-fledged law adopted by the Federal Assembly and signed by the RF President. The government should take full advantage of its ideological apparatus and organize discussions on economic issues in federal and regional mass media with participation of the most authoritative experts and public opinion leaders, as it was done in the matter of reunification of Crimea with Russia. Meanwhile, the phrases, quite often used by our colleagues, such as "The intense discussion has developed in society concerning ways of modernization of the economy" do not correspond to realities, because the problems of macroeconomics, excluding the exchange rate dynamics and probably the future of pension reform, are not included in the priorities of most of Russian citizens and their discussion still remains the prerogative of a relatively small group of specialists.

As for informative content of the new "Strategy", we think that it should be focused on the domestic market development and be based on a large-scale industrialization of industrial production and technological modernization of the entire national economy. One of the main goals of economic policy should be exactly the formation of a competitive economic system, based on high-tech workplaces related to the VI technological way; and the actual number of these created workplaces will act

as an indicator of readiness of individual sectors, specific enterprises, regions, municipalities and economic agents for modernization of their production and reception of investments. At the same time it is necessary to establish the unified federal methodology that certifies the compliance of technologies and workplaces with the VI technological way in order to eliminate inevitable attempts of abuse, made by individual subjects, who unreasonably seek to obtain privileges and preferences of participants of modernization process [8].

We must accept the fact that the V technological way was not mastered by the Russian economy, and at the present time, when during modernization the world's leading economies "throw off" their productions to other countries, there are significant risks to take the beaten path and for the sake of immediate benefits to open our market for actually outdated technologies and equipment. A similar situation already occurred in our history, when since 1945 the reliable captured German machine tools and equipment of III technological way had been taken as basis of development of the Soviet industry for many years. Meanwhile, Western countries actively started the transition to IV technological way and on its basis performed the construction of new enterprises, which in the medium term gave them considerable competitive advantages in the economic competition with USSR and countries of the Council for Mutual Economic Assistance.

Today, life itself suggests the answers to many controversial questions. Thus, in conditions of economic sanctions imposed on Russia, there is no more point in developing the discussion about priorities of import substitution or export-oriented way of Russian economic development. We think that in this case one option does not completely exclude the other one and there is the opportunity to find a compromise in determining the vector of its development. If under realization of the import substitution policy the domestic producer will be given the task of production output, qualitative characteristics of which will exceed the best world samples in all main indicators, in fact we will talk about creation of the final product that can successfully compete on the foreign market. Of course, in conditions when national security and defense of the country require extraordinary measures for substitution of supplied foreign components during production of military equipment or issue of medicines essential for the population, the state should focus its efforts on solving such problems

as a top priority. However, following a comprehensive audit and identification of specific items for import substitution and within the framework of already scheduled work, the Russian economy will be able to find an optimal balance between the demands of domestic market and its foreign economic interests.

It is necessary to take the list of 27 critical technologies as the basis of work on import substitution [9] and already today to formalize the requirement of using only domestic components and parts during development and production of new types of products necessary for ensuring the national security, including food, energy, information products and etc. This will allow within 5–7 years (average time of implementation) to gradually eliminate tension in solving the problem of import substitution and in the future to transfer to export-oriented economic policy, realizing that in the global information society, tastes and demands of consumers on domestic and foreign markets will virtually be formed by the same rules and trends, in parallel with a focus on qualitative indicators of "top" examples of the world leaders of the corresponding industries.

As for "Program of development of the Russian economy", it should become the main economic document of the country, a kind of "road map" on the way of national economic development; and considering the state system of Russia it should consist of federal, regional and municipal sections and contain the list of specific steps, which are carried out on certain territories in all sectors and types of economic activity. Activities, which underwent the strong preliminary selection and were included in the "Program", should be aimed at modernization of the economy and development of corresponding productions and territories, proceeding from a comprehensive assessment of their socio-economic potential and, primarily, investment opportunities. Specific sources and amounts of funding, deadlines and effective forms of control should be defined for each item of the "Program".

At the same time "Program" should be free from manipulation with economic terms and be written in the most accessible language; and its internal content should be focused on the comprehension by the vast majority of economic agents. This will allow any concerned subject, after recognition and formulation of his own interests, to find a place for application of his resources and entrepreneurial skills within the framework of a large-scale national process of modernization of the Russian economy.

The development of these two fundamental documents will require involvement of a significant number of qualified professionals, improvement of the quality of scientific-analytical work and serious efforts from the entire economic community. We think that today the Russian economic science has the potential necessary for solving this highly complex scientific-practical problem; and the expert community can cope with it within 3–4 years with proper instructions and financing from the political leadership of the country.

Thus, it is necessary to undertake initial steps in economic reformation already today without waiting for elaboration of methodological bases of modernization management process. First of all, maintaining a social orientation, we should transfer to an active economic policy, creating conditions for a permanent increase in the level of economic activity of agents, focusing them on obtaining a positive effect from their activities already in a short-term perspective. The government must direct its efforts towards maintenance of consumer spending and investment activity of business, abandoning plans to increase the tax burden, and conducting the policy of tax incentives and subsidization of investment projects, providing financial support for credit institutions of “the second tier” (small and medium-sized regional banks), which directly work with enterprises of the real economic sector.

According to government’s forecasts, the Russian economic crisis will continue until 2017 and the further transition to sustainable development of the national economy will be impossible without investments into its modernization and creation of new high-tech production facilities. Some experts think that the current level of investments in the amount of 14 trillion rubles per year can not provide a sustainable growth of the Russian economy in the future and needs an annual increase of 10% or 1.5 trillion rubles for solving this problem [10]. At the same time it is necessary to change the “quality” of investment resources, a considerable part of which should be converted into “long-term” money, which will allow to credit infrastructure projects with a payback period of more than 15–20 years.

As for sources of investments, in conditions of restrictions of foreign borrowings, the main investor of the Russian economy still remains the state itself, which, unfortunately, does not always effectively use its resources. The accumulated gold and foreign exchange stocks and reserve funds, in our view, can play a much bigger role in modernization of the economy, if their significant pro-

portion will come to the real sector of the economy in order to finance the major projects, which are recognized as the locomotives of socio-economic development of the country and have a significant multiplicative effect.

In addition, it is necessary to carry out institutional modernization and to restore public confidence in state institutions and economic policy. The survey of 1,200 entrepreneurs from 16 municipal entities of the Republic of Tatarstan falling under the category “small business”, held in April, 2015 by the information-analytical centre “Expert” (city of Kazan), showed that more than 65% of the respondents have significant claims against the state as the main regulator of all social and economic processes, pointing at the inefficiency of its institutions and the current economic mechanisms. Despite numerous statements of the authorities about state support for private initiative in the economy, according to the respondents, the pressure of bureaucracy on businesses only increased in recent years, corruption remained at the same level and its new forms emerged, and the existing economic mechanisms do not provide all economic agents with equal access to distributed resources and state-municipal orders. Real dominance of “manual” control at all levels of Russian governmental authorities only confirms the weakness of state institutions and the lack of unified and effective system of national administration.

Moreover, the Russian state is not regarded as an efficient owner and careful host by 82.3% of the respondents. Certain detected cases of ineffective spending billions of rubles from the budget, widely discussed in society, clearly demonstrate the fact that during 24 years of the modern Russian history we failed to create an effective economic model and to establish a system of objective control in order to exclude irrational use of resources and abuse of power. Corruption and numerous cases of lack of any officials’ liabilities for mismanagement and even undisguised stealing make our state in the eyes of the citizens weak and unable to ensure not only a constitutional “equality of all before the law”, but also a basic social justice. It is very difficult to find a logical explanation for results of the meeting between the head of “RUSNANO” Anatoly Chubais and representatives of the faction “United Russia”, which took place in State Duma on May 22, 2015, during which they discussed results of check-up of the corporation activities, performed by the Counting Chamber of the Russian Federation for the period 2007–2012. Having recognized the inefficiency of investing the company’s

funds in amount of tens of billion rubles (not considering 6 billions of administrative costs), and having established the fact that “system of control over expenditure was absent; assessment of the market was inadequate, managers appeared to be ineffective and were dismissed by 60%” [11], the head of “Rosnano” asked deputies to support his request about allocating more than 50 billion rubles of subsidies for the corporation in 2016–2020 within framework of the state support for nanotechnology and the provision of state loan guarantees in amount of 100 billions. It seems to be quite strange that, on the background of detected and publicly recognized “successes” in development of the first 196 billion rubles from the budget, Anatoly Chubais’s team of “professionals” in the same personnel again claim the right to independently command another tranche for nano-development of Russia, which according to media reports will be provided by the Government of the Russian Federation in the near future [12]. It is hard to imagine a situation in which owners of any transnational corporation approved the similar “positive” results of economic activities of the management team and easily gave it additional financial resources for a new “distribution”. It seems to us, that in the similar situation in the West neither past achievements nor private friendly relations would not be able to protect such “successful managers” at least from a shameful resignation, and the perspective of criminal prosecution would become a natural result of evaluation of their activity. But the Russian realities are such that the state authorities, responding to violations of public interests and sometimes their laws, do not always timely take appropriate counter measures, sometimes demonstrating selectivity and inconsistency of the policy, avoiding public discussion of “inconvenient” problems in every possible way.

We think that today in Russia only the institution of presidency has a significant level of trust and public support, while Government, most of ministries and agencies, deputy corps, judiciary system and etc. are subjected to strong criticism from society for low efficiency of their activities. It is possible to restore public trust towards state institutions only through their fundamental modernization, establishment of efficient public control of their activity, and considerable rotation of public officials. As long as any personnel decision is based not on patriotism and professional skills of the applicant for a public position, but on its affiliation with a certain community, it is unlikely to restore the trust of citizens towards state apparatus and to estab-

lish a constructive cooperation between society and state institutions.

At the same time it is necessary to recognize that public support, being a social phenomenon, has a specific and measurable economic value. In this case at the cost of restoration of lost public trust, business processes will be activated and the range of economic agents will be expanded, and the Russian economy will have a relatively new investor — our citizens and households, the total savings of which can fundamentally change the general investment climate. According to the RF Ministry of Economic Development as of 01.11.2016, the volume of deposits, which Russian physical persons possess on domestic bank accounts, amounts to 23.4 trillion rubles [13]. Moreover, some analysts think that the volume of cash savings, which the Russians have on “hands”, is estimated to be 3 trillion rubles and 200–240 billion USA dollars in a foreign currency, and the total volume of financial assets, possessed by the population, is estimated to be 700 billion dollars, which is almost two times higher than the official gold and exchange currency reserves of Russia [14]. According to the academician A. G. Aganbegyan, 700 billion dollars, owned by Russian citizens, are allocated in offshore companies or on foreign bank accounts [15, p.12].

Today, the population’s financial resources work for national economy in the best case through mechanisms of allocating funds on bank deposits and come to the real sector of economy with account of credit institutions’ costs and profits. If the state will be able to convince its citizens in its efficiency and reliability, fairness of the judiciary system and predictability of actions of political leadership, it will be possible to expect a gradual upturn of citizens’ economic activity, development of new forms of interaction between business and government, formation of a full-fledged Russian stock market, the presence of which always serves as an evidence of stability and steadiness of national economy.

In the case of establishment of the favorable investment climate in Russia, 150 billion dollars, which are located in the accounts of offshore companies associated with the Russian economy, and the exported income from reinvestment into the title companies in the amount of more than 300 billion dollars may become the additional source of economic growth [16, p. 21]. The return of even a part of these funds to the full economic turnover can dramatically affect the growth rate of the Russian economy and minimize negative effects of the economic sanctions imposed on the country.

References:

1. Bataykin P. A. Razrabotka i realizatsiya bikheovioriststskoy paradigmy regulirovaniya sovremennoy rossyskoy ekonomiki. – M.: Ekonomika, 2014. – 298 s.
2. Evgeny Primakov nazval glavnye nedostatki nashey ekonomiki. – URL: <http://m.rg.ru/2015/04/02/barrel-site.html>.
3. Smirnov V. V., Kadyshev Ye. N., Kadysheva O. N. Potentsial prodovolstvennogo importozameshcheniya regiona // Ekonomika i predprinimatelstvo. 2016. № 2–2 (67–2). S. 399–405.
4. Timofeyev R. A., Bataykin P. A. Klyuchevye voprosy politiki trgovno-ekonomicheskikh sanktsiy v sovremennykh usloviyakh rossyskoy ekonomiki // Vestnik ekonomiki, prava i sotsiologii. 2016. № 1. S. 91–94.
5. Shlychkov V. V., Vedin N. V., Khasanova A. Sh. A Quarter Century of Reform of the Russian Economy: Is it Wandering in a Maze or Jogging in Place? // Indian Journal of Science and Technology. December 2015. Vol 8 (S10). DOI: 10.17485/ijst/2015/v8iS10/84883.
6. Kulish S. M. Analiz osobennostey razvitiya regionalnykh khozyaystvennykh sistem // Segodnya i zavtra Rossyskoy ekonomiki. 2016. № 75–76. S. 109–113.
7. Porter M. Mezhdunarodnaya konkurentsia: Konkurentnye preimushchestva stran. – M.: Mezhdunarodnye otnosheniya, 1993. – 896 s.
8. Shlychkov V., Nestulaeva D. Economic science and evolution of economic agents' expectations formation process // Asian Social Science. 2015. T. 11. № 19. C. 82–89. DOI:10.5539/ass.v11n19p82.
9. Perechen kriticheskikh tekhnologiy Rossiyskoy Federatsii (ot 7 iyulya 2011 goda) – URL: <http://kremlin.ru/supplement/988>.
10. Glazyev S. Yu. O strategii razvitiya rossyskoy ekonomiki. / Nauchny doklad. – M.: NIR, 2006. – 132 s.
11. Volobuyev A. Za chto Anatoly Chubays uvolil dve treti menedzherov "Rosnano". – URL: <http://lenta.ru/articles/2015/05/25/rosnano>
12. Salmanov O., Rozhkov A. "Rosnano" prosit eshche 50 mlrd rub. // Vedomosti. – 03.02.2015. – № 3763.
13. Monitoring i analiz sotsialno-ekonomicheskogo razvitiya Rossyskoy Federatsii i otdelnykh sektorov ekonomiki // Minekonomrazvitiya monitoring 28.11.2016 g. – URL: <http://economy.gov.ru/minec/activity/sections/macro/monitoring>
14. Marketing v Rossii 2016. Spravochnik Gildii Marketologov. – M.: Gildiya marketologov, 2016.
15. Aganbegyan A. G. O prichinakh zamedleniya sotsialno-ekonomicheskogo razvitiya strany i vozmozhnostyakh perekhoda k operezhayushchim tempam rosta // Aktualnye voprosy ekonomicheskoy strategii Rossii. – M.: Izdaniye Gosudarstvennoy Dumy, 2014. – 64 s. – S. 4–12.
16. Ivanter V. V., Porfiryev B. N., Shirov A. A., Moiseyev A. K. Ekonomicheskyy rost i ekonomicheskaya politika v Rossii // Aktualnye voprosy ekonomicheskoy strategii Rossii. – M.: Izdaniye Gosudarstvennoy Dumy, 2014. – 64 s. – S. 13–26.

Information about the authors

Shlychkov Valeriy Vladimirovich, doctor of economic sciences, professor of Economic Theory Department Kazan National Research Technical University named after A. N. Tupolev
 420111, Kazan, st. Karl Marx, 10; tel. +7 (843) 231-01-91
 E-mail: shlichkov_valery@mail.ru
 ORCID: <http://orcid.org/0000-0002-3307-2153>

Science of law

Юриспруденция

УДК 347.1 (575.2) (04)

DOI: <http://dx.doi.org/10.20534/AJH-16-11.12-104-120>Ch. I. ARABAEV¹

¹ National Academy of Sciences of the Kyrgyz Republic (NAS KR), The Department of civil law and process of the Kyrgyz National University. J. Balasagyn (part-time)

THE CURRENT STATE OF CIVIL LAW KYRGYZ REPUBLIC

Abstract

Objective: to determine the main sources of the civil law system of the Kyrgyz Republic; the disclosure of its modern state and main directions of further development.

Methods: scientific-theoretical, comparative-legal, historical, logical, observation and description.

Results: identified the major sources of the civil law system, the identified historical background of the development of civil law, the conclusion is made about the state at the present stage of the civil law, the solutions to the problems arising from the application of civil law.

Scientific novelty: the article based on the methods studied civil legislation.

Practical relevance: the main provisions and conclusions of the article can be used in legislative, scientific and educational activities when considering the study of civil law.

Keywords: Laws, civil law, legal system, sources of civil rights, market economy, civil law relations.

Reference

1. The Constitution of the Kyrgyz Republic on June 27, 2010. – Bishkek Academy 2010: <http://toktom.kg>
2. Alekseev S. S. Grazhdanskoe pravo v sovremennuju jepohu. – M.: Jurajt, 1999. (in Russ.).
3. Al'chiev K. A. Sovettik Kyrgyzstandyn grazhdandyk kodeksi – Frunze: Kyrgyzstan, 1971. (in Kyrg.).
4. Al'chiev K. A. Vozniknovenie i razvitie grazhdanskogo prava v Sovetskom Kyrgyzstane – Frunze: Ilim, 1975. (in Russ.).
5. Arabaev Ch. I. Obespechenie sistemnosti v zakonotvorcheskoj rabote, Pravo: teorija i praktika. – M., 2004. – № 10. (in Russ.).
6. Arabaev Ch. I. Sovershenstvovanie grazhdanskogo zakonodatel'stva Kyrgyzskoj Respubliki: sovremennoe sostojanie i perspektivy, Izvestija vuzov. – Bishkek, 2008. – № 10. (in Russ.).
7. Baranov V. M. Formy (istochniki) prava: Obshhaja teorija – N/Novgorod, 1993. (in Russ.).
8. Germanskoe pravo. Grazhdanskoe ulozhenie. Per. s nem. Ch. 1, Nauch. red.: V. V. Zalesskij; Per.: N. G. Eliseev, A. A. Lizunov, N. B. Shelenkova; Vved.: V. Bergman, E. A. Suhanov. – M.: MCFJeR, 1996. (in Russ.).
9. Farhutdinov Ja. F. Istochniki grazhdanskogo processual'nogo prava – Kazan': Izd-vo Kazan. un-ta, 1986. (in Russ.).
10. Nauchno-prakticheskij kommentarij k otдел'nym stat'jam Grazhdanskogo kodeksa Kyrgyzskoj Respubliki, Pod obshh. red. A. R. Salieva, A. A. Davletova. – Bishkek: Graffa, 2015. – 488 s. (in Russ.).
11. Grazhdanskoe i torgovoe pravo kapitalisticheskikh gosudarstv, Otv. red.: Vasil'ev E. A. – 3-e izd., pererabotannyj i dopolnennyj – M.: Mezhdunarodnye otnosheniya, 1993. – 560 c. (in Russ.).

12. Kyrgyzstan: jenciklopedija: T. 9., Gl. red. U. A. Asanov. – Bishkek: Izd-vo NAN KR, 2016. (in Russ.).
13. Alekseev S. S. Obshhaja teorija prava: kurs v 2 t. – M.: Juridicheskaja. lit., T.1 (1981); T.2 (1984). (in Russ.).
14. Arabaev Ch. I. Konstitucionno-pravovye problemy ustojchivogo razvitiya Kyrgyzskoj Respubliki v sovremennyj period, Gosudarstvo i pravo. – M., 2004. – № 11. (in Russ.).
15. Arabaev Ch. I. Grazhdanskoe pravo Kyrgyzskoj Respubliki: uchebnik. – 2-izd., ispr. i dop, Ch. I. Arabaev. – Bishkek: Nur-As, 2010. (in Russ.).
16. Arabaev Ch. I. Jenciklopedija grazhdanskogo prava Kyrgyzskoj Respubliki – Bishkek: Turar, 2016. (in Russ.).
17. Guljaev A. M. Russkoe grazhdanskoe pravo, A. M. Guljaev. – SPb., 1913. Reprint. izd., Obzor dejstvujushhego zakonodatel'stva i proekta grazhdanskogo ulozhenija: posobie k lekcijam. – Kiev (Ogloblin), 1907: 1 ijunya 1907 g. Juridicheskaja bibliografija: 1 ijunya 1907 g., izdavaemaja Demidovskim juridicheskim liceem. – Jaroslavl': Tip. Gubern. pravl., 1907. – № 1. (in Russ.).
18. Grazhdanskoe pravo i grazhdanskoe zakonodatel'stvo. Otv. red. M. K. Sulejmenov. – Almaty: NII chastnogo prava KazGU, 2009. – S. 33. (in Russ.).
19. Sergeev A. P., Ju. K. Tolstoj Ju. K. Grazhdanskoe pravo: uchebnik – izd. 5, pererab. i dop., A. P. Sergeev, Ju. K. Tolstoj. – M.: Tipografija L. V. Rozhnikova, 2001. (in Russ.).
20. Kalmykov, Ju. H. Voprosy primeneniya grazhdansko-pravovyh norm., Ju. H. Kalmykov. – Saratov: Izd-vo Saratovskogo un-ta, 1976. – S. 267. (in Russ.).
21. Mejer D. I. Russkoe grazhdanskoe pravo. – Ch. 1. – M., 1997. (in Russ.).
22. <http://toktom.kg> 23. The Civil Code of the Kyrgyz Republic. Part 1 – Bishkek Academy 2010: <http://online.toktom.kg>.

Information about the author

Cholponkul I. Arabaev, Doctor of Law; corresponding Member of NAS of the KYRGYZ Republic; Honored lawyer of the Kyrgyz Republic; Chief scientific Secretary of the Presidium of the National Academy of Sciences of the KYRGYZ Republic; Head of Department of civil law and process (in collab.).

National Academy of Sciences of the Kyrgyz Republic (NAS KR), The Department of civil law and process of the Kyrgyz National University. J. Balasagyn (part-time)

Address: Kyrgyz Republic, Bishkek, 720071, Chui prospect 265a; tel: (996–312) 39–23–66

E-mail: arabaev@mail.ru;

ORCID: <http://orcid.org/0000-0001-5359-919>

Ч. И. АРАБАЕВ ¹

¹ Национальная Академия наук Кыргызской Республики (НАН КР); Кафедра гражданского права и процесса Кыргызского Национального Университета им. Ж. Баласагына (по совместительству)

СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ ГРАЖДАНСКОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА КЫРГЫЗСКОЙ РЕСПУБЛИКИ

Аннотация

Цель: на основе авторского концептуального подхода определить основные источники в системе гражданского законодательства Кыргызской Республики; проведение научного анализа и раскрытие современного состояния, основных проблем направления и дальнейшего развития гражданского законодательства Кыргызской Республики.

Методы: научно-теоретический, сравнительно-правовой, исторический, логический, наблюдение и описание.

Результаты: определены основные источники системы гражданского законодательства; проведен научный анализ и выявлены исторические предпосылки развития гражданского законодательства; сделан вывод о состоянии на современном этапе гражданского законодательства; определены пути решения проблем, возникающих в результате применения гражданского законодательства Кыргызской Республики.

Научная новизна: в статье на основе представленных методов комплексно исследовано современное состояние действующего гражданского законодательства Кыргызской Республики; выявлены основные проблемы правоприменительной практики и предложены пути их решения.

Практическая значимость: основные положения и выводы, сделанные автором, являются основой для дальнейшего совершенствования и гармонизации гражданского законодательства и могут быть использованы в научной и педагогической деятельности при рассмотрении вопросов изучения гражданского законодательства.

Ключевые слова: «Законы», «гражданское законодательство», «правовая система», «источники гражданского права», «рыночная экономика», «гражданско-правовые отношения».

ВВЕДЕНИЕ

В соответствии со статьей 1 Конституции, Кыргызская Республика (Кыргызстан) является суверенным, демократическим, правовым, светским, унитарным, социальным государством [1]. Кыргызстан находится в средней части Центральной Азии, в основном на территории Тенир-Тоо, и граничит на востоке с Китаем, на юге и юго-западе — с Таджикистаном, на западе — с Узбекистаном, на севере — с Казахстаном. Почти 90% его территории лежит выше 1 500 м над уровнем моря, средняя высота 2 7500 м [12].

В современных условиях в Кыргызстане происходят кардинальные изменения во всех сферах жизнедеятельности общества. Модификация общественных отношений и качественные изменения в экономической, политической и духовной жизни влекут за собой и модернизацию национального законодательства. В этом процессе важная роль отводится **государству с парламентской формой правления**, основанному на верховенстве закона, соблюдении и защите прав и свобод человека и гражданина. В переходных обществах возрастает роль и значение гражданского законодательства, который служит основным регулятором товарно-денежных и иных отношений, складывающихся в рыночном хозяйстве. В Кыргызской Республике отношения, регулируемые гражданским законодательством, довольно обширны и касаются как граждан, так и юридических лиц. Сегодня трудно перечислить все те отношения между субъектами права, которые регулируются гражданско-правовыми нормами, ибо их круг не только чрезвычайно широк, но и разнообразен: нормы гражданского законодательства находят свое отражение в многочисленных нормативных правовых актах Кыргызской Республики.

Базовую основу современной системы гражданского законодательства Кыргызской Республики составляют: Конституция Кыргызской Республики, Гражданский кодекс, законы, подзаконные нормативные правовые акты, издаваемые Президентом и Правительством Кыргызской Республики, министерствами и ведомствами, международные договоры и соглашения, участником которых является Кыргызская Республика, обобщенные материалы судебной практики.

ОСНОВНАЯ ЧАСТЬ

В системе гражданского законодательства главным актом является **Конституция Кыргызской Республики**, имеющая высшую юридическую силу и прямое действие. Конституция состоит из девяти разделов и 114 статей, имеющих конкретные юридические нормы, предусматривающие принципиальные положения гражданского законодательства Кыргызской Республики [1].

Непосредственное значение для гражданского законодательства имеют конституционные нормы, определяющие формы и содержание права собственности, устанавливающие параметры правоспособности граждан для раскрытия содержания субъективных гражданских прав (неприкосновенность жилища, свобода и тайна переписки, честь, свобода частной жизни, личная и семейная тайна, право на тайну переписки, телефонных и иных переговоров, почтовых, телеграфных, электронных и иных сообщений).

В соответствии со статьей 6 на основе Конституции Кыргызской Республики принимаются конституционные законы, законы и другие нормативные правовые акты [1]. Исходя из данной ключевой нормы, а также основополагающего его значения можно сделать вывод, что Конституция Кыргызской Респу-

блики служит основой гражданско-правового моделирования общественных отношений и юридической базы кодификации гражданского законодательства.

Следующим по значимости в системе современного гражданского законодательства Кыргызской Республики является **Гражданский кодекс Кыргызской Республики**, занимающий особое место как кодифицированный системообразующий закон, обладающий высшей юридической силой по сравнению с другими нормативными правовыми актами и в целом служащий юридической базой для гражданского законодательства Кыргызской Республики.

Роль и значение Гражданского кодекса Кыргызской Республики в современных условиях неопределима, так как предметом его правового регулирования являются имущественные и личные неимущественные отношения. Сегодня нет субъектов права, которые не пользовались бы этими правами, т. е. Гражданским кодексом Кыргызской Республики охватываются насущные потребности и интересы как отдельных граждан и юридических лиц, так и государства в целом. В условиях рыночной экономики Гражданский кодекс справедливо называют «второй конституцией». А некоторые исследователи, в частности М. К. Сулейменов, — «экономической конституцией», поскольку Гражданский кодекс «стал настоящим стержнем, вокруг которого формировалось экономическое законодательство» [18]. Это, однако, не более чем образное выражение, цель которого подчеркнуть особо важное значение Гражданского кодекса в регулировании экономики Кыргызской Республики.

Опыт развитых демократических стран свидетельствует о том, что формирование в той или иной стране гражданского общества связывается не столько с демократической Конституцией, сколько с Гражданским кодексом. Известно сколь большое значение придавал ему французский император Наполеон Бонапарт. В одном из писем с острова Святой Елены он писал: «Моя слава не в том, что я выиграл 40 сражений, — одно поражение при Ватерлоо затмит в памяти потомства остальные победы. Но что не умрет никогда, что будет жить в веках — это мой Гражданский кодекс».

Гражданский кодекс Кыргызской Республики, принятый 8 мая 1996 года и вступивший в действие с 1 июня 1996 года, является первым кодифицированным отраслевым нормативным правовым актом из серии законов после принятия в 1991 году Декла-

рации о суверенитете и независимости Кыргызской Республики. Гражданский кодекс как бы стал одной из политико-правовых предпосылок новой кодификации суверенного и независимого Кыргызстана.

При подготовке Гражданского кодекса Кыргызской Республики были использованы мировые достижения и лучшие образцы гражданского законодательства (в частности Российской Федерации, Казахстана, Германии, Нидерландов, провинции Квебек Канады и т. д.), модельный гражданский кодекс стран Содружества Независимых Государств, подготовленный Межпарламентской ассамблеей, в разработке которого активное участие принимали ученые-юристы из Кыргызстана. Можно считать, что сегодня Гражданский кодекс Кыргызской Республики находится в одном ряду с передовыми сводными законами (кодексами) цивилизованных стран мира.

Значительное место в системе современного гражданского законодательства Кыргызской Республики принадлежит также другим **законам**, в дополнение к Гражданскому кодексу более детально регулирующим ту или иную сферу гражданско-правовых, имущественных и личных неимущественных отношений. В первую очередь это законы: «Об акционерных обществах», «О государственной регистрации юридических лиц, филиалов (представительств)», «О хозяйственных товариществах и обществах», «О защите прав потребителей», «О некоммерческих организациях», «О коммерческой тайне», «О средствах массовой информации», «Об авторском праве и смежных правах», «О кооперативах», «О крестьянском (фермерском) хозяйстве» и т. д. [22].

Следующее по значимости место в системе современного гражданского законодательства занимают подзаконные нормативные правовые акты, издаваемые Президентом и Правительством Кыргызской Республики. В соответствии со статьей 65 Конституции Кыргызской Республики Президент реализует свои полномочия посредством принятия указов и распоряжений, которые обязательны для исполнения на всей территории Кыргызской Республики. Постановления, содержащие нормы гражданского законодательства, принимаются Правительством Кыргызской Республики на основании и во исполнение законов и указов Президента страны и относятся к числу подзаконных нормативных правовых актов. Акты Правительства Кыргызской Республики обязательны к исполнению на всей территории Кыргыз-

ской Республики всеми органами, организациями, должностными лицами и гражданами.

Акты министерств, государственных комитетов и административных ведомств, регулирующие гражданские отношения, могут издаваться только в случаях и в пределах своей компетенции, предусмотренных Гражданским кодексом Кыргызской Республики и иными нормативными правовыми актами.

В систему гражданского законодательства Гражданским кодексом Кыргызской Республики включены также международные договоры и соглашения. Согласно пункту 3 статьи 6 Конституции Кыргызской Республики [1] и статьи 6 Гражданского кодекса Кыргызской Республики, вступившие в установленном законом порядке в силу международные договоры и соглашения, участником которых является Кыргызская Республика, а также общепризнанные принципы и нормы международного права являются составной частью правовой системы Кыргызской Республики. Если международным договором, ратифицированным Кыргызской Республикой, установлены иные правила, чем те, которые предусмотрены гражданским законодательством, применяются правила международного договора [23].

Согласно статье 4 Гражданского кодекса Кыргызской Республики, к другим источникам гражданского права относятся обычаи, применяемые при рассмотрении и решении гражданских дел, которые в системе гражданского законодательства получили название «обычаи делового оборота». Обычаи делового оборота не должны противоречить закону, иным обязательным для субъектов положениям и правилам поведения, сложившимся и широко применяемым в какой-либо области предпринимательской деятельности. При этом, не имеет юридического значения зафиксированы эти правила в каком-либо документе или нет. Обычаи делового оборота не применяются, если противоречат обязательным для участников соответствующего отношения положениям законодательства или договора.

Следующей в системе иерархии гражданского законодательства является судебная практика, хотя в юридической литературе длительное время шли споры о возможности признания ее источником права. В теории права также высказана точка зрения об актах толкования высших судебных инстанций как об интерпретационных актах. Здесь речь идет о руководящих разъяснениях Верховного суда Кыргызской

Республики. На наш взгляд, при изучении гражданского права необходимо учитывать содержание и тенденции развития не только законодательства, но и судебной практики.

В соответствии со статьей 96 Конституции Кыргызской Республики Верховный суд является высшим судебным органом по гражданским, уголовным, экономическим, административным и иным делам и осуществляет пересмотр судебных актов местных судов по обращениям участников судебного процесса в определяемом законом порядке. Кроме того, согласно статье 100 Конституции Кыргызской Республики, вступившие в законную силу акты судов Кыргызской Республики обязательны для всех государственных органов, органов местного самоуправления, юридических лиц, общественных объединений, должностных и физических лиц и подлежат исполнению на всей территории республики [1]. Неисполнение, ненадлежащее исполнение либо воспрепятствование исполнению судебных актов, а также вмешательство в деятельность судов влекут установленную законом ответственность.

Таким образом, одной из основных функций Верховного суда Кыргызской Республики является разрешение гражданско-правовых споров между гражданами и юридическими лицами, а также на основе анализа практики дел разработка разъяснений по вопросам судебной практики для нижестоящих судов Кыргызской Республики.

Следует отметить, что подзаконные акты, относящиеся к гражданскому законодательству, издаются на основе и во исполнение законов, и каждый акт нижестоящего звена не должен противоречить акту, изданному вышестоящим органом государственной власти или местного самоуправления.

Исходя из вышесказанного, можно сделать вывод, что в совокупности различные нормативные правовые акты, регулирующие имущественные и личные неимущественные отношения, образуют современное гражданское законодательство.

Каково современное состояние гражданского законодательства Кыргызской Республики, отвечают ли его нормы требованиям времени? За двадцать с лишним лет в стране многое что изменилось не только в экономике, но и в политической и духовной жизни общества. Все эти изменения не могли не затронуть в целом и правовую систему страны, которая просто обязана оперативно реагировать и отражать в зако-

нодательстве любые новые проявления правовых отношений.

Наибольшим изменениям за это время подвергся Гражданский кодекс Кыргызской Республики: с момента принятия, то есть за 20 лет, в него вносились значительные изменения более 300 раз! Введены ранее неизвестные многие новые институты, такие, например, как предпринимательская деятельность гражданина, эмансипация, доверительное управление имуществом, частная собственность и многое другое. Но Кодекс не резиновый, все изменения, которые происходят в рыночных отношениях, в нем детально и скрупулезно отразить просто невозможно, хотя этот процесс неизбежно будет продолжаться.

Поэтому часть норм Гражданского кодекса была делегирована другим законодательным актам для их расширенного там толкования. С этой целью было принято, вдумайтесь только, более сотен законов (!). Источником и ядром всех этих и многих других законов, конечно же, является Гражданский кодекс. Но и этого, как оказывается, тоже недостаточно.

Чтобы наиболее полно отразить все глобальные изменения, которые в последние годы произошли в экономике нашей страны, — а это и появление на рынке новых хозяйствующих субъектов, и присоединение нашей страны ко многим международным конвенциям и договорам, и расширение новой судебной практики — необходимы кардинальные изменения в гражданском законодательстве, включая в первую очередь и Гражданский кодекс.

ВЫВОДЫ

С момента принятия Гражданского кодекса Кыргызской Республики прошло 20 лет, и в нем предусмотренные законы, которые и сегодня нуждаются в тщательном пересмотре, так как в условиях динамично развивающегося рынка практика применения правоприменительными органами и самими участниками гражданско-правовых отношений выявила ряд существенных проблем: значительное отставание от реально складывающихся общественно-экономических отношений и правоприменительной практики защиты частноправовых интересов. Если быть более конкретным, то сегодня появилась острая необходимость пересмотреть традиционный перечень так называемых юридических лиц, закрепленных в гражданском законодательстве, с точки зрения его соответствия новым жизненным реалиям, поскольку на нашем рынке появились новые игроки — концер-

ны, холдинги, консорциумы. И этот перечень со временем будет только расширяться.

Необходимо также пересмотреть подходы к образованию акционерных обществ как хозяйствующих субъектов. Здесь главная проблема — обеспечить их открытость. Ведь сегодня акционерные общества торгуют акциями на бирже, предоставляют для внесения в Единый государственный реестр сведения о фирменном наименовании, о размещении своих акций и т. д. Эта деятельность должна быть абсолютно прозрачной. И в Гражданском кодексе необходимо отразить эти новые публичные и непубличные организационно-правовые формы.

В современных условиях Кыргызстан остро нуждается в улучшении инвестиционного климата, создании благоприятной бизнес-среды, чтобы предприниматели и иностранные инвесторы чувствовали себя в нашем правовом поле комфортно и уверенно, не тревожились о том, что их бизнес будут пытаться проверками многочисленных фискальных структур. Найти разумный баланс между соблюдением законности в предпринимательской среде и пресечением всевозможных попыток давления на бизнес — сегодня одна из главных задач гражданского законодательства.

Время диктует и новый подход к самому процессу подготовки изменений в Гражданский кодекс. Поэтому необходимо сделать законотворческий процесс открытым, ясным и доступным. Чтобы каждый смог принять активное участие в общественных и профессиональных обсуждениях наиболее значимых поправок. Такие обсуждения можно организовывать в формате радио-, теледебатов. Очень важно при разработке законопроекта для проведения специальных экспертиз привлекать специалистов — лингвистов, финансистов, экономистов, правоведов. И, конечно же, мы сегодня должны ориентироваться на самое лучшее, что есть в международном опыте. Только такой подход может быть логичным в современных условиях.

Таким образом, с учетом краткого научного анализа можно сделать вывод о том, что состояние современного гражданского законодательства Кыргызской Республики не в полной мере отвечает требованиям времени, многие его нормы усиливают публичные начала в регулировании экономических отношений, что в конечном итоге может привести к тотальному вмешательству государства в частнопредпринимательскую деятельность. Такая конструкция никак

не вписывается в систему общественных отношений в условиях глобального рынка.

Современному гражданскому законодательству Кыргызской Республики 20 лет. Много это или мало? По меркам истории — срок ничтожный. Однако по пути, которая проделала наша страна, по тем изменениям, что произошли в экономике и рыночно-правовых отношениях, — срок немалый. И мы по-

прежнему движемся вперед. Еще многое предстоит сделать для того, чтобы экономические достижения Кыргызской Республики были признаны мировым сообществом, а гражданское законодательство наиболее полно регулировало бы гражданско-правовые отношения. Для того чтобы сложилась определенная позитивная практика применения гражданско-правовых норм, требуется еще не одно десятилетие.

Список литературы

1. Конституция Кыргызской Республики от 27 июня 2010 года. – Бишкек: Академия, 2010: <http://toktom.kg>
2. Алексеев С. С. Гражданское право в современную эпоху. – М.: Юрайт, 1999.
3. Альчиев К. А. Советтик Кыргызстандын граждандык кодекси – Фрунзе: Кыргызстан, 1971.
4. Альчиев К. А. Возникновение и развитие гражданского права в Советском Кыргызстане – Фрунзе: Илим, 1975.
5. Арабаев Ч. И. Обеспечение системности в законотворческой работе // Право: теория и практика. – М., 2004. – № 10.
6. Арабаев Ч. И. Совершенствование гражданского законодательства Кыргызской Республики: современное состояние и перспективы // Известия вузов. – Бишкек, 2008. – № 10.
7. Баранов В. М. Формы (источники) права: Общая теория – Н/Новгород, 1993.
8. Германское право. Гражданское уложение. Пер. с нем. Ч. 1 / Науч. ред.: В. В. Залесский; Пер.: Н. Г. Елисеев, А. А. Лизунов, Н. Б. Шеленкова; Введ.: В. Бергман, Е. А. Суханов. – М.: МЦФЭР, 1996.
9. Фархутдинов Я. Ф. Источники гражданского процессуального права – Казань: Изд-во Казан. ун-та, 1986.
10. Научно-практический комментарий к отдельным статьям Гражданского кодекса Кыргызской Республики / Под общ. ред. А. Р. Салиева, А. А. Давлетова. – Бишкек: Graffa, 2015. – 488 с.
11. Гражданское и торговое право капиталистических государств / Отв. ред.: Васильев Е. А. – 3-е изд., переработанный и дополненный – М.: Международные отношения, 1993. – 560 с.
12. Кыргызстан: энциклопедия: Т. 9. / Гл. ред. У. А. Асанов. – Бишкек: Изд-во НАН КР, 2016.
13. Алексеев С. С. Общая теория права: курс в 2 т. – М.: Юридическая лит., Т. 1 (1981); Т. 2 (1984).
14. Арабаев Ч. И. Конституционно-правовые проблемы устойчивого развития Кыргызской Республики в современный период // Государство и право. – М., 2004. – № 11.
15. Арабаев Ч. И. Гражданское право Кыргызской Республики: учебник. – 2-изд., испр. и доп. / Ч. И. Арабаев. – Бишкек: Нур-Ас, 2010.
16. Арабаев Ч. И. Энциклопедия гражданского права Кыргызской Республики – Бишкек: Турар, 2016.
17. Гуляев А. М. Русское гражданское право / А. М. Гуляев. – СПб., 1913. [Репринт. изд.] / Обзор действующего законодательства и проекта гражданского уложения: пособие к лекциям. – Киев (Оглобин), 1907: 1 июня 1907 г. // Юридическая библиография: 1 июня 1907 г., издаваемая Демидовским юридическим лицеем. – Ярославль: Тип. Губерн. правл., 1907. – № 1.
18. Гражданское право и гражданское законодательство / Отв. ред. М. К. Сулейменов. – Алматы: НИИ частного права КазГЮУ, 2009. – С. 33.
19. Сергеев А. П., Ю. К. Толстой Ю. К. Гражданское право [Текст]: учебник – изд. 5, перераб. и доп. / А. П. Сергеев, Ю. К. Толстой. – М.: Типография Л. В. Рожникова, 2001.
20. Калмыков, Ю. Х. Вопросы применения гражданско-правовых норм [Текст] / Ю. Х. Калмыков. – Саратов: Изд-во Саратовского ун-та, 1976. – С. 267.
21. Мейер Д. И. Русское гражданское право. – Ч. 1. – М., 1997.
22. <http://toktom.kg>
23. Гражданский кодекс Кыргызской Республики. Часть 1. – Бишкек: Академия, 2010: <http://online.toktom.kg>

Сведения об авторе

Арабаев Чолпонкул Исаевич, доктор юридических наук; член-корреспондент НАН КР, профессор; заслуженный юрист Кыргызской Республики; главный ученый секретарь Президиума Национальной академии наук КР; профессор кафедры гражданского права и процесса (по совместительству) КНУ имени Ж. Баласагына, Национальная Академия наук Кыргызской Республики (НАН КР); Кафедра гражданского права и процесса Кыргызского Национального Университета им. Ж. Баласагына (по совместительству)

Адрес: Кыргызстан, Бишкек, 720071, проспект Чуй 265 а; тел: (996–312) 39–23–66

E-mail: arabaev@mail.ru

ORCID: <http://orcid.org/0000-0001-5359-9190>

Contents

History and archaeology	3
<i>R. N. SULEIMANOVA</i>	
“CULTURAL, EDUCATIONAL, MORAL, EDUCATIVE AND LABOUR ASSISTANCE GOALS”: ON THE ORIGIN AND ACTIVITIES OF THE WOMEN’S SOCIETY IN UFA PROVINCE.....	3
<i>D. O. TSEPKOV</i>	
LOCAL REGULATORY BODIES OF EDUCATION ON THE TERRITORY OF UKRAINE DURING THE REVOLUTION OF 1917–1921 YEARS (USING THE EXAMPLE OF THE KHARKIV GOVERNORATE)	10
Pedagogy	15
<i>I. A. MALAKHOVA</i>	
METHODOLOGICAL ASPECTS APPLICATIONS OF THE COMPETENCE APPROACH TO EDUCATION IN THE FIELD OF CULTURE OF THE REPUBLIC OF BELARUS ..	15
<i>N. Yu. NALETOVA</i>	
<i>N. P. SENCHENKOV</i>	
RESEARCH METHODOLOGY THE GENESIS OF EDUCATIONAL PROCESSES IN THE HISTORICAL-PEDAGOGICAL SCIENCE	25
<i>L. Z. REBUKHA</i>	
METHODOLOGICAL ANALYSIS OF SOCIAL WORK SPECIALISTS.....	33
<i>A. V. SHABALDAK</i>	
NATURE AND SPECIFICITY OF AXEOLOGICAL APPROACH WITHIN TRAINING CADETS TO PROFESSIONAL ACTIVITY.....	39
Philology	48
<i>E. P. IVANJAN</i>	
LINGUOEKOLOGY OF TEACHER’S SPEECH	48
Economics	57
<i>A. Yu. ALEKSANDROV</i>	
“EDUCATIONAL SPACE” AS ECONOMIC AND SOCIAL CATEGORIES OF RESEARCH	57
<i>V. N. CHAJNIKOV</i>	
<i>E. N. KADYSHEV</i>	
THREE-LEVEL SYSTEM OF MANAGEMENT OF THE REGIONAL ECONOMY’S COMPETITIVENESS.....	63
<i>E. N. KADYSHEV</i>	
<i>V. L. SEMENOV</i>	
TRANSFORMATIONS OF QUALITY SYSTEM AS AN INNOVATIVE DEVELOPMENT WAY OF THE ORGANIZATION	72

<i>S. M. KULISH</i> INNOVATIVE PROCESSES IN RUSSIAN INDUSTRY.....	79
<i>D. R. NESTULAYEVA</i> REMOTE LEARNING MODEL — AS AN INNOVATIVE FORM OF MODERN RUSSIAN EDUCATION.....	83
<i>E. A. RYBKINA</i> DISCOUNT RATE: CONCEPT AND SPECIFIC THEORETICAL AND METHODOLOGICAL APPROACHES TO ITS CALCULATION.....	87
<i>V. V. SMIRNOV</i> <i>E. N. KADYSHEV</i> THE CONCEPT OF BUILDING THE INTERREGIONAL ECONOMIC SPACE.....	98
<i>V. V. SHLYCHKOV</i> ABOUT SOME ASPECTS OF INCREASING EFFICIENCY OF THE RUSSIAN ECONOMY.....	105
Science of law	113
<i>Ch. I. ARABAEV</i> THE CURRENT STATE OF CIVIL LAW KYRGYZ REPUBLIC	113